

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.161.1'373.72

Воронежский государственный университет
Кольцова Л.М.
профессор, доктор филологических наук
Кафедра русского языка
Филологический факультет
Воронежский государственный университет
Лафта Аднан Хабиб, аспирант
Кафедра русского языка
Филологический факультет
Тел. + 79515626887
E-mail: adnanhabeb4@yahoo.com

Voronezh state university
Koltsova L.M.
Professor, d-r of philological sciences
The chair of Russian language
Philological department
Voronezh state university
Lafta Adnan Habeeb, postgraduate student
The chair of Russian language
Philological department
Tel. + 79515626887
E-mail: adnanhabeb4@yahoo.com

Л. М. Кольцова, А. Х. Лафта

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЛОВИЦ, СОДЕРЖАЩИХ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ, КАК КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК

Статья посвящена анализу частотности названий животных в пословицах как одного из признаков классификации. Исследование поясняет необходимость частотности как важного параметра функционирования пословицы в тексте, так как именно благодаря ему уточняется понятие «паремиологического минимума» и того, что в него входит. Кроме того, в статье исследуется обширный практический материал, позволяющий рассмотреть как сугубо художественные тексты, так и тексты из блогов, близкие к разговорным, что, в свою очередь, объясняет причины частотности той или иной пословицы и изменение этого параметра во времени.

L.M. Koltsova, A.H. Lafta

THE FREQUENCY OF THE PROVERB USAGE WITH CLASS NAMES OF ANIMALS AS A SIGN OF CLASSIFICATION

The article is devoted to the analysis of the frequency of class names of animals in proverbs as one of the signs of classification. This research explains the need of frequency as important parameter of the proverb's functioning in the text, because by this parameter the concept of «paremiological minimum» and its contention became more concrete. Besides the article describes wide practical material, which allows to study literal texts and texts from blogs which explain some of the frequency reasons of different proverbs and the modification of this parameter with time.

По функционированию в тексте пословицы можно разделить по ряду признаков. К ним относятся группировка русских пословиц *по частотности употребления*; группировка пословиц *по степени полисемантической*, а также группировка *по функции* в тексте.

В данной статье мы рассматриваем группировку пословиц по частотности. В ходе исследования мы рассматривали пословицы, содержащие названия животных, в Национальном корпусе русского языка, а также в других поисковых системах.

Вопрос о частотности пословиц является гораздо более важным, чем это может показаться на первый взгляд. Даже при отнесении-неотнесении пословицы к

фразеологическим единицам используется «частотный корпус пословиц» или «паремиологический минимум». При этом к фразеологии следует относить только те пословицы, которые обладают высокой частотностью в различных сферах коммуникации (по терминологии В.Л.Архангельского, «общеупотребительные» пословицы). Недостаток этой теории, на наш взгляд, состоит в том, что разные авторы по-разному подходят к отбору частотных пословиц, что приводит к субъективности и расхождению в результатах» (Птушко 2010, с. 24).

Вопрос частотности пословиц рассматривался на весьма разнообразном материале: начиная с письменных источников, заканчивая опросом информантов. С одной стороны, посредством изучения частотности пословиц выявляется их принадлежность к фразеологическим единицам, как это проводилось в исследованиях русского ученого Исидора Левина, который доказал несостоятельность экспериментов, проведенных английскими учеными Албигом и Бейном. Они изучали частотность пословиц, но при этом не принимали во внимание опроса информантов из города и села, что привело к серьезному различию групп пословиц, ими выделяемых.

С другой стороны, частотность пословиц и ее изучение могут быть отдельной целью, так как используется этот параметр для сравнения с другими образными средствами. Как правило, такая частотность выявляется в письменных текстах. Так, В.П. Булычева утверждает: «Частотность пословиц и поговорок в текстах монографий и учебников не различается – по 4%; аллюзии часто встречаются в текстах учебников – 4%. Самый низкий процент употребления обнаруживает метонимия – 2%» (Булычева 2010, с. 13). А.Жигарина, наоборот, использует в своем исследовании «примеры типичных и уникальных значений пословиц в контекстах произнесения; доказывается, что квазипословицы и видоизмененные пословицы в речевых ситуациях могут иметь специфические функции, не характерные для обычного употребления пословиц; дела-

ется попытка соотнести частотность пословичных видоизменений с тем, какое событие во временно'м плане паремии оценивают». (Жигарина 2006, с. 7).

Наше исследование интересно именно тем, что за основу эксперимента берется интернет-ресурс. В данном случае мы имеем дело со всеми типами текстов. Тесты из блогов часто могут быть близки к разговорной речи, но при этом интернет-ресурсы насчитывают немало и научных, публицистических и художественных текстов. Кроме того, все вышеназванные авторы обращали внимание на гендерный и возрастной факторы, отмечая, что молодежь гораздо чаще изменяет пословицы, чем люди более зрелого возраста, даже в художественных текстах. Следует проверить эти данные и с использованием современных поисковых систем.

При изучении вопроса о частотности пословиц следует не забывать о его субъективности, так как даже ассоциативный фразеологический словарь не считается объективным из-за высокой степени изменчивости материала. *Высокочастотными* мы можем назвать пословицы, фигурирующие в различных контекстах и обнаруженные в разных поисковых системах в достаточном (более десяти) числе контекстов, *среднечастотными* – пословицы, функционируют реже, а *низкочастотными* – найденные в двух и одном контекстах.

Из рассмотренных контекстов, в которых употреблялись 24 наиболее известных в русском языке пословицы, нами было выделено 9 высокочастотных, 4 среднечастотных и 11 низкочастотных. Рассмотрим последовательность употребления пословиц в различных контекстах.

К высокочастотным могут быть отнесены следующие пословицы:

На ловца и зверь бежит! (35)

Штаны тоже были стопроцентные, без манжет. Алик поднял голову выше и ахнул. Мимо него шёл знаменитый сценарист и кинодеятель Иванов-Петров. "*На ловца и зверь бежит!*" - сразу же подумал Алик. Знаменитость отошла метров на десять и со слабым стоном повалилась на песок. [Аксенов В. Звездный билет // "Юность, №6, 7", 1961]

Без труда не выловишь и рыбку из пруда (25)

Труд - одна из базовых советских ценностей. Пословицу "*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*" знал каждый советский ребенок, она вошла в хрестоматии по родной речи. [Минаева А. "Работал на заводе до мозолистых рук" // "Отечественные записки", 2003]

На безрыбье и рак рыба (18)

Вот / можете посмотреть / это не агитационное / какие партии и за что проголосовали. № 8. "*На безрыбье / и рак / рыба*". Деваться просто некуда. № 9. Просто коммуниста Зюганова не показывают по телевизору / не дают возможности высказаться в той мере / в которой нужно. [Беседа с социологом на общественно-политические темы, Воронеж // ФОМ (2003.11.04)]

Соловья баснями не кормят (17)

- Вот, братцы, две тысячи верст я проделала, чтобы на вас посмотреть. Правофланговый первой роты отвечает на эту декларацию: - От эфтакрой матушки-царицы чего только не приходится ожидать. *Соловья баснями не кормят* Если верить старинному справочнику "Разведение певчих птиц", соловья кормят льняным и конопляным семенем, которое предварительно выдерживают в молоке. Теперь соотнесем этот затейливый рацион с положением нашего писателя, и у нас выйдет, что он кормится много хуже нашего соловья. Так было далеко не всегда. [Пьецух В. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // "Октябрь", 2002]

Волка бояться, так и в лес не ходить (12)

- Да, да! ударить невпопад - так плеть и отхлыснет по твоей же спине. - Простак! если *волка бояться, так и в лес не ходить*. Пожил бы с моё, побродил бы, как я, по свету - то бы узнал, что и не такие обухи тонким ремешком перетирают. .. [Сомов О.М. Гайдамак (1825)] *Низкочастотные Черного кобеля не отмоешь добела* (11)

Она потянула меня за рукав. - Первое дело: *черного кобеля не отмоешь добела* - это раз! Второе - тебе еще надо на себя заработать, а ты все на начальника вкалываешь. [Гинзбург Е. Крутой маршрут (1990)]

Пуганая ворона куста боится (10)

И еще, чтобы посвятить себя задуманному делу, требовалось одно условие. Я был не один - и приходилось ставить под удар едва обретенные покой и благополучие. В памяти семьи были свежи пройденные мытарства, страхи, нужда. *Пуганая ворона куста боится*: даже в публицистических моих подцензурных выступлениях в защиту Байкала семье чудились источники возможных осложнений. [Волков О. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)]

Дареному коню в зубы не смотрят (9)

Ну не нравится. Катя. Так это же подарок / говорят / *дареному коню в зубы не смотрят*. № 1. Я единственный в доме / который не имеет их. № 8. [Беседа с социологом на общественно-политические темы, Москва // ФОМ (2003.07.22)]

Знает кошка, чье мясо съела (9)

Знает кошка, чье мясо съела, но человек почему-то не всегда догадлив, приходится его носом тыкать. [Набатникова Т. День рождения кошки (2001)]

Цыплят по осени считают (8)

Конечно, все получится. На родственников мужа поменьше обращая внимания. В прямом смысле этого слова. *Цыплят по осени считают!!!* Ну получится у вас ребенок попозже, ну и что?))) Главное, что бы у вас с мужем были хорошие отношения. А всяким золовкам и женам ты еще нос утрешь: -))) Свекровь вообще дура какая-то. [Беременность: Планирование беременности // Форум на eva.ru, 2005]

Бодливой корове бог рог не дает (7)

Бодливой корове бог рог не дает Несмотря на то что у разных народов разные бывают свичаи и обычаи, понятие о добре и зле, по сути дела, разнится мало, и даже у готтентотов есть пословица "В здоровом теле здоровый дух". [Пьецух В. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // "Октябрь", 2002]

Старого воробья на мякине не проведешь (6)

Давид сделал пренебрежительный жест рукой. - Ладно, ладно! *Старого воробья на мякине не проведешь*. Я-то знаю, в чем дело. Скажите лучше, где найти вашего Аврумку... [Степняк-Кравчинский С.М. Андрей Кожухов (1898)]

Паршивая овца все стадо портит (6)

Он назвал тебя паршивой овцой. Пришел к нам на урок и сказал: "Слава богу, его уже не будет в гимназии!" Так и сказал: "Слава богу! *Паршивая овца все стадо портит*". Моя мама говорит то же самое: твое место не в гимназии, а в прачечной. [Чуковский К.И. Серебряный герб (1936)]

Данные высокочастотные пословицы безусловно являются столь же частотными и в разговорной речи. Кроме того, мы видим, что в контекстах может «срабатывать» любой компонент пословицы, а также пословицы из вышеперечисленных легко подвергаются трансформации. При этом мы видим, что они функционируют как в художественных текстах, так и в публицистических, а также в текстах разговорного характера.

Среднечастотные пословицы представлены меньшей по объему группой.

Яйца курицу не учат (4)

Я отговаривал родителя – только что был опубликован грозный, карающий указ о финансовой и иной ответственности, толковал ему о том, что семья, слава богу, при месте, от тайги питается мясом, рыбой, ягодами и орехами.... и довольно с него трудовых подвигов, на что родитель отвечал коротко и решительно: "*Яйца курицу не учат!*" [Астафьев В. Царь-рыба (1974)]

Отольются волку овечьи слезки (4)

По милости самой матушки Анны Ивановны сочетаюсь вскорости законным браком с столбовым дворянином. Ведь мой Петенька еле-еле не князь, ходит у ручки государыниной и при сучке ее величества, коли задумает, так и самому Волынскому несдобровать. Потому он и паж, что всякий перед ним паш. Да уж, матка, если на то пойдет, *отольются волку овечьи слезки*. (Тут наша пиковая дама с сердцем схватила муфту в одну руку и начала ею замахиваться. [Лажечников И.И. Ледяной дом (1835)]

Два медведя в одной берлоге не уживутся (4)

Непонятно почему люди тогда разбегаются по разным партиям. Виктор: «*Два медведя в одной берлоге не уживутся*.

Неужели Явлинский потерпит / чтобы рядом с ним был Немцов. [Беседа в Самаре (2001.08.31)]

Старый конь борозды не испортит.

Иногда прямо из постели и звонил, непросохший... - М-да! Какого черта ты с ним связалась? *Старый конь борозды не испортит* - так, что ли? - Много будешь знать - скоро состаришься. И вообще что ты понимаешь в зрелых мужчинах, - расплылась Карина в раскрасневшейся улыбке. [Симонова Д. Сорванная слива (2002)]

Всяк кулик свое болото хвалит (3)

...а если ты последуешь за их страстями после пришедшего к тебе истинного знания, то не будет тебе от Аллаха ни близкого, ни помощника. " Или так - "*всяк кулик свое болото хвалит*". :) [Женщина + мужчина: Брак // Форум на eva.ru, 2005]

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь (3)

Печалит, конечно, что остался только один, но с другой стороны, это несколько облегчает работу, поскольку *за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*. А этого одного я уж точно должен накрыть. Да и некуда ему деться. [Галицкий П. Опасная коллекция (2000)]

Объективных факторов частотности в данном случае немного. Так, пословица «*За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*» не является высокочастотной из-за ее объема. Часть пословицы при дополнительном исследовании могла бы оказаться среди высокочастотных. Частотность остальных является субъективной.

Низкочастотные пословицы представлены небольшим количеством примеров, но они отличаются разнообразием, широтой ассоциативных значений. Следует подчеркнуть, что они обнаруживаются в Национальном корпусе русского языка, а не среди всех интернет-ресурсов.

В.Л. Архангельский указывает, что любая пословица из низкочастотных и нечастотных всегда может получить активное употребление в речевом стандарте, то есть стать частотной. Во многом это происходит и благодаря средствам массовой информации, которые вводят ее в оборот. Отсюда следует, что корпус частотных по-

словниц очень подвижен. (см. Архангельский 1964).

Голодной курице просо снится

Колька у нас сущий оракул: каждый день во сне волю видит. Есть же пословица: "*Голодной курице просо снится!*" Кончаю. Пусть еще Колька покляузничает. С приветом (прозаическим). [Жигулин А. Черные камни (1988)]

Горе только одного рака красит

"Взгляните, - говорит, - сами, какая я? На что я стала похожа". "Вижу, - отвечаю ей, - вижу, мой друг, и нимало не удивляюсь, потому *горе только одного рака красит*, но помочь тебе, - говорю, - ничем не могу". [Лесков Н.С. Воительница (1866)]

На Руси не все караси, есть и ерши

.." Учителю наплевать, что его не понимает ученик, а ребятам больше, что ли, надо! ... "Вас ис дас? ... - кислый квас" - и все тут. Но, оказалось, "*на Руси не все караси, есть и ерши*". Не смыслит учитель, с чего надо начать, но смыслит ученик Ломоносов. Учебники написаны по-немецки: Михайло сам их переводит ночами, сидя за словарем. Мало-помалу становятся понятнее и разглагольствования немца-профес-

сора на кафедре. [Шергин Б. Слово о Ломоносове (1930-1960)]

Щука умерла, а зубы остались

Кабы не воевода Полуехт Степаныч, так тряхнули бы вашим монастырем. Погоди, еще тряхнут. - Нечем трясти-то, коли все отняли. - *Щука умерла, а зубы остались*. [Мамин-Сибиряк Д.Н. Охонины брови (1892)]

Анализ пословиц по частотности употребления является довольно неоднозначным, так как в художественных и публицистических текстах их встречается сравнительно немного. Тем не менее, полученный результат говорит о том, что частотность некоторых пословиц действительно очень велика, что обусловлено рядом факторов.

На частотность влияют возраст пословицы, среда употребления, пол и возраст участвующих в эксперименте, а также место их жительства, что практически невозможно проследить в интернет-контекстах. Следует отметить, что современные информационные ресурсы постоянно обновляются и расширяются, что даёт возможность для дальнейшего поиска и уточнения результатов исследования.

Библиографический список

1. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского Ун-та, 1964. – 315 с.
2. Булычева В. П. Средства образности в английских текстах экономической тематики. – Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. – Волгоград, 2010. – 24 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Эксмо-пресс, 2002.– 612 с.
4. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Фразеология в ассоциативном словаре // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1992. № 6. – С. 3-13.
5. Жигарина Е.Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов. –Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. – М., 2006. – 24 с.
6. Избранные пословицы и поговорки русского языка. / [под ред. А.А.Прокофьева]. – М.: Госуд. изд-во «Худож. литература», 1957. – 203 с.
7. Национальный корпус русского языка. – (<http://www.ruscorpora.ru/>).
8. Поисковая система «Яндекс». – (<http://www.yandex.ru/>).
9. Поисковая система «Google». – (<http://www.google.ru/>).
10. Птушко С.В. Лингвистический статус паремий // Филологические науки/ Теоретические и методологические проблемы исследования языка, 2010. – С. 24-26.

References

1. Arkhangelsky V.L. Set expressions in modern Russian language. – Rostov-on-Don, 1964. – 315 p.
2. Bulychyova V. P. Figurative means in English texts on economics. – Volgograd, 2010. – 24 p.
3. Dal V.I. Proverbs of Russian people. – M., 2002. – 612 p.
4. Dobrovolsky D.O., Karaulov J.N. Phraseology in associative vocabulary // Proceedings of Academy of Sciences. Literature and language section. – 1992. – Vol. 6. – P. 3-13.
5. Zhigarina E.E. Modern existence of proverbs: variability and polyfunctionality of texts. – M., 2006. – 24 p.
6. Selected proverbs and sayings of Russian language. – M., 1957. – 203 p.
7. National corps of Russian language. – (<http://www.ruscorpora.ru/>).
8. Searching system «Yandex». – (<http://www.yandex.ru/>).
9. Searching system «Google». – (<http://www.google.ru/>).
10. Ptushko S.V. Linguistic status of proverbs // Philological sciences. Theoretical and methodological problems of languages studies, 2010. – P. 24-26.

УДК 801.3

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации,
канд. филол. наук Воронова Т.А.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer,
candidate of philological sciences, Voronova T.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru

Т.А. Воронова

АНТРОПОЦЕНРИЗМ В ПОЭЗИИ А.А. ТАРКОВСКОГО

В статье рассматриваются лексические единицы в поэзии А.А. Тарковского, значения которых привязаны к миру человека, к человеческому восприятию жизни и окружающей действительности.

Т.А. Voronova

ANTHROPOCENTRISM IN A.A. TARKOVSKY'S POETRY

The article concerns the meanings of lexical units in A.A. Tarkovsky's verse which are connected with the world of a human being and with human perception of life and reality.

Такая особенность поэзии Арсения Тарковского, как антропоцентричность, привязанность лексических

смыслов к миру человека, была отмечена многими исследователями.

К примеру, А.П.Лаврин, составитель трехтомного собрания сочинений поэта, пишет о «вере А.А.Тарковского в антропоцентрическое устройство мира» [Лаврин 1991, с. 431]. Аналогичную мысль высказывает и

С.А.Мансков: «В художественном мире А.Тарковского лирический субъект <...> ощущает антропоцентричность мира» [Мансков 2001, с. 312]. Л.В.Мирошник указывает на антропоцентричность времени в поэтическом мире Тарковского [Мирошник 2005, с. 277]. Лексикографический инструментарий подтверждает приведенные высказывания и позволяет говорить о том, в какой степени восприятие мира в поэзии Тарковского является антропоцентрическим.

В доказательство сказанному выше приведем анализ контекстуальных значений наиболее частотной лексики в текстах Тарковского.

Так, метафорой растительного мира становится вторичный, сотворенный человеком объект – **город**:

И если к земле прикоснуться,
чешуйки все в радугах. Надо
Ослепнуть, чтоб имя твое
не прочесть на ступеньках и сво-

дах

Хором этих нежно-зеленых.
Вот верности женской засада:
Ты за ночь построила **город**
и мне приготовила отдых.
(«Чего ты не делала только...»)

Существительное «**дом**» в значительном числе контекстов обозначает не просто жилище человека, но несет ряд важных индивидуальных смыслов. По словам С.А.Кузнецовой, для Тарковского «земной дом <...> – это некая безусловно благая универсалия, в сотворении которой участвует и сам поэт» [Кузнецова 1999, с. 136]. В «Словаре лирики Арсения Тарковского» нами выделены следующие значения данного слова:

а) судьба отдельного человека:
Пока еще в глазах твоих кипела
Вся жизнь моя, пока я строил **дом**

Во имя долга и во имя дела,

Ты в эти дни жила со мной вдвоем.

(*Молодости*);

б) пространство человеческого бытия, рамки судьбы и жизни:

Все разошлись. На прощанье
осталась

Оторопь желтой листвы за окном. Вот и
осталась мне самая малость Шороха осени в
доме моем.

(*Перед листопадом*);

в) новая сфера, этап жизни или само
время, годы этого этапа:

В **дом** вошел я, как в зеркало,
жил наизнанку,
Будто сам городил колченогий
забор...
(*Дом*);

г) признак присутствия человека, осед-
лости:

Видение цезарианского Рима:
Горбатый орел, и ни **дома**,
ни дыма...
(«*На черной трубе погорелого
дома...*»).

Такой элемент дома, как **окно**, также нередко воспринимается Тарковским как граница индивидуального человеческого пространства. Окно разделяет жизнь свою и чужую; то, что происходит «за окном», принадлежит уже другой личности. Существительное приобретает добавочное значение – граница мира отдельного человека, его «бытия и жилья»:

Все разошлись. На прощанье
осталась

Оторопь желтой листвы за **окном**. Вот и
осталась мне самая малость Шороха осени в
доме моем. <...> Там, в **законном** тревож-
ном покое, Вне моего бытия и жилья,
В желтом, и синем, и красном –
на что ей

Память моя?

(*Перед листопадом*)

Лексема «**душа**» зачастую выступает как синоним внутреннего состояния человека или его чувств:

...**Душа** стенает
И дрожит людская плоть...
(*Чистопольская тетрадь, I*);

И тихо было там, а на **душе**
Еще того спокойнее и тише.
(*На берегу*)

Аналогичные смыслы может нести
и существительное «**кровь**»:

Мне понятен душный холод,
Вешний лед в **крови** твоей.
(«*Я боюсь, что слишком поздно...*»)

Лексема «**жизнь**», одна из самых частотных и существенных в поэзии Тарковского, во многом определяющая ее специфику, – только в 19 случаях из 74 употреблена в обобщенном значении «жизнь как таковая». В большинстве случаев философский смысл уступает место более узкому и конкретному. Основные смыслы данного слова, выделенные нами, можно сформулировать следующим образом:

а) время, срок земного существования человека:

А эта **жизнь** – плакун-трава
Пред той широкошумной рощей.
(*Близость войны*);

б) жизненные обстоятельства, человеческая судьба:

Я не томлюсь по дому,
В котором **жизнь** меня терпенью
учит...
(*25 июня 1939 года*);

в) период в судьбе человека:

Бедной **жизни** бедный гений
Из окошка смотрит в сад.
(«*Невысокие, сырые...*»)

Самое частотное существительное в поэтическом словаре Тарковского – «**земля**» – также развивает ряд антропоцентрических смыслов, обобщение которых, тем не менее, представляется нам возможным. Все многообразие выделяемых значений можно объединить в следующие:

а) некая заселенная территория, пространство, предназначенное для людей:

Вечер приходит, поля голубеют,
земля сиротеет...
(*Колыбель*);

б) место, связанное с рождением и детством человека (смысл, реализуемый также во фразеологизмах «родимая земля» и «отчая земля»):

Вы нашей **земли** не считаете раем,
А краем пшеничным, чужим
караваем...
(*Чистопольская тетрадь, IX*);

в) земная цивилизация:

Что ни сбудется с **землею**,
Вижу вдоль и поперек. <...>
Мотоциклы, как циклопы,
Заглотали перевал,
Шелестящие машины,
Держат путь на океан,
И горячий дух резины
Дышит в пешех горожан.
(*Лазурный луч*);

г) «земная жизнь», в определенных контекстах противопоставляемая «небу» (в указанном значении поэт употребляет данное существительное 24 раза из 122):

И как ты ни жила, но мало,
Так мало на **земле** жила.
(*Ночной дождь*)

«**Время**» в большинстве стихотворных текстов Тарковского предстает как «человеческое», привязанное к определенным событиям в жизни отдельной личности и человечества в целом; это же касается и лексических «заместителей» данного существительного – «**день**» и «**год**». Время в поэзии Тарковского – понятие, относящееся почти всецело к человеческому миру, а если точнее, к миру культуры: чаще всего слово «время» используется автором в значении «эпоха», «период истории». «День» – это не столько «светлое время суток», а «год» – не столько

«отрезок времени продолжительностью в триста шестьдесят пять дней». Чаще всего это

а) некий этап в жизни человека:

А я без них – с кем буду хлеб
делить,
С кем буду пить вино в мой свет-
лый **день**?
(Памяти друзей);

б) впечатление или память о ка-
ком-либо времени или событии в жиз-
ни:

Красный фонарик стоит на снегу.
Что-то я вспомнить его не могу.
<...>
Может быть, это морочит меня
Дымный закат окаянного **дня**.
(«Красный фонарик стоит
на снегу...»);

в) определенный момент или часть
человеческой жизни, которые обладают
особыми свойствами, признаками:

Для чего я лучшие **годы**
Продаю за чужие слова?
(Переводчик);

Что с нами ни случится,
В мой самый черный **день**,
Мне в черный **день** приснится
Криница и сирень.
(«Мне в черный **день**
приснится...»)

Л.В.Мирошник утверждает, что в
лирике Тарковского «время получает
ярко выраженную антропоцентриче-
скую концептуализацию. <...> Время не
только подвластно человеку, но и нахо-
дится в зависимости от него» [Мирош-
ник 2005, с. 275]. При этом поэт разде-
ляет (прежде всего на уровне лексиче-
ского выражения) «время природное» и
«время человеческое». «Время природ-
ное» изображается Тарковским как цик-
личное. Умирание и возрождение чере-
дуются в природе, это ее закономерный
ритм, и при его описании само слово

«время» автор использует крайне редко, при-
чем только в тех случаях, когда размышление
о человеческой жизни подается через карти-
ны природы:

Им [деревьям] тяжело собственное
бремя,
Но с каждой новой весной
В их жесткой сердцевине **время**
За слоем отлагает слой.
(Деревья, I)

«Человеческое» же время не просто те-
чет – оно непременно должно «осесть», «от-
вердеть» в тех или иных культурных формах,
чтобы стать доступным последующим поко-
лениям:

... для земли на бремя
Открытый твой ковчег,
Плывущий перед всеми
В твой двадцать первый век,
Из **времени во время**.
(Памяти А.А. Ахматовой, III)

В этом Тарковский видит гарантию
жизни для тех людей, которые «насеяли»
эти времена (по всей видимости, отсюда –
весьма частотный образ города, «хранилища»
культурной памяти). Время в поэтическом
мире Тарковского направлено в обе стороны
– прошлое и будущее [Бельская 1994, с. 21],
поэтому оно воспринимается поэтом не как
«поступательное движение к смерти», а как
след и продолжение жизни. Образом этого
«следа» может выступать не только произве-
дение искусства (создание которых С. Бройт-
ман так и называет – «обретение утраченного
времени» [Бройтман 2001, с. 325]), но и при-
родные реалии:

В родимую душную землю сойду,
В траву перельюсь...
(«За хлеб мой насыщенный...»);

Ты можешь услышать дыханье
старой жизни:
Осклизлые грибы в сырой траве
растут.
(Игнатъевский лес)

Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий ви-
дят в этом особенность, присущую поэзии 60-

70-х годов в целом: «Для многих поэтов неоакмеизма ... характерно утверждение нераздельности природы и культуры. Точнее, природа в их стихах пронизана культурными ассоциациями, а культура не только не противоположна природному миру, но и воплощает его глубинные тайны. <...> Культура вос-

принимается не как продукт человеческой фантазии, интеллекта, мастерства, а как самая реальная, самая прочная реальность» [Лейдерман, Липовецкий 2001, с. 202 – 203]. Наблюдения исследователей подтверждаются в ходе лексикографического анализа языка писателя.

Библиографический список

1. Бельская Л.Л. «Жизнь – чудо из чудес...» (Миф и символ в поэзии А.Тарковского) // Русская речь. – 1994. – № 5. – С. 20 – 24.
2. Воронова Т.А. Словарь лирики А.А.Тарковского. Часть 1 (А – Йота). – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. – 296 с.
3. Лаврин А.П. Примечания к изданию: Тарковский А. А. Собрание сочинений в 3 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1. – С. 414 – 451.
4. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: В 3 кн. Кн. 2: Семидесятые годы (1968 – 1986): Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
5. Мансков С.А. Предметный мир поэзии А.Тарковского // Вестник Барнаульского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – Барнаул, 2001. – Вып. 1. – С. 63 – 69.
6. Мирошник Л.В. Метафоры времени в поэзии Арсения Тарковского // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. – Днепропетровск, 2005. – С. 275 – 278.

References

1. Belskaya L.L. «Life is a miracle out of the miracles...» (Myth and symbol in A. Narkovsky's verse) // Russian speech. – 1994. – Vol. 5. – P. 20 – 24.
2. Voronova T.A. The vocabulary of A.A. Tarkovsky's verse. Part 1. – Voronezh, 2004. – 296 p.
3. Lavrin A.P. Comments to the edition: A.A. Tarkovsky. Collected works in 3 vol. – M., 1991. – Vol. 1. – P. 414 – 451.
4. Leiderman N.L., Lipovevsky M.N. Modern Russian literature. Book 2: The seventies (1968 – 1986). – M., 2001. – 288 p
5. Manskov S.A. Material world of A. Tarkovsky's verse // Bulletin of Barnaul state teaching university. The Arts. – Barnaul, 2001. – Vol. 1. – P. 63 – 69.
6. Miroshnick L.V. Metaphors of time in Arseny Tarkovsky's verse // Lexical and grammar innovations in modern Slavonic languages. – Dnepropetrovsk, 2005. – P. 275 – 278.

УДК 811 373

Воронежский государственный университет

Аспирант кафедры общего языкознания и стилистики

Хади Али Хусейн

Россия, г. Воронеж,

тел: +79601366651

E-mail: hadialiii@yahoo.com

Voronezh State University

Postgraduate student of general linguistics and stylistics chair

Hadi Ali Hussain

Russia, Voronezh,

tel: +79601366651

E-mail: hadialiii@yahoo.com

А.Х. Хади

ОБРАЗЫ – ЭТАЛОНЫ КАК ОБЪЕКТЫ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрены образы-эталоны как объекты устойчивых сравнений при характеристике человека по модели «глагол + как + образ-эталон».

A.H. Hadi

IMAGES - STANDARDS AS TARGETS FOR RESISTANCE COMPARISON TO DATA RIGHTS IN RUSSIAN LANGUAGE

This article examines the images as objects of standards-resistant comparisons with human characteristics on the model "as a verb + like+image-standard".

В этой статье будут рассмотрены образы-эталоны как объекты устойчивых сравнений при характеристике человека по модели «глагол + как + образ-эталон».

Для анализа устойчивых стереотипных сравнений были также произвольно отобраны из Словаря сравнений русского языка В.М.Мокиенко глаголы, характеризующие человека. Понятно, что в русском языке они тоже представляют собой открытое множество. Мы ограничили выборку следующим кругом лексем:

бегать, бить, биться, болтаться, бродить, бросаться, вертеться, врать, говорить, дрожать, есть, жить, жмуриться, играть, извиваться, кричать, кусать, лежать, лететь, молчать, надуться, одеться, пить, прыгать, работать, ругаться, сидеть, смеяться, смотреть, спать, сражаться, стоять, ходить, шагать – 35 лексем.

Все эти глаголы характеризуют действия человека с разных сторон.

Среди выбранных нами глаголов выделяется 18 семантических групп:

- 1) глаголы движения;
- 2) глаголы физического воздействия на объект;
- 3) глаголы беспорядочного вращательного и колебательного движения;
- 4) глаголы разнонаправленного движения;
- 5) глаголы поведения и поступка;
- 6) глаголы речевого сообщения;
- 7) глаголы физиологического действия;
- 8) глаголы бытия;
- 9) глаголы изменения положения;
- 10) глаголы звучания;
- 11) глаголы давления;
- 12) глаголы речевой деятельности;
- 13) глаголы одевания;
- 14) трудовой деятельности;
- 15) глаголы проявления отношения;
- 16) глаголы восприятия;
- 17) глаголы противодействия;

18) глаголы состояния.

Ядром устойчивого стереотипного сравнения становятся эталонные образы-прототипы, являющиеся объектами сравнения. Субъектом рассматриваемых сравнений является человек а по основании сравнения признак действия или состояния.

Из Словаря сравнений русского языка под редакцией В.М. Мокиенко были выписаны все зафиксированные образы-эталонные для сравнения к указанным выше глаголам. Этот материал дал возможность увидеть сложившиеся стереотипы, характерные для носителей русского языка, зафиксированные указанным словарём. Представим их полным списком.

- Бегать как: бобик, газель, заяц, лань, мальчишка, серна, ящерица.
- Бить как: молот, молоток.
- Биться как: кровь, молния, молот, молоток, муха, пуля, пчела, рыба.
- Болтаться как: паяц, сарделька, цветок, щепка.
- Бродить как: Вечный Жид, привидение, призрак, страшилище, упырь, фланёр.
- Бросаться как: стадо баранов, собака, стая голодных волков, коршун, лев, собаки, тигр, тигрица, фурия.
- Вертеться как: веретено, дьявол.
- Врать как: барон Мюнхгаузен, Геббельс.
- Говорить как: актер, актриса, артист.
- Дрожать как: осиновый лист, осина, овечий хвост.
- Есть как: акула, бегемот, воробышек, зайчик, звереныш, зверь, кабан, куренок, птенчик, свинья, собака, удав, цыпленок.
- Жить как: анахорет, аскет, барин, барчук, барыня, бирюк, бобыль, босьяк, бродяга, волк, голубь, голубки, деревина, дикарка, дикарь, одна душа, затворник, затворница, зверь, Иванушка на печи, князь, король, крот, лиса, люди, министр, монах, набоб, недоросль, отцы с детьми, отшельник, пан, паша, пленник, помещик, праведник, птица, пустынный, тепличное растение, Робинзон, рыба в воде, свинья,

сирота, скоты, скряга, собака, совы, спартанец, султан, сыч, филин, фон-барон, человек, Штирлиц.

- Жмуриться как: кот, котенок.
- Извиваться как: змей.
- Играть как: дети, котенок, кутенок, кутята, Паганини, ребенок, сапожник, щенок, щенки, щенята.
- Кричать как: дурак.
- Кусать как: акула.
- Лежать как: арбуз, байбак, барин, барыня, бревно, дрова, камень, кипа, ком, султан, тюк, тюленята, чад, чурбан.
- Лететь как: бабочка, птица, самолет, пух.
- Молчать как: могила, пень, рыба, статуя, сфинкс, дерево, камень, партизан.
- Надуться как: индюк.
- Одеться как: куколка, монашенка.
- Петть как: канарейка, птичка, соловей.
- Пить как: бочка, извозчик, сапожник.
- Прыгать как: барс, дура, дурак, игла, идиот, коза, козлик.
- Работать как: автомат, батрак, вол, дура, дьявол, зверь, каторжник, лев, ломовик, лошадь, машина, невольник, раб, сапожник, часы, черт.
- Ругаться как: грузчик, девчонка, извозчик, кочегар, черт.
- Сидеть как: баба, балбес, барин, барсук, барчуком, барыня, болван, бука, волк, господин, госпожа, дура, дурак, ежик, зверек, звереныш, идиот, изваяние, именинник, истукан, Иисус, Каин, каторжник, квашня, колода, король, кулёма, курица, купчиха, манекен, матрешка, бедная Маша, мишень, монумент, наседка, памятник, паучок, турецкий паша, пень, принц, бедный родственник, рохля, сокол, спица, статуя, стена, столб, султан, сыч, тумба, тюня, филин, фон-барон, царёк, чурбан.
- Смеяться как: актер, актриса, артист, дура.
- Смотреть как: аспид, бандит, барон, невинный барашек, бирюк, бык, героиня, голубушка, дикарка, змеенок, змея, коршун, овца, орел, ребенок, сатир, сова, сокол, сыч, удав, удалец, филин, ястреб.

– Спать как: барсук, заяц, чурбан.
 – Сражаться как: лев.
 – Стоять как: баба, баран, барин, барчуком, барыня, богатырь, болван, буйвол, великан, долбёжка, дом, дуб, звереныш, изба, изваяние, истукан, Иисус, капитан, колода, кружевные, купчиха, мокрая курица, лес, Лотова жена, лошадь, умная Маша, мишень, монумент, осел, памятник, пень, петух на насесте, поденщик, призраки, принц, бедный родственник, майская роза, скала, статуя, сфинкс, твердый камень, теленок, телок, торчок, тычок на ровном месте, утес, форпост, чурбан, школьник.

– Ходить как: барин, барон, барыня, бог, гора, именинница, индюк, кабан, кикимора, курица, командир, корова, королева, король, кот, крыса, мокрая курица, лахудра, лунатик, маятник, медведь, мотря, муфтий в чалме, сонная муха, немец в одну пивную, собачонка, тень, туча, упрек, утка, хвост, хвостик, чучело, ягненок.

– Шагать как: [заведенный] автомат, аист, аристократ, сказочные великаны, гусь.

Мы можем наблюдать, что образной основой устойчивых стереотипных сравнений в русском языке становятся многочисленные лексемы разных семантических классов: флора, фауна, персоналии, предметы быта, природы и многое другое. Эти лексемы являются объектами сравнений, передающими сумму разных чувственных (зрительных) впечатлений и дающими яркую оценку действию, актуализируя оценочный компонент в их семантической структуре. Выявленный по каждому признаку круг слов рассматривается как совокупность лексических единиц, в значениях которых содержится основание сравнения, то общее, что даёт возможность отождествить их с характером глагольного действия. Сами слова или выражения выступают как эталоны данного семантического признака, заключённого в структуре глагола.

Таким образом, в составе модели «глагол + как + объект сравнения» указанные лексемы предстают как эталоны ха-

рактера действия, названного глаголом. Этот характер действия приписывается субъекту сравнения, усиливая оценочные признаки выполняемого действия или переживаемого состояния. Например, *Биться как птица в силках*, или *как приданный* – это очень сильно биться за что-то или с чем-то, с кем-то.

Наибольшее распространение в качестве объектов сравнения, образов-эталонов, получают названия животных и растений. Зоонимы и фитонимы являются стержневыми компонентами, с помощью которых сравнительные конструкции объединяются в единое целое, реализуя и акцентируя различные значения в семантической структуре глагольного компонента. В русском языке характеристика действия и состояния человека, выраженная с помощью устойчивого сравнения, определенным образом предопределена характером того стержневого компонента, который соотносится с конкретной особенностью того или иного животного или растения.

1. Названия животных как образы-эталоны.

Зоонимами принято называть лексемы, имеющие в своей семантической структуре ядерный денотативный компонент «название животного» в виде прямой номинации. Существует также термин «зооморфизм», который обозначает зооним в переносном значении, в метафорическом смысле. Иногда встречается и термин «зооморфная метафора».

Согласно биологической принадлежности представителя животного мира, воплощённого в зооморфных метафорических образах-эталонах, выделяется пять групп. (80 лексем):

А) Пресмыкающиеся (рептилии). Среди этой разновидности животного мира как объекты сравнения при характеристике действия или состояния человека стереотипными, содержащими символические значения, зафиксированными словарём являются следующие зооморфные образы-эталоны:

Аспид – символ ненасытности;

Змеенок – символ гибкости, юркости, коварства и ловкости;

Удав – символ ненасытности;

Ящерица – символ быстрого движения;

Б) Водные животные (рыбы, моллюски, амфибии, членистоногие).

В словаре сравнений зафиксированы следующие их названия в функции образов-эталонов:

Акула – символ жадности, ненасытности;

Рыба – символ молчаливости.

В) Насекомые.

Среди этой разновидности животного мира как образы-эталоны с символическим значением в словаре зафиксированы следующие лексемы:

Бабочка – символ красоты, лёгкости;

Блоха – символ быстроты, неуловимости, ловкости;

Муравей – символ трудолюбия, упорства, прилежности, терпеливости;

Муха – символ упорства, упрямства;

Паучок – спокойствия, терпеливости;

Пчела – символ трудолюбия.

Г) Птицы (дикие и домашние):

Аист – символ элегантности, неторопливости;

Воробей – символ худобы, слабости;

Голубки – символ любви, дружбы, счастья;

Гусь – символ чванства, надменности, глупости, спеси, самодовольства;

Журавль – символ худобы, длинноногости;

Индюк – символ заносчивости, важности, чванливости;

Канарейка – символ нежного, красивого голоса;

Коршун – символ зоркости, хищности;

Курёнок – символ умеренности в еде;

Курица – символ неуклюжести, неповоротливости;

Орел – символ силы, хищности, бодрости, смелости;

Петух – символ гордости, важности;

Птенчик – символ умеренности в еде;
Птица – символ лёгкости, воздушности;

Птичка – символ красивого, звонкого голоса;

Сова – символ зоркости, внимательности;

Совы – символ ночного образа жизни;

Сокол – символ гордости, зоркости;

Соловей – символ печального, красивого переливчатого романтического пения;

Сыч – символ недружелюбия, недовольства;

Тетерев – символ глупости, глухости;

Утка – символ неуклюжести, неповоротливости;

Филин – символ зоркости;

Цапля – символ тонконогости и длинноногости, худобы;

Цыплёнок – символ умеренности в еде;

Ястреб – символ хищности, зоркости, внимательности.

Д) Млекопитающие (дикие и домашние звери):

Баран, овца – символ тупости;

Барс – символ скорости и высокой прыгучести;

Барсук – символ неподвижности и сонливости;

Бегемот – символ неповоротливости, чревоугодия;

Буйвол – символ могучести;

Бык – символ тупости и силы;

Вол – символ выносливости и работоспособности;

Волк – символ зла, остервенения, агрессии;

Газель – символ пугливости, высокой скорости движения;

Ёжик – символ сворачиваемости в комочек;

Зайчик – символ быстроты движения челюстями при приёме пищи;

Заяц – символ быстроты, сноровки, вечного движения;

Кролик – то же самое;

Коза, козлик – символ подвижности, прыткости;

Корова – символ тяжеловесности, неуклюжести, тупости, неповоротливости. Надо сказать, что в традиционной системе символов в целом этот зооним не имел отрицательной коннотации, поскольку в крестьянском хозяйстве корова отличалась исключительной важностью [Бушкевич, 1995:319]. Однако языковой материал показывает обратное.

Кот – символ ласковости;

Крот – символ слепоты;

Кутёнок, кутята – символ игривости;

Лань – символ пугливости и быстроты передвижения;

Лев – символ силы, хищности;

Лиса – символ корысти, обмана.

Согласно древним мифопоэтическим представлениям, это животное считалось не только тотемом, но и воплощением душ умерших, а также выступало в роли оборотня;

Кабан – символ неопрятности, невоспитанности, обжорства;

Лошадь, конь – символ здоровья, силы и трудоспособности;

Медведь – символ неуклюжести, косяпости;

Осёл – символ упрямства, упёртости;

Серна – символ быстроты движения;

Свинья – символ неопрятности, невоспитанности, обжорства;

Слон – символ громоздкости, тяжеловесности;

Собака – символ верности, преданности, терпеливости, одиночества, осторожности, быстроты, любви;

Тигр – символ свирепости, быстроты движения;

Тигрица – тоже самое;

Тюленята – символ неповоротливости;

Щенок, щенята – символ игривости;

Ягненок – символ кротости.

2. Названия растений (деревьев, кустарников, трав и цветов, их частей и плодов) как образы-эталон, 14 лексем:

Флористическая лексика в языке содержит информацию об окружающей среде человека, её растительном мире и отражает взаимодействие его с природной средой. В словаре зафиксировано достаточно большое количество флористических образов-эталон. Дерево вообще является образным эталоном бесчувственности в человеке. Так лексема «дуб» как образ-эталон в компаративном устойчивом сочетании порождает в сознании человека образы, символизирующие твёрдость, тупость, отсутствие гибкости ума, поскольку это дерево, обладая очень твёрдой корой, даёт основание для сравнения с глупым человеком, которому трудно объяснить что-либо, «обладающим дубинной головой».

Образ дерева (растения) становится базовым понятием с указанным символическим значением, поскольку эта реальность вызывает вполне определённые ассоциации у носителей языка, наполняемые экспрессивностью, интенсивностью характеристики.

Названия частей растений, характерные свойства цветов и плодов также являются основой для возникновения разных ассоциаций.

Образы-эталон, выраженные фитонимами, наименованиями растительного мира, представлены следующими группами:

А) деревья, кустарники и их части:

Бревно – символ неподвижности;

Древина – символ бесчувственности, равнодушия ко всему;

Дуб – символ устойчивости, крепости и силы;

Кипарис – символ стройности и силы;

Лес – символ стойкости, долговечности, надёжности;

Лист – символ слабости, трусости, робости;

Лоза – символ гибкости, стройности, молодости;

Осиновый лист- символ утонченности, гибкости, слабости, трепета, дрожания;

Пень – символ тупости, глупости, ограниченности, черствости;

Сосна – символ стройности и статности;

Б) цветы и травы:

Цветок – символ недолговечности, хрупкости;

Тепличное растение – символ комфорта и удобства в жизни, ухоженности;

Цветок – символ лёгкости, хрупкости;

В) плоды (ягоды, фрукты, овощи):

Арбуз – символ тяжести, неподвижности;

3. Название предметов материального мира, артефакты, как образы-эталоны, 39 лексем:

Артефактная лексика также выполняет функцию создания устойчивого метафорического образа, заключающего в себе символические значения, мотивирующего основание сравнения.

Артефакты – это конкретно-предметные слова, означающие неживые материальные предметы, являющиеся продуктом, результатом человеческой деятельности и воспринимаемые его органами чувств: палка, спичка, нож и многое другое. Исходный образ артефакта основывается на реалии с последующим «наращением» качеств и признаков действия или состояния. В таких стереотипных образах заложена «полифоничность» предметов, на которой формируется изначальное собирательное символическое значение образа. Являясь компонентом компаративного выражения, артефакты сохраняют все семантические связи с денотатом, но актуализируют периферийные семы, заданные первым компонентом компаративной модели (глаголом, именем существительным и именем прилагательным). Происходит как бы перераспределение семного состава слова,

послужившего прототипическим образом как объекта сравнения:

Автомат – символ чёткости;

Бочка – символ большой вместимости жидкости;

Бревно – символ неподвижности;

Веретено – символ подвижности, неусидчивости, юркости;

Дом – символ устойчивости, крепости;

Изба - то же самое;

Дрова – символ неподвижности;

Изваяние – символ неподвижности;

Истукан – то же самое;

Квашня – символ вялости, слабости, неповоротливости;

Кипа – символ неподвижности;

Кол – символ негибкости, твердости;

Колода – символ неподвижности;

Куколка – символ изящности;

Манекен – символ неподвижности;

Матрёшка – то же самое;

Машина – символ чёткости;

Маятник – символ стационарного, периодического движения

Мишень – символ безответственности, незащищённости;

Могила – символ безмолвности, тишины;

Молот – символ мощности, резкости и монотонности ударов;

Молоток – то же самое;

Монумент – символ величественности, неподвижности;

Памятник – то же самое;

Пуля – символ силы, неотвратимости удара;

Самолёт – символ быстроты, ловкости движения;

Свеча – символ вертикального стояния;

Спица – символ прямооты;

Статуя – символ неподвижности;

Стена – символ твёрдости, непоколебимости;

Столб – символ неподвижности, апатичности;

Сфинкс – символ неподвижности и загадочности;

Тумба – символ неподвижности, неповоротливости;

Тюк – символ тяжести, неподвижности, бесчувственности;

Форпост – символ надёжности, защищённости, мощности;

Часы – символ точности, пунктуальности;

Чурбан – символ неподвижности;

Чучело – символ неряшливости, неопрятности;

Щепка – символ плавучести, непотопляемости.

4. Названия объектов неживой природы, натурфакты как образы-эталоны, 6 лексем:

Камень – символ постоянства, недвижимости;

Молния – символ стремительности, быстроты, порывистости;

Скала – символ неподвижности, устойчивости;

Туча – символ мрачности, угрюмости, неприветливости;

Утёс – символ устойчивости, стойкости, постоянства;

Хвостик – символ неотступного следования за кем-либо/чем-либо и вертлявости.

5. Названия лиц по оценочному признаку как образы-эталоны, 31 лексема:

Анахорет – символ отшельничества, уединённости;

Аскет – символ отшельничества, воздержания;

Бандит – символ преступности;

Барчук – символ избалованности, праздности, изнеженности;

Бобыль – символ одиночества, неустроенности;

Болван – символ глупости;

Босяк – символ бедности, нищеты;

Бродяга – символ бездомности;

Бука – символ нелюдимости, угрюмости.

(По народным поверьям «бука» – это страшилище с огромным ртом и длинным языком, которое бродит по ночам вокруг домов и уносит непослушных детей).

Героиня – символ доблести, благородства, отваги;

Дикарка – символ некультурности, невежественности;

Дикарь – то же самое;

Дура – символ глупости, ограниченности;

Дурак – то же самое;

Затворник – символ нелюдимости;

Затворница – то же самое;

Идиот – символ крайней тупости, глупости;

Кулёма – символ вялости, апатичности, невежественности;

Лахудра – символ неряшливости, небрежности, безвкусицы;

Лунатик – символ задумчивости, механистичности движения, рассеянности;

Наседка – символ терпеливости, заботливости;

Отшельник – символ одиночества, аскетизма;

Праведник – символ скромности, честности, неприхотливости;

Пустынник – символ одиночества, замкнутости;

Рохля – символ нерешительности, вялости, глуповатости;

Спартанец – символ неприхотливости, приспособленности к суровым условиям;

Страшилище – символ уродства;

Удалец – символ лихости, смелости, удачливости, отважности;

Фланёр – символ праздности, безответственности;

Фон-барон – символ надменности, сатанности, полной удовлетворённости;

6. Наименования лиц по социальному положению или занимаемой должности как образы-эталоны, 35 лексем:

Актёр – символ яркости, эмоционального поведения, рассчитанного на внешний эффект;

Актриса - символ привлекательности, красоты, неискренности;

Актёр - то же самое;

Аристократ – символ сдержанности, неторопливости, подчеркнутой элегантности;

Артист - то же самое, что и актёр;

Баба - символ неподвижности, апатичности;

Барин – символ солидности, важности, праздности, изнеженности, избалованности;

Барон – символ праздности, надменности, чванливости;

Батрак – символ подневольности, зависимости;

Господин - символ важности, праздности, надменности;

Госпожа - то же самое;

Грузчик - символ грубости, сквернословия;

Извозчик – то же самое;

Капитан – символ уверенности, ответственности, начальственности;

Каторжник – символ угрюмой злобности;

Командир - то же, что и господин;

Королева - символ величественности, горделивости, величавости;

Кочегар - символ грубости, неопрятности, сквернословия;

Купчиха - символ неоправданной важности, заносчивости;

Министр- символ солидности, респектабельности, высокой обеспеченности;

Пан - символ материальной независимости;

Паша - символ пышности, роскоши.

(В Турции и некоторых других мусульманских странах так называли лиц, имеющих титул высших сановников и генералов).

Пленник – символ вынужденного уединения, одиночества, зависимости от окружающих;

Подёнщик– символ вынужденного выполнения тяжёлой, грязной, неблагодарной и мало оплачиваемой работы;

Помещик – символ зажиточности, материальной независимости, широты жизни;

Принц - символ надменности, кичливости и праздности;

Раб - символ зависимости;

Сапожник – символ неумелости в работе;

Царёк - символ самоуверенности, властности;

Царица – символ величавости, богатства;

Школьник – символ постоянной виновности, беспомощности.

7. Прецедентные имена (название известных личностей, сказочных, мифологических или литературных персонажей) как образы-эталоны, 21 лексема:

Барон Мюнхгаузен – символ безудержной фантазии, безобидного хвастовства.

(Герой книги Р.Э.Распе «Приключения Барона Мюнхгаузена»).

Богатырь – символ могучести, бесстрашия;

Вечный жид - символ неприкаянности, беспокойства, неудовлетворённости.

(Герой средневековых сказаний, еврей-скиталец, осуждённый богом на вечную жизнь и скитания за то, что не дал Христу отдохнуть по пути на Голгофу).

Дьявол - символ интенсивности в исполнении тяжёлой работы.

(Злой дух, властелин ада).

Иванушка на печи – символ праздности, сытости, лени.

(Герой русских народных сказок, ленивец).

Иисус - символ смиренности, скромности, молчаливости, мудрости;

Кикимора – символ уродливости в одежде, угрюмости;

Лотова жена – символ оцепенелости от ужаса или удивления.

(В библейской мифологии есть легенда о том, как убегая из гибнущего города Содома, жена Авраама оглянулась,

несмотря на запрет бога и превратилась в соляной столб).

Невинный барашек (овечка) – символ крайней наивности, миролюбивости, ограниченности, не обременённости знаниями и грехами.

(Наименование связано с древними сюжетами, рассказывающими о принесении в жертву этого животного).

Паганини – символ виртуозности игры на музыкальных инструментах.

(Николо Паганини – итальянский скрипач и композитор – первый из скрипачей, игравший концерты наизусть).

Привидение – символ неуловимости, эфемерности, пугающей таинственности.

(В народных поверьях приведение является бесплотным духом, призраком умерших или воображаемых существ, обитающих обычно в старинных замках или на кладбищах и иногда являющихся людям).

Призрак – то же самое;

Робинзон – символ вынужденного одиночества, самостоятельности.

(Герой романа «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо, оказавшегося после крушения корабля на необитаемом острове и выжившем в таких условиях).

Сатир – символ похотливости, сладострастия.

(Сатиры – это низшие мифологические божества, демоны плодородия).

Великан – символ массивности, могучести, мощности.

(Персонаж многих сказок разных народов, отличающийся огромным ростом и могучей силой).

(Спартанец – символ закалённости, неприхотливости, привычности к суровым условиям жизни).

Геббельс – символ беспардонности, бесстыдства, ложности заявлений.

(Й. Геббельс был одним из главных фашистских преступников, идеологом расизма, насилия и захватнических войн. Как оратор и политик-демагог, не гнушался ложью, что и стало причиной того, что это имя стало основанием для сравнения и обрело символическое значение).

Упырь – символ кровожадности, неуловимости.

(В народном представлении – сказочный оборотень, вампир, мертвец, якобы выходящий по ночам из могилы и сосущий кровь живых).

Штирлиц – символ человека, ведущего двойную жизнь.

(Штирлиц – советский разведчик, действующий в лагере фашистов, герой популярного телесериала 70-ых годов, поставленного по роману Ю.Семёнова «Семнадцать мгновений весны»).

8. Наименования лиц по национальному признаку как образы-эталоны, 1 лексема:

Немец – символ пунктуальности, постоянства.

Библиографический список

1. Мокиенко А.М. Словарь сравнений русского языка. С.-Пб.: Изд-во «Норинт», 2003. – 603 с.

References

1. Mokienko A.M. Vocabulary of comparisons of Russian language. – St.-Petersburg, 2003. – 603 p.

УДК 808.2

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ревякина Т.Л.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, prof. Revyakina T. L.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Т.Л. Ревякина

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В данной статье рассматривается актуальный в современной лингвопоэтике вопрос об интертекстуальности как категории художественного текста, являющейся критерием эстетической значимости текста.

T.L. Revyakina

INTERTEXTUALITY AS A CRITERION OF AESTHETIC VALUE OF FICTION

The given article sites an important for modern lingvopoetics question of the intertext as a category of fiction which is a criterion of its aesthetic value.

Актуальность изучения интертекстуальности и интертекста обусловлена, во-первых, поисками новых путей решения глобальной проблемы соотношения традиций и новаторства в поэзии, а во-вторых, значимостью для современной лингвопоэтики проблем исследования смысловой стороны художественного текста с учетом не только его внутритекстовых связей, но и связей внешних, обнаруживающихся на уровне литературного направления, национальной литературы или даже мировой культуры в целом.

В настоящее время интертекстуальность признается важнейшей категорией художественного текста, которая реализуется в способности текста полностью или частично формировать свой смысл посредством эксплицитно или имплицитно выраженных отсылок к другим текстам. При этом очевидно, что выявление межтекстовых связей (отсылок к другим художественным текстам) зависит от

подготовленности исследователя (языковой личности), от исторической и культурной эпохи, в которую он живет.

Современные исследователи признают интертекстуальность критерием эстетической значимости текста.

С точки зрения изучения особенностей смысловой стороны художественного текста и ее обусловленности межтекстовыми связями творчество О.Мандельштама занимает важное место в русской поэтической традиции. Как отмечается в исследованиях, посвященных лирике О.Мандельштама, стихотворения поэта содержат отсылки к различным текстам мировой литературы и с точки зрения цитирования представляют собой явление неисчерпаемой глубины. Иными словами, произведения О.Мандельштама в значительной мере интертекстуальны.

Весьма значимые межтекстовые связи обнаруживаются в стихотворении “Дикая кошка – армянская речь...” (1930).

В данном поэтическом тексте содержатся аллюзивные отсылки к прозаическому произведению О.Э. Мандельштама “Путешествие в Армению” и повести А.С. Пушкина “Путешествие в Арзрум”.

Известно, что в 1829 г. А.С. Пушкин отправился на Кавказ с целью участвовать в турецкой войне и встретиться со своими друзьями (кавказская армия была местом ссылки декабристов и членов “тайных обществ”). Поэт проехал Владикавказ, Тифлис, Армению, что и описал в повести “Путешествие в Арзрум”. О.Э. Мандельштам был командирован в Армению в 1930 году с целью описания социалистического преобразования жизни и природы. Результатом этой поездки стала “полуповесть” (так называл ее автор) “Путешествие в Армению” (см. об этом: Гаспаров, 2002).

Об отсылках к прозаическим произведениям О.Э. Мандельштама и А.С. Пушкина в указанных поэтических текстах сигнализируют: оним Эрзерум; атрибутивные словосочетания “армянская речь”, “армянские степи”, “эрзерумская кисть винограду”, “чудный чиновник”; лексические образы “моруха”, “командированный”, “грибы”, “гроба”, “подорожная”, “Черномор”. Словосочетания “армянские степи” и “армянская речь” репрезентируют оним Армения, а следовательно, тему путешествия в Армению. Ср. в прозаическом тексте у А.С. Пушкина: “Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться к свежим равнинам Армении... Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами, и начал удивляться пространству перехода... в армянской деревне несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли...” и у О.Э. Мандельштама: “Везде крестьянки с плачущими лицами, волочащимися движениями, красными веками и растрескавшимися губами... Они движутся как горы усталого тряпья, заметая пыль подолами...”. Названные словесные образы репрезентируют также тему армянского языка, вызвавшего особый интерес у О.Э. Мандельштама. Ср. в прозаическом тексте: “Я выпил в душе за здоровье молодой Армении... за ее могучий язык, на котором мы не достойны говорить, а должны лишь чураться в нашей немощи – вода по-армянски – джур, деревня – гьюх”. “Армянский язык – неизнашиваемый – каменные сапоги. Ну, ко-

нечно, толстостепенное слово, прослойки воздуха в полугласных... Я испытал радость произносить звуки, запрещенные для русских уст, тайные, отверженные и, может, даже – на какой-то глубине постыдные”.

Для армянского языка действительно характерна система глухих взрывных согласных, придыхательных и абруптивных, произношение которых поражает слух глухим шепотом – “царапает ухо”. Не случайна в мандельштамовском стихотворении аллитерация на глухие [к], [х], [ц], [ч], звонкие [г], [б] и звонкий дрожащий [р]: Дикая кошка – армянская речь – / Мучит меня и царапает ухо. / Хоть на постели горбатой прилечь: / О, лихорадка, о, злая моруха! Примечательно, что А.Ованесьян, которого слушал О.Э.Мандельштам на первых своих занятиях армянским языком, был приверженцем яфетической теории Н.Я. Марра, считавшего, вопреки традиционной индоевропейской теории происхождения языков, что языки складываются из скрещивания бесконечного множества раздробленных древнейших наречий (см. об этом: Гаспаров, 2002:656). По наблюдениям исследователей жизни и творчества О.Э. Мандельштама, у поэта достаточно часто вспыхивал интерес к языкам, которые привлекали его как удивительная музыка, грамматику же он часто превращал в поэзию (см., например, воспоминания К.Мочульского об изучении О. Мандельштамом греческого языка).

Индивидуально-авторский лексический образ “моруха” в рассматриваемом стихотворении в сочетании с прилагательным “злая”, существительным “лихорадка” и глаголом “прилечь” репрезентирует тему смерти (“мор” – повальная смерть (см.: Ожегов, 1994:310) от какой-либо болезни, очевиднее всего – от чумы (чума – повальная, заразительная, смертная болезнь, на людей или на скот (Даль, т. 4, с. 614). Подобное восприятие лексического образа “моруха” обуславливается и усиливается интертекстуальными связями рассматриваемого поэтического текста с повестью А.С.Пушкина: “...я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. “Что нового в Эривани?” – спро-

сил я его. – “В Эривани чума, – отвечал он, – а что слышать об Ахалцыке?” – “В Ахалцыке чума”, – отвечал я ему...” (Пушкин, 1993:664). Необходимо подчеркнуть, что в “Московских стихах” в результате межтекстового взаимодействия поэтических произведений О.Э. Мандельштама с текстами А.С.Пушкина, и в частности, с одной из “маленьких трагедий” – “Пир во время чумы” образ-интерферент “чума” приобретает индивидуально-авторское значение *бессмысленное гибельное существование, полное мрака*. Художественный образ “чума” с названным семантическим наполнением отмечается также в стихотворениях “Я скажу тебе с последней прямой...”, “Фаэтонщик”.

Оним Эрзерум и словосочетание “эрзерумская кисть винограду” также включают в семантическое пространство произведения О.Э.Мандельштама пушкинский текст. Ср. у А.С. Пушкина : “Арзрум (неправильно называемый Арзерум, Эрзрум, Эрзрон) основан около 415 года. Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции... Дома в нем каменные, кровли покрыты дерном, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты”).

Как показал анализ, стихотворение О.Э. Мандельштама содержит отсылки к поэме А.С. Пушкина “Руслан и Людмила”, а также к жизненному образу А.С. Пушкина. Названные интертекстуальные связи репрезентируются лексическими образами “Черномор”, “чудный чиновник”, “без подорожной”. Как известно, Черномор – злой волшебник из “Руслана и Людмилы”. Подорожная – открытый лист для получения почтовых лошадей (Даль, т.3, с.193), т.е. бумага, выдывавшаяся командированным для ускорения проезда, но А.С.Пушкин совершил поездку на Кавказ самостоятельно, вопреки отказу Николая I, поэтому подорожной у поэта не было.

Наличие интертекстуальных связей названного стихотворения О.Э. Мандельштама и повести А.С.Пушкина “Путешествие в Арзрум” подтверждается и анализом черновых материалов. Ср. в черновом автографе мандельштамовского стихотворения в 5 строфе: “Трянет ли в двери зна-

комое: – Ба! / Ты ли, дружище, – какая издевка! / Долго ль еще нам ходить по гроба, / Как по грибы деревенская девка?” была строка “Там, где везли на арбе Грибоеда”. Приведенный фрагмент представляет собой отсылку к пушкинскому тексту: “Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы”, – спросил я их. – “Из Тегерана”. – “Что вы везете?” – “Грибоеда”. Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова!”. С именем А.С.Грибоедова в стихотворении О.Э.Мандельштама ассоциируются лексические образы “грибы”, “гроба”. См. также в “Путешествии в Армению”: “В детстве из глупого самолюбия, из ложной гордыни я никогда не ходил по ягоды и не нагибался за грибами”.

Таким образом, стихотворение О.Э. Мандельштама “Дикая кошка – армянская речь...” формирует свой смысл посредством межтекстового взаимодействия не только с прозой А.С. Пушкина, но и со стихотворным и прозаическими произведениями самого О.Э. Мандельштама.

Семантическое пространство интертекста в данном случае образуется как эксплицитными словесными единицами: онимами Армения, Арзрум; атрибутивными словосочетаниями “армянская речь”, “армянские степи”, “армянская деревня”, “цветущая пустыня”, “эрзерумская кисть винограду”, “чудный чиновник”; лексическими образами “моруха”, “лихорадка”, “чума”, “командированный”, “подорожная”, “гроба”, “грибы”, “арба”, “Грибоед”, “Черномор”, так и имплицитным образом-интерферентом “чума”, включаемым в смысловое содержание поэтического произведения в результате интертекстуальных связей рассматриваемого поэтического текста с несколькими прецедентными текстами. Кроме того, названия прозаических текстов О.Э. Мандельштама и А.С. Пушкина представляют собой одинаковые грамматические конструкции: словосочетания с атрибутивно-обстоятельственным значением. На фонетическом уровне единство названных художественных текстов

подчеркивается звуковыми сочетаниями: арм, грб, рб.

В исследуемом стихотворении выделяется два семантических плана. Первый – это реальность, увиденная О.Э.Мандельштамом в Армении (с проекцией и на всю советскую Россию). Отрицательная эмоциональная модальность данного смыслового плана формируется с помощью лексических образов “дикая”, “мучит”, “царапает”, “лихорадка”, “злая”, “моруха”, “падать”, “мухи”, “страшен”, “издевка”, “гроб”, “суждено”, “роковое”; употребления стилистически сниженных (разговорных и просторечных) существительных “моруха”, “деньжат”, “оплеуху”, “людьё”, “девка” и прилагательных в сравнительной степени “жалчей”, “нелепей”, междометия “ба”; трех, идущих подряд сниженных устойчивых оборотов “пропадом ты пропади” (пропади пропадом – выражение сильного раздражения, досады по поводу кого-либо или чего-либо), “сгинь ты навек” (на веки веков – навсегда, навечно), “ни слуху, ни духу” (никаких известий, сведений от кого-либо), а также грубого просторечного сочетания “мать твою так”.

Второй семантический план – это традиции, культура и древняя армянская, а в широком смысле – кавказская, земля, которая помогла О.Э.Мандельштаму вернуться к поэтическому творчеству, армянский народ (русское заселение Кавказа началось со ссылки туда бывших гвардейцев и предоставлении льготной службы мелким чиновникам), “могучий” армянский язык, А.С.Пушкин, “путешесвующий” по этим землям, и А.С.Грибоедов, проделавший здесь свой последний путь. Ср. высказывание О.Э. Мандельштама о грузинской культуре: “Да, культура опьяняет... Я бы причислил грузинскую культуру к типу культур орнаментальных. Окаймляя огромную и законченную область чужого, они впитывают в себя главным образом его узор... Вы не Запад и не Восток, не Париж и не Багдад; глубокой воронкой врезалось в историческую землю ваше искусство, ваша художественная традиция. Вино старится – в этом его будущее, культура бродит – в этом ее молодость. Берегите же свое искусство – зарытый в землю узкий глиняный кувшин!”.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама / С.С. Аверинцев // О. Мандельштам: Сочинения в 2-х тт. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1990.
2. Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст / М.Л. Гаспаров // Изв. АН: Сер. Литературы и языка. 2002. – Т.61. – № 4. С. 5-10.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1989.
4. Мандельштам О.Э. Сочинения в 2-х тт. / О.Э. Мандельштам. – М.: Худож. лит., 1990.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Екатеринбург: Урал – Советы, 1994.

References

1. Averintsev S.S. Osip Mandelstam's destiny and message. // O. Mandelstam: Works in 2 vol. – Vol. 1. – M., 1990.
2. Gasparov M.L. Literary intertext and language intertext // Proceedings of Academy of Sciences. Literature and language section. – 2002. – Vol. 61. – N. 4. – P. 5-10.
3. Dal V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language. – M., 1989.
4. O. E. Mandelstam: Works in 2 vol. – M., 1990.
5. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of Russian language. – Yekaterinburg, 1994.

УДК 82:81-26; 82:81'3

Багдадский университет (Ирак)
Преподаватель кафедры русского языка,
кандидат филологических наук
Азиз Тахсин Раззак
Ирак, г. Багдад, тел. 8-950-770-97-41;
e-mail: tahseen1@yandex.ru

Bagdad University (Iraq)
Lecturer of the chair of Russian language,
candidate of philological sciences
Aziz Tahseen Razzaq
Iraq, Bagdad, tel. 8-950-770-97-41;
e-mail: tahseen1@yandex.ru

Т. Р. Азиз

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ «ВНЕШНЕГО» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В КОМЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

На лексическом материале в статье анализируется «территориальный» аспект внешнего (по отношению к месту основного действия) художественного пространства комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Результаты языковедческого исследования позволяют дополнить и уточнить существующие в литературоведении концепции «Ревизора».

T. R. Aziz

THE LEXICAL DESCRIPTION OF «OUTSIDE» ARTISTIC SPACE IN THE COMEDY BY N. W. GOGOL «INSPECTOR»

The article analyses the «territorial» aspect of outside (relative to the place of basic of action) artistic space of comedy by N. W. Gogol «Inspector» on lexical material. The results of linguistic research allow to supplement and to get more specific existent literary conceptions of the «Inspector».

Давно доказана точка зрения, согласно которой сюжет главных произведений Н. В. Гоголя лишь внешне разворачивается в отдельных столичных, губернских или уездных российских городах, на хуторах, в поместьях или иных территориально ограниченных местностях, в то время как истинное художественное пространство гоголевской прозы – вся Россия, во всей своей территориальной, исторической и культурной необъятности, в своих многообразных отношениях с иными культурами. Исследования, доказывающие всероссийский масштаб художественного времени и пространства произведений Н. В. Гоголя, составляют золотой фонд литературоведения и выявляют всемирно-историческое значение гоголевского творчества.

Предлагаемая статья ставит целью поддержать и, возможно, дополнить названную точку зрения лингвистическими

данными. Обратившись к художественному пространству комедии «Ревизор», мы попытаемся выявить и проанализировать те его лексические приметы (слова и словосочетания в их семантике и смысловых нюансах), которые сигнализируют о присутствии в нём «территорий» вне уездного города – основного места действия комедии.

Языковедческая методология, использованная в настоящем исследовании, была разработана и впервые применена Е. В. Кончаковой. При анализе устаревшей лексики прозы А. С. Пушкина исследовательница защищала мысль о том, что историзмы и архаизмы в художественном произведении могут быть квалифицированы как лексические средства построения определённого «участка» его художественного пространства (части хронотопа) – а именно исторического художественного пространства [5, 9-50]. Если до сих пор описанное М. М. Бахтиным явление хро-

нотопы (художественного времени и пространства¹) исследовалось с точки зрения его «наполнения» прежде всего *художественными образами*, то внимание к *лексическому составу* хронотопа позволило обнаружить в языке данного писателя не выявленные ранее характеристики.

Данная методология может быть применена не только к прозаическим текстам А. С. Пушкина. Основной принцип анализа лексического «наполнения» художественного времени и пространства литературного произведения опирается на предположение, что лексика художественного текста выступает одним из главных способов формирования тех или иных «участков» хронотопа (другие способы – это предложения и различные текстовые единства). Некоторые элементы этой методологии были восприняты и апробированы нами в работах, посвящённых анализу устаревшей лексики в прозе А. П. Чехова [1, 41-52; 2, 5-14]. Настоящее исследование использует данную методологию применительно к хронотопу комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», а именно той его части, которая выходит за рамки уездного города, в котором происходит видимое действие комедии. Нам представляется, что полноценное изучение лингвистической стороны этой части хронотопа «Ревизора» позволит яснее представить себе особенности его идейно-образной и смысловой структуры.

Поскольку видимое действие «Ревизора» разворачивается в неназванном уездном городе, внешнее для него пространство начинается в некоем одноимённом *уезде* («в России с 1755 г. – низшая административная, судебная и фискальная единица в составе губернии, где полицейско-административная власть осуществля-

¹ Вслед за М. М. Бахтиным, под хронотопом мы понимаем «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. <...> В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. <...> Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [3, 234-235].

лась исправником» [10, 158]) и далее – в некоей *губернии* («основная территориально-административная единица, включавшая в себя уезды и волости; учреждена при Петре I» [10, 37]). Относящиеся к городу *уезд* и *губерния* представлены в «Ревизоре» по одному разу и в одном контексте, в начале комедии, ср.: «Г о р о д н и ч и й. <...> Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова <...> Вот что он пишет: “<...> Спешу... уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю *губернию* и особенно наш *уезд*”» (9-10)². *Уезд* более не упоминается в «Ревизоре», а другие случаи употребления лексемы *губерния* репрезентируют дальнейшее пространство, ср.: «Б о б ч и н с к и й <...> “Это, говорит, молодой человек, чиновник <...> едет, говорит, в *Саратовскую губернию*”. <...> А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в *Саратовскую губернию*?» (19); «Х л е с т а к о в. Я еду в *Саратовскую губернию*... – Г о р о д н и ч и й <...>. В *Саратовскую губернию*! А? и не покраснеет!»» (37); «К о р о б к и н (*продолжая читать*). “...<...> Пиши ко мне в *Саратовскую губернию*...”» (102).

На территории уезда «Ревизора», в непосредственной близости от города, находятся *земли*, которые, судя по контексту, выступают объектом частной собственности местных помещиков, ср.: «А м м о с Ф ё д о р о в и ч. <...> ...Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев *на землях и у того и другого*» (16). Кроме того, «внешняя» для уездного города семантика содержится в самой лексеме *помещик*, обозначающей землевладельца феодальной России [10, 113], ср.: «Х л е с т а к о в. <...> ...Хорошо бы... подкатить таким чёртом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо... <...> К ним если придет какой-нибудь гусь *помещик*, так и валит, медведь, прямо в гостиную» (31); «Г о р о д н и ч и й. <...> Мы... вот с Петром Ивановичем Добчин-

² Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» цитируется по изданию: Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 тт. – М.: Худож. лит., 1967. – Т. 4 – С. 5-105. В круглых скобках приводится номер страницы указанного источника, с которой взята цитата.

ским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие...» (37); «Д о б ч и н с к и й. Помещик Пётр Иванов сын Добчинский» (70); «А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. <...> Здесь есть один помещик, Добчинский...» (69). Три последних контекста сообщают о помещике как о представителе ближайшего к городу «Ревизора» внешнего пространства – «уездного» (ср.: *здешний помещик, (я есть) помещик, здесь есть помещик*); в первом контексте Хлестаков говорит о «своих» помещиках, из более отдалённого «саратовского» круга.

Некое ближайшее внешнее пространство *за городом* (несколько часов пути туда и обратно) опило вином полицейского Прохорова, ср.: «Г о р о д н и ч и й. А Прохоров пьян? <...> Как же вы это допустили? – Ч а с т н ы й п р и с т а в. Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась *за городом* драка, – поехал туда для порядка, а возвратился пьян» (23). В остальных случаях, когда лексема *город* входит в состав сочетаний, репрезентирующих внешнее по отношению к городу «Ревизора» пространство, это пространство оказывается более или менее дальним, ср.: «Г о р о д н и ч и й. <...> В уездном городе измена! Что он, *пограничный*, что ли?» (10); «Г о р о д н и ч и й. <...> До сих пор... подбирались *к другим городам*; теперь пришла очередь к нашему» (10); «О с и п. <...> ...Вишь ты, нужно *в каждом городе* показать себя!» (26); «Х л е с т а к о в. <...> В *других городах* мне ничего не показывали. – Г о р о д н и ч и й. В *других городах*... градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе» (47-48). География этих *городов* может быть установлена довольно точно. *Другие города* городничего, к которым «до сих пор подбирались», должны быть не слишком далеко от города «Ревизора» – скорее всего, в той же губернии, раз до Сквозника-Дмухановского доходили сведения о ревизиях. Эти же *другие города* имеет в виду городничий в последнем контексте, думая, что Хлестаков рассказывает о своей ревизорской поездке по губернии. *Каждый город* Осипа и *другие города* Хлестакова

протянулись от Петербурга через Пензу к городу «Ревизора», причём последний не является *каждым городом*, ибо Хлестаков в нём уже ничего не «показывал». Самым удалённым от города «Ревизора» является, понятно, *пограничный город*.

Внешнее пространство репрезентируется в «Ревизоре» также лексемой *деревня*, однако она окружена в комедии весьма туманными смыслами. Хлестакову известно о *деревне*: 1) что он туда едет, ср.: «Х л е с т а к о в. Я еду... *в собственную деревню*» (37); 2) что из неё можно быстро (*тотчас, сейчас, вдруг*) прислать деньги и что вообще с нею можно снести по почте, ср.: «Х л е с т а к о в <...> Я, право, заплачу... Мне пришлют *из деревни*» (34); «Х л е с т а к о в (*принимая деньги*). <...> Я вам тотчас пришлю их *из деревни*... у меня это *вдруг*...» (36); «Х л е с т а к о в. Я, знаете, в дороге издержался: то да се... Впрочем, я вам *из деревни* сейчас их пришлю» (64); наконец, 3) что в ней есть *пригорки и ручейки*, ср.: «Х л е с т а к о в. Да *деревня*, *впрочем*, тоже имеет свои пригорки, ручейки...» (50). Супруга городничего уверена, что в *деревне* живёт, ср.: «А н н а А н д р е е в н а. Я живу *в деревне*...» (50); «А н н а А н д р е е в н а. <...> ...Здесь, признаюсь, такой воздух... *деревенский* уж слишком!..» (97). И даже крепостной слуга Хлестакова весьма странно представляет себе *деревенский* образ жизни, ср.: «О с и п. <...> Право, *на деревне* лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмишь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги» (26). Отметим также, что сочетание *собственная деревня* выступает маркёром крепостного права собственности в феодальной России – на землю и живущих на этой земле крестьян.

Наиболее явно удалённый от города «Ревизора» «внешний» хронотоп репрезентируют имена собственные (топонимы), называющие города, сёла, губернии, уезды и проч., а также образованные от них относительные прилагательные с нарицательным значением. Так, более 20 раз в тексте «Ревизора» встречается лексема *Петербург* (однажды – в перечне действующих лиц); она открывает комедию во второй реплике

городничего: «Ревизор *из Петербурга*, инкогнито. И ещё с секретным предписанием» (9) – и завершает её в последней реплике комедии: «Ж а н д а р м. Приехавший по именному повелению *из Петербурга* чиновник требует вас сей же час к себе» (104). Чаше других о *Петербурге* упоминает Хлестаков (10 раз), ср.: «Х л е с т а к о в. <...> ...Хорошо бы, чёрт побери, приехать домой в карете... Как бы, я воображаю, все переполошились: “Кто такой, что такое?” А лакей входит (*вытягивается и представляя лакея*): “Иван Александрович Хлестаков *из Петербурга*, прикажете принять?”» (31); «Х л е с т а к о в. <...> Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в *Петербурге*» (34); «Х л е с т а к о в. ...Батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в *Петербурге*. <...> Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить *без Петербурга*» (37-38); «Х л е с т а к о в. Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с *Петербургом*! Эх, *Петербург*! что за жизнь, право! <...> У меня дом первый в *Петербурге*. <...> Сделайте милость, господа, если будете в *Петербурге*, прошу, прошу ко мне» (50-52); «Х л е с т а к о в. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в *Петербурге*» (66); «Х л е с т а к о в. <...> Напишу-ка я обо всем в *Петербург* к Тряпичкину...» (72-73). Трижды *Петербург* называет Сквозник-Дмухановский, ср. (кроме приведённой выше начальной реплики): «Г о р о д н и ч и й. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике *из Петербурга*?» (15); «Г о р о д н и ч и й. Ну, слушайте же, Степан Ильич. Чиновник-то *из Петербурга* приехал. Как вы там распорядились?» (22). И столько же раз из уст городничего звучит небрежное *Питер*, ср.: «Г о р о д н и ч и й. <...> Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в *Питере*? <...> Ну, в *Питере* так в *Питере*...» (90). В последних контекстах обнаруживаем интересную грамматическую закономерность: с предлогом *из* в репликах городничего последовательно звучит *Петербург*, с предлогом *в* – *Питер*. Иных предлогов в сочетании с *Петербургом*

Питером городничий не использует: для него столица – либо уважительно называемый источник опасности, *из* которого может что-либо явиться, либо уже почти освоенный объект, в котором можно и нужно теперь разместиться. Из других персонажей о *Питере* говорит лишь слуга Осип – дважды, ср.: «О с и п. <...> Второй месяц пошёл, как уже *из Питера*! <...> ...Конечно, если пойдёт на правду, так житьё в *Питере* лучше всего» (26); *Петербург* Осипом не называется ни разу, хотя о северной столице России слуга высказывается пространно. По два раза о *Петербурге* говорят жена городничего и Бобчинский, ср.: «А н н а А н д р е е в н а. Натурально, в *Петербурге*. Как можно здесь оставаться!» (90); «А н н а А н д р е е в н а. Мы теперь в *Петербурге* намерены жить» (97); «Б о б ч и н с к и й. <...> “Это, говорит, молодой человек, чиновник... едущий *из Петербурга*...”» (19); «Б о б ч и н с к и й. Я прошу вас покорнейше, как поедете в *Петербург*, скажите всем там вельможам разным... что вот, ваше сиятельство, живёт в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский» (72).

Относительное прилагательное *петербургский* встречается в тексте комедии трижды, в репликах двух персонажей – почтмейстера, ср.: «Г о р о д н и ч и й. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга? – П о ч т м е й с т е р. Нет, о *петербургском* ничего нет...» (15) – и Хлестакова, ср.: «Х л е с т а к о в. <...> Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в *петербургском* костюме» (30-31). Третий случай употребления лексемы *петербургский* представляет собой как бы её «исполнение дуэтом»: почтмейстер читает вслух письмо Хлестакова, ср.: «П о ч т м е й с т е р (*читает*). “<...> ...Трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей *петербургской* физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора”» (99).

Здесь же отметим случаи упоминания в тексте комедии родового для Петербурга наименования *столица* и образованных от него прилагательного и наречия.

Чаще других персонажей слова с корнем -*столиц(ч)*- произносит супруга городничего, ср.: «А н н а А н д р е е в н а. <...> Я думаю, *после столицы* вояжировка вам показалась очень неприятною» (50); «А н н а А н д р е е в н а. <...> Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый *в столице*» (91); «А н н а А н д р е е в н а. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он *столичная штука*: боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеял» (46); «А н н а А н д р е е в н а. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть *столичную штуку*» (55). Заметим, что выражение *столичная штука* используется лишь Анной Андреевной. Трижды *столицу* упоминает Хлестаков, ср.: «Х л е с т а к о в. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно – ну что ж? Ведь это не *столица*. Не правда ли, ведь это не *столица*? <...> Ведь это только *в столице* бонтон и нет провинциальных гусей» (65). По одному разу о *столице* говорят чиновник Коробкин и дочка городничего, ср.: «К о р о б к и н. В следующем году повезу сынка *в столицу* на пользу государства...» (97); «М а р ь я А н т о н о в н а. Вы говорите *по-столичному*» (80).

Москва также упоминается в «Ревизоре» – однако косвенно, как «источник» периодических изданий «*Московские ведомости*» и «*Московский телеграф*», ср.: «П о ч т м е й с т е р. <...> Иное письмо с наслаждением прочтёшь – так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем *в “Московских ведомостях”!*» (15); «Х л е с т а к о в. <...> Всё это, что было под именем барона Брамбуса, “Фрегат Надежды” и “*Московский телеграф*”... всё это я написал» (51). Из нестоличных российских городов и губерний в тексте «Ревизора» названы *Пенза*, ср.: «Х л е с т а к о в. <...> Да, если б *в Пензе* я не покутил, стало бы денег доехать домой» (29); *Саратов*, ср.: «Д о б ч и н с к и й. <...> ...Подорожная прописана *в Саратове*» (20), – и *Саратовская губерния* (ср. примеры к лексеме *губерния* выше). *Саратов* и *Кострома* представлены также в относительных прилагательных, ср.: «П о ч т м е й с т е р. ...О петербургском

[чиновнике. – Т. Р. А.] ничего нет, а о *костромских* и *саратовских* много говорится» (15). Сквозник-Дмухановский сообщает ещё о *холмогорских купцах*, ср.: «Г о р о д н и ч и й. <...> На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят *холмогорские* купцы, люди трезвые и поведения хорошего» (34). Неясно, правда, каким способом доставляли купцы говядину из дальних Холмогор (в Архангельской губернии); возможно, что растерявшийся городничий имел в виду *холмогорскую породу быков*, которую в XIX веке разводили уже не только на Севере, но и в центральной России, то есть ближе к городу «Ревизора» (району в пределах Пензы, Саратова и Костромы).

Интересно, что все перечисленные выше виды «внешнего» пространства «Ревизора» Н. В. Гоголь наполняет определённым действием. Вот самое заметное из того, что происходит в «ближнем круге»: на уездных землях помещиков судья травит зайцев; за городом случилась драка, отправившийся туда полицейский возвращается в город напившимся до бесчувствия. Где-то за пределами уезда (откуда легче послать письмо городничему, чем до него доехать), но, видимо, в границах губернии живёт теперь некий Андрей Иванович Чмыхов – ещё недавно житель уезда «Ревизора» (он по привычке пишет: «*наши уезд*», а Земляника *его знает*). Он там обосновался прочно, ибо принимает гостей, о чём сообщает в письме, ср.: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрипке...» (10). О происходящем в губернии рассказывает сам Сквозник-Дмухановский, ср.: «Г о р о д н и ч и й. <...> Ведь почему хочется быть генералом? – потому что, случится, поедешь куда-нибудь – фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперёд: “Лошадей!” И там на станциях никому не дадут, всё дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там – стой, городничий!» (90-91). Относительно последней цитаты есть справедливое мнение исследователей, что городничий и его супруга описывают здесь

«не просто роскошь, но такую роскошь, которая унижает и их теперешнюю жизнь, и их теперешние знакомства, и их теперешнее состояние» [8, 133]. Действительно, дважды упомянув *городничего*, Сквозник-Дмухановский заставляет читателя думать, что это именно его, бывало, при поездках по губернии оставляли на станции без лошадей, приберегая их для петербургского генерала, который тем временем, должно быть, не спеша обедал у губернатора.

В своеобразном восприятии Осипа показан Петербург, ср.: «...жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют, и всё что хочешь» – и т. д. (27). По-своему изображает Петербург и себя в нём Хлестаков, упоминая *государственный совет, отделение, департамент и департаментского сторожа*, «брата Пушкина» и вообще *литераторов, графов и князей, министров, государя и его дворец* и т. д. Рассказы Осипа и Хлестакова о Петербурге часто цитируются в литературе, поэтому целиком приводить их здесь нет необходимости. Заметим только, что не всегда рассказы эти совершенно расходятся с действительностью – так, Ю. М. Лотман предположил, что в эпизоде: «Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: “Это вот так, это вот так!” А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только – тр, тр... пошёл писать» (50) – Хлестаков, скорее всего, и был той самой «крысой» [7, 668-669].

На жизнь Петербурга можно посмотреть ещё глазами Добчинского, ср.: «Марья Антоновна! <...> Вы будете в большом, большом счастье, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать; очень забавно будете проводить время» (94), – и супруги городничего, ср.: «Я думаю, с каким там вкусом и великолепием дают балы!» (52) и др. Почтмейстер Шпекин о Петербурге ничего рассказать не может, однако во вскрытых им письмах «много говорится» о событиях «костромских и саратовских». Именно о провинциальной светской жизни, скорее всего, идёт речь в контексте: «Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо:

“Жизнь моя, милый друг, течёт, говорит в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...” – с большим, с большим чувством описал» (15). На столичном балу военный невысокого чина (поручик) такого успеха у барышень, вероятно, не имел бы. Из журналов начитанному Шпекину известно также нечто о происходящем в *Москве*, ср.: «П о ч т м е й с т е р . <...> Иное письмо с наслаждением прочтёшь – так описываются разные пассажи... лучше, чем в “*Московских ведомостях*”!» (15).

Следует отметить, что до сих пор мы рассматривали значение «внешнего» пространства (в рамках хронотопа «Ревизора»), которое выражено: 1) в номинациях административно-территориального деления (*губерния, уезд, город, деревня*), 2) в единицах, имеющих отношение к исторически характерному праву собственности (*помещик, собственная деревня, земли кого-либо*), а более всего – 3) в топонимических единицах (*Петербург, Пенза, Саратов, «Московские ведомости»* и др.) и образованных от них прилагательных (*саратовский, костромской, холмогорский*). Однако интересующая нас «внешняя» пространственная семантика присутствует в тексте комедии и в других лексемах – например, называющих государственные и общественные учреждения, институты, которых не могло быть в российском уездном городке. Понятно, что трижды названные в «Ревизоре» *государственный совет* и (*императорский*) *дворец* – ср.: «Х л е с т а к о в . <...> Меня сам *государственный совет* боится. <...> *Во дворец* всякий день езжу...» (54); «А м м о с Ф ё д о р о в и ч <...>. Бог с ним: и *во дворец* ездит, и *государственный совет* распекает!» (61); «Б о б ч и н с к и й . <...> Слышали: *государственный-то совет* как прижал?» (55); «Г о р о д н и ч и й . <...> С министрами играет и *во дворец* ездит...» (56) – характеризуют пространство Санкт-Петербурга. То же следует сказать о четырёхжды названном *департаменте*, ср.: «Х л е с т а к о в . <...> Я только на две минуты захожу *в департамент*, с тем только, чтобы сказать: “Это вот так, это вот так!”» (50); «Х л е с т а к о в . <...> Один раз я

даже управлял *департаментом* <...>. “Иван Александрович, ступайте *департаментом* управлять!”» (54), – а также об упомянутом в письме Хлестакова *департаментском стороже*, ср.: «А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. <...> “Почтмейстер точь-в-точь наш *департаментский сторож* Михеев; должно быть, также, подлец, пьёт горькую”» (100). Характерная для Петербурга номинация – *Щукин (рынок)*, ср.: «О с и п. <...> ...Пойдёшь на *Щукин* – купцы тебе кричат: “Почтенный!”» (27).

«Дорожная» лексика – названия средств и способов передвижения, возниц, придорожных заведений и служителей, дорожных документов, – а также «почтовая» (в силу совместного функционирования почты и дорожных служб в России XIX века отделить одну лексико-семантическую группу от другой не просто) формирует внегородской «участок» территориального художественного пространства «Ревизора». В этой группе отметим слова: *курьер* и *эстафета* (ср.: «П о ч т м е й с т е р. <...> Призвал было уже *курьера*, с тем чтобы отправить его [письмо Хлестакова. – Т. Р. А.] с *эстафетой*, – но любопытство такое одолело...» (98)), *перекладная (повозка)* и *рессора* – деталь дорогой частной повозки, отличающая её от казённой перекладной [11, 201] (ср.: «Г о л о с г о р о д н и ч е г о. Как же это вы? прямо так на *перекладной* и едете? – Г о л о с Х л е с т а к о в а. Да, я привык уж так. У меня голова болит от *рессор*» (87)), *подорожная* – «свидетельство, дающее право на определённое, соответственно чину и званию, количество лошадей» [11, 197] (ср.: «Д о б ч и н с к и й. <...> *Подорожная* прописана в Саратов» (20); «Х л е с т а к о в (пишет). <...> Отнеси только наперёд это письмо; пожалуй, вместе и *подорожную* возьми» (74)), *смотритель (станционный)*, *тройка (курьерская)* и *предписание* – для почтовых станций: чтобы те лошадей предоставляли без задержек (ср.: «О с и п. <...> ...Да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую *тройку, курьерскую*» (74); «П о ч т м е й с т е р. <...> Я, как нарочно, приказал *смотрителю* дать самую лучшую *тройку*; чёрт угораздил дать и вперёд

предписание» (102)), *прогон* – повёрстная плата за проезд по дорогам России [11, 197] (ср.: «О с и п. <...> Профинтил дорожной денежки, голубчик... А стало бы, и очень бы стало на *прогоны*...» (26); «О с и п <...> ...А *прогону*, скажи, барин не плотит: *прогон*, мол, скажи, казённый» (74)), *станция, фельдъегерь* и *ящик* (ср.: «Х л е с т а к о в. <...> *Ящикам* скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как *фельдъегеря*, катили и песни бы пели!...» (74); «Г о р о д н и ч и й. <...> Ведь почему хочется быть генералом? – потому что, случится, поедешь куда-нибудь – *фельдъегеря* и адъютанты поскачут вездe вперёд: “Лошадей!”. И там на *станциях* никому не дадут, всё дожидается» (90)). По поводу лексемы *ящик* следует сослаться на Е. В. Кончакову, которая заметила, что наиболее широко используемые в русской литературе XIX века номинации российских возниц – *извозчик, кучер* и *ящик* – репрезентируют разные виды исторического художественного пространства. По наблюдениям исследовательницы, *извозчик* «представляет» в литературе пространство города, *кучер* – «крепостное» (чаще сельское) пространство, *ящик* – принадлежащее Российской империи обширное пространство казённых путей сообщения [5, 123]. В «Ревизоре» кроме *ящика* дважды упомянут петербургский *извозчик*, ср.: «О с и п. <...> Наскучило идти – берешь себе *извозчика* и сидишь себе как барин...» (27); «О с и п. <...> Батюшка пришлёт денежки, чем бы их попридержать – и куды!.. пошёл кутить: ездит на *извозчике*...» (27); один раз – местный крепостной *кучер*, ср.: «А н н а А н д р е е в н а. <...> ...Эту записку ты отдай *кучеру* Сидору» (45).

К внешней по отношению к городу «Ревизора» «дорожной» лексике можно отнести и антропоним *Иохим* – имя петербургского каретного мастера, ср.: «Х л е с т а к о в. <...> Жаль, что *Иохим* не дал напрокат кареты...» (31). И ещё добавим, что, кроме сухопутных путей сообщения, в лексике «Ревизора» представлены пути сообщения водные – в Петербурге. Так, слуга Хлестакова упоминает *лодку* – как «регулярное» и основное транспортное

средство и перевоз, ср.: «О с и п. <...> ...*На перевозе в лодке с чиновником сядешь*» (27).

Продолжая расширять предмет нашего исследования, отметим теперь, что «внешнее» художественное пространство «Ревизора» имеет гораздо более удалённые от города «круги», чем те, которые мы обсудили выше. Грандиозный территориальный масштаб хронотопа комедии Н. В. Гоголь задаёт в самом её начале – ср. следующий многозначительный контекст: «А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подслала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены. – Г о р о д н и ч и й. <...> В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь» (10). Итак, уже в завязке комедии упоминается *Россия*, которая ориентируется по отношению к другим *государствам*. Последние бесконечно далеки от заштатного уездного городка: «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Известное выражение городничего даёт литературоведам основание считать город «Ревизора» заброшенным в самую глушь России. Так, О. П. Монахова и М. В. Малхазова полагают, что, в отличие от губернского города «Мёртвых душ», расположенного «невдалеке от обеих столиц», город «Ревизора» – это «затерянный в глуши городишко»; по мнению исследователей, в «Мёртвых душах» по сравнению с «Ревизором» «укрупнён масштаб» [8, 153]. Однако Н. В. Гоголь, как можно заметить, точно указывает географический отрезок, внутри которого расположен город «Ревизора» (*Пенза – Саратов*) и который трудно назвать «глушью» Российской империи. По карте видно, что от этого места до границ с европейскими государствами совсем не далеко. Что же тогда значат странные, на первый взгляд, слова городничего «отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь»? В поисках ответа на этот вопрос рассмотрим более подробно «отношения», которые сложились в коме-

дии между лексически проявленным географическим пространством и городничим, а также другими персонажами (что поможет выявить ещё не описанные нами «круги» внешнего для города «Ревизора» художественного пространства).

Если другие *государства* городничему видятся как бесконечно далёкие, то российский Петербург он представляет себе территориально близким: со дня на день ждёт оттуда ревизора (а настоящий ревизор, действительно, приезжает быстро), в конце комедии фамильярно называет столицу *Питером*, собираясь там поселиться. Не удивляет его обещание Хлестакова через день вернуться из *Саратовской губернии*, ср. следующий эпизод: «Г о р о д н и ч и й. Как-с? Извольте ехать? <...> А когда же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчёт, кажется, свадьбы? – Х л е с т а к о в. А это... *На одну минуту только... на один день* к дяде – богатый старик; *а завтра же и назад*» (86-87). Позже Сквозник-Дмухановский повторяет слова Хлестакова, видимо не сомневаясь в его возможности быстро вернуться, ср.: «К о р о б к и н. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то. – Г о р о д н и ч и й. Да, он *отправился на один день* по весьма важному делу» (96).

Не только города европейской части России, но даже *Сибирь* «близка» городничему – по крайней мере он грозит ею купцам, и почтмейстеру, и всем вокруг, ср.: «Г о р о д н и ч и й. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спроводить *в Сибирь*» (92); «Г о р о д н и ч и й. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я *в самую Сибирь* законопачу?» (99). Из этих контекстов понятно, что о Сибири городничий никогда не сказал бы «хоть три года скачи, не доедешь», несмотря на то что она географически отнесена от города «Ревизора» (то есть от «вертикали» *Пенза – Саратов*) неизмеримо дальше, чем *государства* в противоположной части

света. Сибирью как будто бы грозит самому городничему Хлестаков, не понимая, что его слова воспринимаются купцами как гнев всесильного вельможи, ср.: «Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это [за притеснения, чинимые купцам. – Т. Р. А.] просто в Сибирь» (77). Но едва лишь Хлестаков перестаёт казаться чиновникам ревизором, Сибирь вдруг как-то сразу «отдаляется» от них, ср.: «Городничий. <...> ...Я в самую Сибирь законопачу? – Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь...» (99).

Итак, городничий находится в «особых отношениях» с пространством: географически близкая заграница представляется ему совершенно недостижимой, далёкая Сибирь для него близка и реальна. Но ещё более удивительный взгляд на пространство – у Хлестакова. Вот известная цитата, которая, однако, никогда (насколько нам известно) не сопоставлялась со словами городничего «хоть три года скачи...»: «Хлестаков. <...> Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе» (52). По поводу этого супа Ю. М. Лотман писал: «Гоголь демонстративно сталкивает бедность воображения Хлестакова во всех случаях, когда он пытается измыслить фантастическую перемену внешних условий жизни (всё тот же суп, хотя и “на пароходе приехал из Парижа”, но подают его на стол в кастрюльке...)» [7, 670]. Характерный наивно-реалистический комментарий реплике Хлестакова дают авторы учебника по русской литературе О. П. Монахова и М. В. Малхазова: «Для Хлестакова вообще не существует времени. Вспомним его знаменитый суп из Парижа: ему даже не приходит в голову, что если суп сварить в Париже и везти пароходом в Россию, то вряд ли кто-нибудь восхитится его ароматом!» [8, 132]. Мы можем предположить, что суп из Парижа прямого отношения к воображению Хлестакова не имеет, поскольку зародился не его в голове. Вероятно, появлению супа из Парижа в хлестаковском сознании немало способствовал «Страсбургский пирог нетлен-

ный», которым угощались Онегин и Каверин у Талон³. В комментариях к «Евгению Онегину» Ю. М. Лотман сообщает: «Страсбургский пирог – паштет из гусиной печёнки, который привозился в консервированном виде (*нетленный*), что было в то время модной новинкой (консервы были изобретены во время наполеоновских войн)» [6, 564]. В результате некоторых ментальных превращений – странных только на первый взгляд, но вполне отвечающих хлестаковской манере «отражать действительность» (возможно, сыграл свою роль суп с «перьями вместо масла», поданный в трактире) – пирог из Страсбурга в ветреной голове «друга Пушкина» принял вид супа из Парижа, какая-то «консервная банка», в которой должен был перевозиться онегинский паштет, – вид кастрюльки, плотно закрытой крышкой, сохраняющей аромат «супа» во всё время его чудесного путешествия из Парижа...

Но гораздо более важным для выяснения идейной структуры «Ревизора» нам представляется тот факт, что приведёнными выше словами Хлестаков объявляет себя полной противоположностью Сквозника-Дмухановского во взглядах на окружающий мир. Если для городничего и трёх лет мало, чтобы доскакать до заграницы, то в глазах Хлестакова Париж так близок, что даже присылаемый из него суп не успевает в дороге остыть. Неверно, что «для Хлестакова вообще не существует времени»; в таком случае времени не существует и для городничего, и для других персонажей. У каждого из них своё понимание пространства и времени, у городничего и Хлестакова это понимание – полярно противоположное.

О том, что заграница ментально близка Хлестакову, можно судить и по другим его репликам – ср., например, слова из его письма Тряпичкину: «Помнишь... как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля?...» (99-100). Хлестаков легко «присоединяет» себя к европейскому простран-

³ Пушкин А. С. Собр. соч. в 6 тт. – М.: Правда, 1969. – Т. 4. – С. 11.

ву, ср.: «Хлестаков. <...> Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я» (52), – причём ему совершенно не требуется вытеснить кого-либо из ограниченного по числу участников пространства карточной игры (*вист*, как сообщает, например, В. И. Даль, – «род картёжной игры, обычно вчетвером» [4, 207]): он просто добавляет себя пятым игроком и честно говорит, что «вист свой составился»...

Тот же тип отношения к загранице демонстрируют судья и почтмейстер. Первая реакция не чуждого масонству (ср.: «Аммос Фёдорович. <...> Вот и в книге “Деяния Иоанна Масона”...» (20)) Ляпкина-Тяпкина на сообщение городничего о ревизоре: «Это значит вот что: Россия... да... *хочет вести войну*, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены» (10). Его слова повторяет Шпекин, но решительно опровергает городничий – ср. следующий показательный эпизод: «Почтмейстер. А что думаю? *война с турками* будет. – Аммос Фёдорович. В одно слово! я сам то же думал. – *Городничий*. Да оба пальцем в небо попали! – *Почтмейстер*. Право, *война с турками*. Это всё *француз гадит*. – *Городничий*. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо. – *Почтмейстер*. А если так, то не будет войны с турками» (14-15). По-видимому, под влиянием городничего почтмейстер «развернулся» на время «от заграницы к Сибири» («нам плохо будет» – «а если так, то не будет войны с турками»), но после разоблачения Хлестакова Сибирь вновь кажется дерзкому Шпекину безопасно далёкой (пример см. выше).

Таким образом, в ментально-территориальном аспекте художественное пространство «Ревизора» отчётливо членится на два сегмента. Герои одного типа мысленного отношения к пространству (во главе с городничим) видят заграницу недостижимой, в отличие от русских городов и даже Сибири; для других (прежде всего

для Хлестакова, но также для судьи Ляпкина-Тяпкина и почтмейстера Шпекина) заграница – почти «дом родной». Следует теперь заметить, что этот наш вывод, сделанный на основе анализа лексической основы «территориальной» составляющей хронотопа «Ревизора», не совсем отвечает тем представлениям о структуре художественного пространства комедии, которые сложились в классическом литературоведении. Так, Ю. В. Манн полагает: «От города в “Ревизоре” до границы “хоть три года скачи” и не доедешь, – но есть ли на всём этом пространстве хоть одно место, где бы жизнь протекала по иным нормам? Хоть один человек, над которым были бы властны другие законы? В комедии всё говорит за то, что такого места и таких людей нет. <...> ...Город “Ревизора” устроен так, что ничто не ограничивает распространение идущих от него токов вширь, на сопредельные пространства. Ничто не мешает “самодвижению” чудесного города» [9, 171-172]. Однако анализ лексически выраженных «опор» художественной географии «Ревизора» заставляет внести в данную концепцию некоторые коррективы. Лексикологическое исследование «территориальной» составляющей хронотопа комедии не добавляет аргументов утверждению о том, что все «сопредельные пространства» подчинены «токам» города «Ревизора». И в самом уездном городе, и вне его, по всей Руси, сталкиваются два противоположных пространства, два различных типа отношения к России и ко всему миру. Хлестаков прибыл в город «Ревизора» из неведомого городничему «ментального пространства», в котором все проблемы – по крайней мере «территориальные» – решаются с «лёгкостью необыкновенной». Сквозник-Дмухановский «трёх губернаторов обманул» – но то были «свои», понятные ему губернаторы. Оценить же Хлестакова – выходца из совершенно незнакомого пространства – городничий оказывается не в состоянии. В похожую ситуацию попадает и Хлестаков, который даже не пытается осмыслить неведомое ему пространство и своё положение в нём. Перед неожиданным триумфальным «погружением» в чудесный го-

род Хлестаков был ничтожным, проигравшимся в дороге чиновником; по выезде из города он, вероятно, завершил блистательную, но короткую карьеру «генерал-губернатора», однако суть этих преобразований от Хлестакова, несомненно, ускользнула.

Таким образом, выявленные нами отношения между лексически выраженными территориальными «опорами» хронотопа гоголевской комедии не позволяют говорить ни об особой удалённости города «Ревизора» в глубь российских просторов (а эта идея, как мы отметили выше, до сих

пор принималась исследователями без обсуждений, как сама собой разумеющаяся), ни о его «всеохватности». Н. В. Гоголь, действительно, представил в «Ревизоре» *всю Россию* в масштабе не меньшем, чем она показана в «Мёртвых душах», – во всех её отношениях к самой себе и ко всему миру. Однако, как показывают наши наблюдения, город «Ревизора» – место видимого действия комедии – выступает лишь частью России и всего мира, связанной с ними ментально и пространственно, но всё же не её (или их) абсолютным олицетворением.

Библиографический список

1. Азиз Т. Р. Динамические процессы в сфере устаревших слов (на материале прозы А. П. Чехова) / Т. Р. Азиз, Н. М. Вахтель // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 41 – 52.
2. Азиз Т. Р. Редкая и устаревшая субстантивная лексика в произведениях А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Р. Азиз. – Воронеж, 2009. – 23 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 1. – 699 с.
5. Кончакова Е. В. Историческая лексика как средство создания хронотопа художественной прозы А. С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Кончакова. – Воронеж, 2008. – 283 с.
6. Лотман Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – 847 с.
7. Лотман Ю. М. О русской литературе / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2005. – 845 с.
8. Малхазова М. В. Русская литература XIX века. Ч. 1. / М. В. Малхазова, О. П. Монахова. – М., 1994. – 157 с.
9. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма / Ю. В. Манн. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 744 с.
10. Словарь русских историзмов / Т. Г. Аркадьева, М. И. Васильева, В. П. Проничев и др. – М.: Высшая школа, 2005. – 228 с.
11. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю. А. Федосюк. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 264 с.

References

1. Aziz T. R. Dinamic processes in the area of archaic words (on the material of prose by A. P. Chehov) / T. R. Aziz, N. M. Vachtel // Language and national consciousness. – Voronezh, 2008. – Vol. 11. – P. 41 – 52.
2. Aziz T. R. Rare and archaic substantive vocabulary in the works by A. P. Chehov. – Voronezh, 2009. – 23 p.

3. Bachtin M. M. Questions of literature and aesthetics: Researches of different years. – M., 1975. – 502 p.
4. Dal V. I. Explanatory dictionary of live Great Russian language: in 4 vol. – M., 1999. – Vol. 1. – 699 p.
5. Konchakova E. V. Historical vocabulary as a facilities of creation of chronotop in the artistic prose by A. S. Pushkin. – Voronezh, 2008. – 283 p.
6. Lotman Y. M. Pushkin. – St. Petersburg, 1995. – 847 p.
7. Lotman Y. M. About Russian literature. – St. Petersburg, 2005. – 845 p.
8. Malchazova M. V. The Russian literature of the XIX century. Vol. 1. / M. V. Malchazova, O. P. Monachova. – M., 1994. – 157 p.
9. Mann Y. V. The creation of Gogol: sense and form. – St. Petersburg, 2007. – 744 p.
10. Dictionary of Russian historical words / T. G. Arkadjeva, M. I. Vasiljeva, V. P. Pronichev and others. – M., 2005. – 228 p.
11. Fedosyuk Y.A. What is incomprehensible of classical authors, or Encyclopedia of Russian life . – M., 2001. – 264 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 378

Ульяновский государственный технический университет

Ассистент кафедры иностранных языков

Трубникова Н. В.

Россия, Ульяновск.

e-mail: ntv2205@rambler.ru

Ulyanovsk State Technical University

The chair of foreign languages,

assistant lecturer Trubnikova N.V.

Russia, Ulyanovsk

e-mail: ntv2205@rambler.ru

Н.В. Трубникова

ПРИМЕНЕНИЕ МОДУЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИЕМОВ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Данная статья освещает вопросы повышения качества знаний иностранного языка в образовательном процессе вуза согласно Государственным стандартам III поколения, опирающимся на принципы Болонской конвенции.

N.V. Trubnikova

USAGE OF MODULE TECHNOLOGIES FOR REALIZATION OF METHODS OF DIFFERENTIATION AND INDIVIDUALIZATION IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN TECHNICAL INSTITUTION

This article sites the questions of a quality rise of foreign languages knowledge in higher educational process according to the III level of the State Educational Standards based on the Bologna convention's principles.

Интеграция России в международное образовательное пространство невозможна без обновления системы вузовской языковой подготовки: принятии новых программ и внедрения эффективных методов обучения, соответствующих принципам Болонской декларации и многоуровневой системе обучения.

Выбор модульного подхода в современной системе образования объясняется тенденцией увеличения объема учебного материала, передаваемого на самостоятельное изучение, что требует обеспечения гибкости содержания обучения, приспособления к индивидуальным потребностям

личности и уровню ее базовой подготовки. Проблема большого удельного веса самостоятельной работы обучаемых и недостатка делового общения в процессе изучения ими иностранного языка требует поиска таких форм и методов обучения, которые позволяют активизировать познавательную деятельность обучаемых.

Модульное обучение предполагает высокую технологичность, четкую структуризацию содержания обучения, последовательное изложение теоретического материала с предъявлением всех элементов дидактической системы (целей, содержания, способов управления учебным процессом) в форме модульной программы, обеспечение учебного процесса методиче-

ским материалом и системой оценки и контроля усвоения знаний, позволяющей корректировать процесс обучения. Модульное обучение также предусматривает вариативность обучения, адаптацию учебного процесса к индивидуальным возможностям и запросам обучаемых.

Учебный модуль мы определяем согласно трактовке О.Л. Прохоровой, как «автономную организационно-методическую структуру учебной дисциплины, которая включает в себя дидактические цели, специально отобранный комплекс учебных элементов (логически завершенных единиц учебного материала, составленных с учетом междисциплинарных связей), методическое руководство (включая дидактические материалы) и систему контроля, изучение которых обеспечивает формирование у обучаемых устойчивых знаний, развитие на их основе навыков и умений решения профессионально значимых задач, овладение эффективными способами и приемами осуществления учебно-познавательной деятельности в процессе педагогического управления самостоятельной работой обучаемых в течение полного обучающего цикла (от знакомства с целями обучения до контроля по модулю)» [1, с. 54].

Рассмотрим основные характеристики модуля (по О. Л. Прохоровой):

1) *междисциплинарность* (содержания модуля основывается на понимании того факта, что профессиональная деятельность носит целостный характер). Заданный характер модуля достигается за счет включения в содержание модуля комплекса иноязычных профессионально ориентированных заданий (учебных коммуникативных ситуаций), максимально приближенных к естественной (аутентичной) среде, что, в свою очередь, способствует приобретению иноязычных знаний и опыта в условиях моделирующих реальные ситуации социального взаимодействия и усвоения социально-культурных ценностей;

2) *самостоятельность и целостность* учебного модуля как организационно-методической структуры выражается в замкнутом цикле: каждый модуль имеет

собственные цели обучения, специально отобранное содержание, соответствующие формы и методы обучения, систему текущего и итогового контроля; структурная целостность модуля представлена системой взаимосвязанных учебных элементов - введение в модуль, базовые модули, специализированные модули; контроль по модулю;

3) *гибкость модуля является стержневой характеристикой модульной технологии и проявляется в ступенчатости модульной программы, возможности варьировать сложность, объем материала, последовательность его изучения в: зависимости от различных условий образовательного процесса;*

4) *профессионально-прикладная направленность модуля выражается в направленности деятельности обучаемого в процессе изучения иностранного языка на приобретение лично значимого опыта, на создание личного образовательного продукта, действенность и оперативность которого достигается за счет решения иноязычных профессионально ориентированных заданий, организации многократного повторения способов решения той или иной проблемной коммуникативной задачи в многочисленных вариантах предметно-коммуникативных ситуаций [1, с. 53-54].*

Необходимость применения междисциплинарного подхода объясняется усилением тенденции интеграции научных знаний, повышением требований к будущим специалистам, компетентным во всех смежных со специальностью областях. Таким образом, происходит уплотнение информационного поля, которое требует новых технологий систематизации знаний.

Современное образование отводит недостаточное количество аудиторных часов на изучение общенаучных дисциплин. В результате преподаватель стремится дать как можно больше материала, требуемого образовательными стандартами, закрепление которого вынуждено проходить во внеурочное время. Следовательно, своевременная целенаправленная организация самостоятельной работы студентов для получения знаний даже по родствен-

ным дисциплинам должна способствовать их должному применению на практике в качестве научно-практических ориентиров для выполнения качественной познавательной и профессиональной деятельности. В данных условиях междисциплинарный подход, выражающий необходимость обобщенного учебного познания и целостности учебного процесса, основанный на идее междисциплинарных связей, приобретает особую актуальность. В образовательном процессе это представляется согласованием учебных дисциплин по родственным предметам с точки зрения общности трактовки изучаемых понятий, явлений, процессов и времени их изучения, которое способствует приобретению целостных интегративных знаний, обобщенных приемов учебной деятельности, в результате чего происходит ускорение темпа переработки и усвоения научной информации, устраняется дублирование.

В процессе изучения иностранного языка возможна трансформация знаний, умений и навыков из специальных дисциплин в гуманитарные, и наоборот, так как источником междисциплинарной информации в процессе педагогического управления самостоятельной работой являются несколько учебных дисциплин.

Таким образом, междисциплинарная связь нами рассматривается как «полифункциональный компонент, выполняющий образовательную, развивающую и конструктивную функции», – утверждает О.Л. Прохорова [1, с. 48]. Недостаточная реализация междисциплинарного подхода в обучении приводит к разрыву между теоретическими знаниями обучаемых и их практическим применением, что, несомненно, снижает качество профессиональной подготовки и заметно продлевает период профессиональной адаптации в будущем.

Таким образом, избрав *междисциплинарно-модульный подход*, «выступающий в качестве принципа работы с содержанием образования в целом, конкретной учебной информацией и учебной деятельностью, и предоставляющий свободное творческое пространство для выработки и реализации оптимального управ-

ленческого решения, а также рассматривающий обучаемого как субъект поэтапного процесса изучения учебных элементов конкретного модуля на основе междисциплинарной, задачной и профессионально-прикладной его характеристик» [1, с. 60], мы вносим в учебный процесс системообразующее начало и обеспечиваем его целостность «за счет приобщения будущих специалистов к системному методу мышления, расширения области познания на основе выделения связей между элементами знаний из разных учебных дисциплин в качестве специальных объектов усвоения», а также оптимизируем учебный процесс (путем достижения целей обучения при наименьших затратах силы, времени, средств и путем обеспечения целостности, гибкости и высокой технологичности процесса обучения) с учетом индивидуальных потребностей личности и уровня базовой подготовки.

Учет индивидуальных потребностей личности в высшей школе требует осуществления дифференциации в формах работы со студентами. Особенности данной технологии являются: блочная подача материала, работа с малыми группами на нескольких уровнях усвоения, создание учебно-методического комплекса.

Одним из распространенных способов дифференциации является руководство учебной деятельностью различных подгрупп студентов. Ю.К. Бабанский считает, что основным принципом дифференциации должна быть дифференциация помощи обучающимся со стороны преподавателя без существенного снижения сложности содержания. Если дифференцируется не только и не столько объем и сложность учебного материала, сколько помощь обучаемому, то такой подход позволяет любому обучающемуся достичь максимума возможностей в данный момент, что и соответствует критериям оптимизации его обучения. Требования программы должны усложняться за счет углубления, расширения знаний, предусмотренных Государственным стандартом в расчете на способности студентов, а также на современные педагогические технологии.

Дифференциация по сложности заданий позволяет организовать учебно-познавательную деятельность студентов на иностранном языке с опорой на их реальные возможности, что создает благоприятные условия для развития в обучении. Ориентация на развитие познавательных интересов личности требует, чтобы дифференциация обучения учитывала потребности каждого студента. Обучаясь в одной группе по единой программе, студенты могут усваивать иноязычный материал в различном объеме. Базовым критерием при этом является уровень обязательной подготовки по иностранному языку. На его основе формируются более высокие уровни овладения материалом. Такой вид дифференциации в последнее время получил название «уровневая». При организации дифференцированной работы в учебных группах по иностранному языку учет вариативных форм контроля преподавателем за речевой деятельностью и самоконтроля студентов

служит критерием деления групп на подгруппы с целью планирования преподавателем дальнейшей учебной стратегии обучения.

Реализация технологии уровневой дифференциации как средства формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза предполагает не только дифференциацию задач, но и дифференциацию условий выполнения этих задач, включая различную степень помощи со стороны преподавателя, вариативность возможности опоры на учебный материал, а также различные формы контроля за их выполнением. Но только умелое сочетание коллективной, самостоятельной и индивидуальной работы с обучающимися на практических занятиях по иностранному языку обеспечивает надлежащую педагогическую действенность учебно-воспитательного процесса.

Библиографический список

Прохорова О.Л. Педагогические средства управления самостоятельной работой студентов вуза. Диссертация кандидата пед. наук - Екатеринбург, 2008.

References

Prokhorova O.L. Teaching means of managing independent work of university students. – Yekaterinburg, 2008.

УДК 811.111:378

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
К. филолог. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Новикова О.В.*

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
candidate of philological sciences, prof.
Novikova O.V.*

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

О.В. Новикова

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ

В статье рассматриваются некоторые особенности китайского национального менталитета, которые следует учитывать при обучении китайских студентов русскому языку.

O.V. Novikova

FROM EXPERIENCE OF WORK WITH CHINESE STUDENTS

The article sites some characteristics of Chinese national mentality which must be taken into consideration when teaching Russian language to Chinese students.

Договор, заключенный между Шаньдунским университетом и ВГАСУ, предполагает, что китайские студенты, два года изучающие русский язык у себя на родине, поступают учиться сразу на третий курс архитектурного факультета на специальность «дизайн». Однако, оказавшись в чужой языковой среде, они испытывают настоящий шок от невозможности понимать речь окружающих и буквально «немеют».

Попробуем разобраться в причинах этой ситуации.

Технология успешного общения предполагает прежде всего понятие толерантности – обеспечения взаимопонимания, поиска диалога культур. По словам М.М. Бахтина, чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи – с ними можно только диалогизировать, общаться [1]. Китайские студенты, приезжая в Россию, попадают в новую социокультурную среду со своими традициями, ценностными ориентациями и нормами поведения, которые отличаются от тех, к которым они привыкли у себя на

родине. Если человек им следует, не ошибается в правильном выборе, он «свой». Если ошибается – он «другой», иностранец. И хотя китайские студенты владеют некоторой теоретической информацией, полученной на уроках русского языка в Китае, практическое освоение новой социокультурной среды – очень трудное дело. Задача преподавателя – помочь услышать и понять «чужой голос» русской культуры. Для этого необходимо четко представлять особенности менталитета как русского, так и китайского народов.

Считается [5], что китайское общество в целом открыто для иностранцев, с удовольствием заимствует у них технические достижения, но с трудом принимает чужую культуру и образ жизни. Именно поэтому, оказавшиеся в инокультурном окружении, китайцы по возможности образуют свои «чайна-тауны», живут закрытой группой, практически не общаясь со студентами из других стран. Русские более коммуникабельны, гораздо чаще и легче вступают в разговор с незнакомыми людьми (на улице, в транспорте). Им проще перейти на «ты», они откровеннее обсуждают свои и чужие проблемы. Кроме того,

обсуждение проблемы может происходить на повышенных тонах, но это не означает ссору. Просто русские более экспрессивно выражают своё согласие или несогласие, своё отношение к чему-либо. Китайский же менталитет предполагает меньшую коммуникативную активность, большую молчаливость, боязнь поставить себя в неловкое положение. Любое повышение тона – это ругань.

Мы должны помнить, что ментальность китайцев, сформировавшаяся на основе конфуцианства, даосизма и буддизма, базируется на многовековых традициях, ритуалах и правилах. Духовное наследие их великих соотечественников для жителей Китая не просто «философские памятники», а неукоснительное руководство к действию. «Пратекстом» китайской культуры можно назвать Книгу Перемен (по-китайски «Ицзин»), каноны которой являются фундаментом китайского традиционного мышления. Согласно представлениям древних китайцев, миром правит закон перемен, всему есть своя противоположность – вселенский маятник колеблется между двумя великими первоначалами Инь (женское) и Ян (мужское), и это приводит к тому, что «все в одном и одно во всем».

Еще одной китайской национальной чертой характера является стратагемность мышления. Китайские мудрецы пришли к выводу, что человек в течение жизни сталкивается с 36 «стандартными» ситуациями, для обеспечения успеха в каждой ситуации и были выведены стратагемы (план, уловка, хитрость). Например, такие стратагемы, как «Сманить тигра с горы на равнину», «Скрывать за улыбкой кинжал», «Убить курицу, чтобы запугать обезьяну», «Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров», ассоциируются у русских с восточной коварностью. Китайскую стратегию часто называют доктриной непрямых действий.

Китайская мудрость гласит: «Знание, истина, мудрость приходят в молчании». Наверное, поэтому возникает боязнь «оторваться» от текста. Кроме того, китайская система образования предполагает большее внимание чтению и письму, нежели устной речи. Поэтому «разговорить» ки-

тайских студентов – дело необыкновенно трудное.

Огромная трудность в освоении чужого культурного и языкового пространства лежит в самом языке, в сложившейся языковой системе, представляющей собой определенную картину мира. Язык навязывает человеку определенное видение мира. По мнению С.Г. Тер-Минасовой [6], выучив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, неизвестной еще ему до конца картины и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком. Именно это обстоятельство является одним из камней преткновения в обучении иностранным языкам и составляет для многих учащихся главную (иногда непреодолимую) трудность в процессе овладения иностранным языком. Если бы название предмета или явления окружающего нас мира было простым фотографическим актом, в результате которого складывалась бы не картина, а фотография мира, одинаковая у разных народов, не зависящая от их определенного бытием сознания, в этом случае изучение иностранных языков (и перевод с языка на язык) превратилось бы в простой, механически-мнемонический процесс перехода с одного кода на другой. Однако в действительности путь от реальности к слову (через понятие) сложен, многопланов и зигзагообразен. Усваивая чужой язык, человек одновременно усваивает чужой, новый мир. С новым иностранным словом учащийся как бы транспонирует в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, из другой культуры. Таким образом, изучение иностранного языка сопровождается своеобразным раздвоением личности. На первичную картину мира родного языка и родной культуры накладывается вторичная картина мира изучаемого языка, точнее, картина, создаваемая языком.

Взаимодействие первичной и вторичной картин мира — сложный психологический процесс, требующий определенного отказа от собственного «я» и приспособления к другому (из «иных стран») видению мира. Под влиянием вторичной

картины мира происходит переформирование личности.

Для примера сравним внутреннюю форму китайских и русских прилагательных с общим значением «разноцветный, пестрый». В русском языке с таким значением только два слова *разноцветный* и *многоцветный* китайцам этого мало, им надо обязательно уточнить количество цветов: *пять лиц, шесть цветов, пять раз цветной, десять тысяч — фиолетовый, тысяча — красный, пять блесков — десять цветов* [5].

Письменный вариант китайского языка основан не на «Слове», как у русских, а на «образе», роль которого играет иероглиф. Функция иероглифа (цельного образа, понятия) не в буквальном передаче смысла, а в трансляции ощущений, вызываемых определенным словом или звуко-сочетанием.

В русском языке многие слова, словосочетания и целые тексты имеют фоновое значения (прецедентное), вызывают определенные ассоциации у носителей языка, предполагая знание фактов культуры и истории. Такие единицы языка называют логоэпистемами, или лингвокультурами [2,3]. Современная коммуникация требует от ее участников знания большого количества подобных единиц. Незнание их затрудняет общение. Действительно, как реагировать на такие замечания окружающих, как: «Ё-моё!», «Элементарно, Ватсон!», «Счастливые часов не наблюдают» и подобные? Попадая впросак, китайские студенты еще более «закрываются» от окружающих.

Какая же методика обучения может дать оптимальный результат? В нашем случае это интенсив. Его цель – помочь учащимся в сжатые сроки преодолеть психологический и языковой барьер, активизировать начальные знания по русскому языку и помочь быстрее адаптироваться к условиям русскоязычной среды. В его рамках ведётся также работа над улучшением навыков чтения и произношения, навыков аудирования (особенно понимания речи на слух), над расширением и систематизацией лексического запаса и грамма-

тического материала, над автоматизацией стереотипов русского речевого поведения.

Интенсивный метод обучения, предложенный в середине XX века Г. Лозановым, в настоящее время реализуется в различных моделях: суггестопедическая, активизация речевых возможностей, эмоционально-смысловая, пролонгированная, экспресс-курс, адаптационный курс речевого поведения, проблемное обучение речевой деятельности и др. В нашей практике эффективно зарекомендовали себя два последних, разработанные А.А. Акишиной. Любой интенсивный курс в отличие от традиционного предполагает большой объём усваиваемого материала в короткие сроки; большое количество и вариативность приемов (речевых упражнений); большую плотность общения и, главное, активизацию психических резервов личности [4].

Студенты вовлекаются в игру, получая разные роли (новое русское имя и свою «легенду») и освобождаясь таким образом от чувства стеснения, боязни сделать ошибку и всякого рода «зажимов». Смена имен – одно из важнейших психологических и педагогических условий, способствующих эффективному управлению общением. Активизируются творческие возможности.

Учебный материал интенсивного курса – текст-полилог, в котором задействованы все участники, получившие свои роли-легенды. Полилог дается весь и сразу – глобально. Он всегда сюжетно организован, проходит в реальной ситуации. В рамках ситуации предъявляется и отрабатывается языковой материал, формулы речевого этикета. Например, тема «Знакомство с городом» включает полилог, где действующими лицами являются иностранные студенты-дизайнеры и их русские друзья, хорошо знающие свой город. Они знакомят своих китайских друзей с центральной улицей Воронежа – проспектом Революции. Во время этой прогулки они знакомятся со старинными зданиями, памятниками известным поэтам и писателям, историей города; обсуждают архитектурные стили и дизайн зданий; спорят, восхищаются и т. п.

Как видим, подобный полилог предполагает знакомство с обширным лексическим материалом, который необходим в активном словаре будущих архитекторов и дизайнеров. Это не только термины (колонна, фигура, арка, башня ...), но и оценочные прилагательные (прекрасный, замечательный, великолепный ...), и слова-паронимы (старый – старинный), и, наконец, фразеологизмы (как на ладони, язык до Киева доведет). Отрабатываются речевые этикетные стандарты: обращение, возражение, согласие и несогласие и др.; грамматический материал: дательный падеж (памятник Пушкину), определения-синонимы (мраморные колонны – колонны из мрамора, подземный переход – переход под землей ...), превосходная степень прилагательных (красивейший, старейший), пассивные конструкции (Здание построено ...; Архитекторы удостоены премии), глаголы разных моделей, глаголы движения, отглагольные существительные.

Привлекательность интенсивной методики обучения в том, что грамматические формы и конструкции употребляются целесообразно, языковые навыки формируются внутри речевых. Вначале преподаватель намеренно подавляет аналитическую деятельность обучаемого, отвлекая его сознание от грамматической формы, ориентируя его на цель и смысл высказывания. Это объясняется стремлением снять барьеры, мешающие говорению на иностранном языке, противостоять действию стереотипа пословного построения фразы, а также интерференции родного языка. Конечно, в этом случае велика роль имитации.

В помощь обучаемому даются справочно-языковые материалы, включающие пояснения грамматического характера к явлениям, встречающимся на занятии.

Овладеть таким большим объемом материала помогает коллективная деятельность, которая способствует активизации резервных возможностей личности. Считается, что наиболее плодотворна ра-

бота в триадах, так как присутствие третьего лица создает позицию контроля для двух общающихся и одновременно мобилизует внимание третьего участника. В результате повышена активность всех участников общения. В этих триадах могут разыгрываться, например, такие этюды: «улица и дом, где вы живёте», «бюро путешествий», «экскурсия», «дизайнерское бюро» и др.

Фактором, способствующим объединению группы, становится и хоровое пение. Песни отбираются с учетом соответствующего речевого, грамматического и лексического материала. Как правило, песня заканчивает текст-полилог. Песня дается с переводом, который носит характер подстрочника.

Кроме полилога, занятия предполагают дополнительные тексты-диалоги, аналогичные по содержанию, но расширяющие и углубляющие его. Эти тексты могут быть использованы для аудирования или для домашнего чтения.

Многочисленность прослушиваний и проговариваний; глобальное использование всех возможных средств и каналов воздействия на психику учащегося: 1) слуховое, зрительное, моторно-двигательное восприятие; 2) опора на сознательное и подсознательное (непроизвольное) усвоение материала; раскрытие резервов памяти; 3) максимальная опора на мыслительные, эмоциональные процессы; 4) действие факторов второго плана обучения, включающего такие элементы искусства, как музыка, ритм, артистизм, игровая атмосфера, цвет; ролевое общение и т.д. – помогают сформировать речевые навыки и умения студентов, умения порождать связные высказывания в соответствии с конкретной коммуникативной интенцией, т.е. осуществлять конкретные речевые акты. Цель овладеть общением, а не языком достигнута. Таким образом, можно сделать вывод, что интенсивный курс особенно эффективен для тех, кто много знает, но плохо говорит.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972.
2. Бурвикова Н.Д. Лингвистические единицы культурного знания: теоретический и практический аспекты // Методическое пособие к дистанционному курсу повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного: В 2-х частях: Часть I: Методика преподавания русского языка как иностранного. – М., 2004. – С. 39-69.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М., 1997.
4. Жаркова Т.Л. Интенсивный курс русского речевого поведения // Культуроведческие основы обучения русскому языку как иностранному. // Методическое пособие к дистанционному курсу повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного: В 2-х частях: Часть I: Методика преподавания русского языка как иностранного. / Под ред. Э.Г. Азимова. – М., 2004, с. 171-192
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2002. www.i_u.ru/biblio/archive/komilov_iasik/03.aspx
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2000. www.i_u.ru/biblio/archive/ter_iasik/01.aspx

References

1. Bakhtin M.M. The problems of Dostievsky's poetic. – М., 1972.
2. Burvikova N.D. Linguistic units of cultural knowledge: theoretical and practical aspects: In 2 parts: Part I: Methodic of teaching Russian as a foreign language. – М., 2004. – P. 39-69.
3. Vorobyiov V.V. Lingvoculturology (theory and methods). – М., 1997.
4. Zharkova T.L. Intensive course of Russian speaking behavior // Cultural base of teaching Russian as a foreign language: In 2 parts: Part I: Methodic of teaching Russian as a foreign language. – М., 2004. – P. 171-192
5. Cornilov O.A. Language pictures of the world as a product of national mentality // www.i_u.ru/biblio/archive/komilov_iasik/03.aspx
6. Ter-Minasova S.G. Language and cross-cultural communication // www.i_u.ru/biblio/archive/ter_iasik/01.aspx

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 393.05

Воронежский государственный университет
К.ф.н., зав. музеем
Народной культуры и этнографии ВГУ
Мануковская Т.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)55-99-49;
e-mail: folk@phil.vsu.ru

Voronezh State University
Candidate of philological sciences, the manager
of the Museum of People's Culture and Eth-
nography
Manukovskaya T.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: folk@phil.vsu.ru

Т. В. Мануковская

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ
ПРОВЕДЕНИЯ ПОХОРОННОГО ОБРЯДА
В СЕЛАХ НОВОУСМАНСКОГО, НИЖНЕДЕВИЦКОГО,
ВЕРХНЕХАВСКОГО И РЕПЬЕВСКОГО РАЙОНОВ
(1979-2009 Г.Г.)

Статья посвящена анализу формул-канонов и раскрытию ритуального языческого и христианского смысла каждого из этапов традиционного похоронного обряда в селах Воронежской области.

T. V. Manukovskaya

TRADITIONAL FORMULAE OF THE FUNERAL RITUAL IN THE VILLAGES OF NO-
VOUSMANSKIY, NIZHNEDEVITSKIY, VERKHNEKHAVSKIY AND REPYOVSKIY
DISTRICTS (1979-2009 yr)

The article is devoted to the analysis of the formulae as canons and revealing of ritual heathen and Christian sense of every stage of the traditional funeral ritual in the villages of Voronezh region.

Записям духовных стихов и похоронного обряда студенты и преподаватели филологического факультета ВГУ стали уделять непосредственное внимание только в начале 1990-х годов. Такая возможность появилась с началом перестройки. Советские годы – время гонений на церковь, закрытия и разрушения храмов, репрессий священнослужителей и простых верующих в Бога людей. Но обряды, связанные с уходом человека из жизни так или иначе существовали всегда, поэтому автору статьи нетрудно было реконструировать похоронный обряд, воочию наблюдая его, начиная 1970-х

годов в Новоусманском и Нижнедевицком районах. Впоследствии летние экспедиции студентов-филологов ВГУ в села Рогачевка, Парусное, Бабяково, Плодосовхоз, 1-я, 2-я и 3-я Усмань Новоусманского района, а также в села Новоротаево, Першино, Кучугуры Нижнедевицкого района пополнили наши записи. Не менее тщательно нами рассмотрен похоронный обряд в селах Верхнехавского района – Нижняя, Верхняя и Крутчанская Байгора, Луговатка и в Репьевском районе – в селах Новосолдатка, Россошь и Краснолипые.

В свете похоронного обряда в ряде статей по итогам фольклорных экспедиций нами были рассмотрены и систематизированы духовные стихи о смерти, о душе, о жизнеописаниях Христа и тернистом пути

к Богу. Все они представляют соединение христианской религии с фольклором. Сборник духовных стихов Воронежской области, собранных за 1990-2000-е годы, сейчас готовится к выпуску.

Погребальный обряд – это «обрядовый комплекс, воплощающий мифологизированные отношения между живыми и мертвыми, потомками и предками, этим и «тем светом» [2, 91]. В целом обряд имеет христианский характер, но элементы язычества проявляются в некоторых сохранившихся до сих пор обычаях. К языческой погребальной обрядности относится противоположное стремление родственников умершего: с одной стороны, поскорее удалить его на «тот свет» (сюда относится и стремление раздать вещи умершего), с другой – оставить память о нем в виде могилы-захоронения и надгробия. Жители сел вспоминают о том, что гроб с умершим выносили не через дверь, а через окно, чтобы покойный не вернулся в дом за кем-нибудь из оставшихся в живых.

Фазы погребального обряда хорошо сохранились во всех районах. Некоторые отличительные местные особенности все же существуют, и мы на них указываем. Но в целом многолетнее исследование дает нам право говорить о традиционных *формулах-канонах* похоронного обряда.

В селах, где отсутствует церковь, социальную функцию отпевания умерших брали на себя жители села. Стоит отметить, что в таких селах христианский обряд сохранился со множеством языческих вкраплений. Так, до открытия церкви в с. 2 Усмань Новоусманского района автор статьи присутствовал при проведении обряда «проводы душики», который проводился под руководством отдельной группы певчих, знающих ход действия церковной службы. Сейчас же в селе обряд «проводы души» осуществляется священником, но народная память сохранилась: после ночного чтения Псалтири открывали входную дверь, чтобы «выпустить душу» умершего. До этого момента все родственники прощались с душой, целуя икону и отведав поминальной еды (кутья, мед с оладьями, подслащенная вода). Под утро (часа в 4) принято было выходить с иконой на улицу

«проводить душу». Обряд сопровождался пением «За духе праведным», «Вечная память» и троекратным благословением на восток иконой. Воду, которая стояла 40 дней для прилетавшей души, выливали под дерево, «туда, где человек не ходит». После этого считалось, что «душа ушла». До сих пор в Нижнедевицком районе существует запрет – до 40 дней нельзя ничего выносить и отдавать из вещей умершего.

По текстам духовных стихов можно проследить традиционные формулы поминального обряда. Кроме церковного отпевания и молебна, к основным фазам похоронно-поминального обряда можно отнести следующие: *обмывание и одевание, зажжение свечи, прощание с умершим, голошение, могила (гроб, крест), поминальная еда, одаривание, посещение умершего утром следующего дня, поминки на 9-й и 40-й день, на полгода и годовщину*. Всем этим фазам придавался магический ритуальный смысл проводов человека в «мир иной». В них проявлялись отголоски языческих верований. Так, например, сразу после выноса гроба принято замести в доме пол (обряд «запахивания») и вымыть его (обряд «омовения»). С этой же целью перед поминальной трапезой родственники выносили на улицу воду, мыло и полотенце для всех возвращающихся с похорон. Это совершалось не столько в гигиенических, сколько в ритуальных целях. Старые люди помнили еще времена, когда в гроб умершему бросали деньги (обряд «откупления»).

В день похорон всем стоящим на отпевании раздавались носовые платки (обряд «одаривания»). Их также повязывали на левую руку шестерым мужчинам, которые несли гроб с умершим на намотанных на руки полотенцах. На них же потом опускали гроб в могилу. На Сороковинах после поминального обеда родственники умершего одаривали подарками всех присутствующих, причем в с. Першино Нижнедевицкого р-на (2009) эти дары до сих пор принято класть себе на голову, «чтобы духам виднее было, что нас одарили».

Чтение Псалтири перемежалось пением духовных стихов, причем, если молитвы исполнялись стоя, то духовные сти-

хи – сидя как отдых между молитвами. Духовных стих «Здесь духовное собрание» (с. Першино Нижнедевицкого р-на, 1985) по тематике мог исполняться только на Сороковины: «Здесь духовное собрание, / Пришли душу посетить, / Сорок дней ей завтра будет / И в путь вечный проводить».

Раньше существовал обычай класть в гроб палку, которой измеряли рост покойного для установления размера гроба. Со слов жителей Новосолдатка Репьевского р-на (2009), покойного «веревкой не мерили, только палкой. И палку эту клали в гроб. И говорили, сторожить он будя с нею». На дно гроба также сыпали оставшиеся при приготовлении стружки, «чтобы яму мяхше было». Гроб никогда не делали из осины: «Осина проклятая, у ней листики трясутся» (с. Россошки Репьевского р-на, 2009). Обычай класть в гроб вместе с умершим его вещи встретился нам и в с. Першино Нижнедевицкого р-на (2009), например, вставные зубы, чтобы «он не беспокоил своими просьбами родственников».

Могильный крест, как и крышку гроба, заносить в дом было не принято. Их оставляли на улице. В гроб обязательно клали маленькую иконку: женщине – Божью Матерь, мужчине – Николая Угодника. Закономерности наблюдаются и в месте расположения на могиле креста: его ставили в ноги умершему, «чтоб он смотрел на него и поднималси, за крест бралси» (с. Россошки Репьевского р-на, 2009). Выносили умершего из дома обязательно ногами вперед, закапывали – ногами на восток. Детям умершего нельзя было принимать непосредственное участие в похоронах: рыть могилу, готовить поминальную еду. Но они должны были стоять на отпевании всю церковную службу.

Традиция обивать гроб материалом появилась значительно позже. Старых людей и до сих пор хоронят просто в деревянном гробу (с. Россошки Репьевского р-на, 2009). Не принято стариков бальзамировать. Для этих целей во всех исследуемых нами селах использовали народные средства в виде обкладывания умершего ветками крапивы, спиртовой салфетки-

маски на лицо, топора под лавкой в области головы и др.

Руки и ноги умершего, а иногда и подбородок, связывали веревками. Их на кладбище развязывали и оставляли в гробу. Руки складывались определенным образом: правая рука сверху левой. В с. Новосолдатка Репьевского района (2009) был записан обычай передавать через умершего вещи:

– А вот умер человек, его похоронили, а он во сне у родственников просит что-нибудь ему передать, могли через этого покойника, которого собираются хоронить, передать?

– Да, да... принясуть хоть рубаху и в гроб положить. Это есть такое...

Местной особенностью с. Россошки Репьевского р-на был также обряд подтыкать юбки, если в селе кто-то умирал. Ношение юбки «с подтыком» («кульком») – наиболее древний тип. Этот обычай до сих пор сохранился в с. Першино Нижнедевицкого р-на, но жители села не связывают его с похоронным обрядом.

Еще некоторые местные особенности в похоронном обряде отмечены нами в с. Россошки Репьевского р-на (2009):

– А не было такого, что, например, когда кладут в гроб, то если женщина умерла, то женщины кладут в гроб, а если мужчина, то мужчины?

– Это было... даже и не очень давно. Женщина помрет, ей несли хоронить женщины.

И хотя жители с. Першино Нижнедевицкого р-на (2006) говорили, что перестали «проводить душу» после строительства в Нижнедевицке церкви, но фактически основные моменты обряда соблюдаются до сих пор. Отличие лишь в том, что «прощались с душкой» не на улице, а в доме. Духовный стих «Здесь духовное собрание», традиционно исполняемый на Сороковинах, встретился нам с разными мелодиями в Нижнедевицком и в Репьевском районах. Вариант Нижнедевицкого района является политекстовым. На его мелодию в с. Россошки Репьевского р-на (2009) исполняется совершенно другой духовный стих – «Помяните, братья, сестры».

Традиция сохраняется в содержании и очередности поминальной еды. Обязательными блюдами были оладьи с медом, кутья, лапша из курицы, каша пшенная. Но завершалась поминальная трапеза в одних селах кашей (Репьевский), в других – киселем или компотом (Нижедевицкий, Новоусманский), а в с. Нижняя Байгора Верхнехавского района (2008) последней подавалась лапша.

В некоторых селах отмечают разницу в одежде умерших замужних и незамужних женщин. Так, Бредихин Г.Б. рассказывает: «Девку, обычно, хоронили в паре – юбка и кофта одинакового цвета – бирюзового или голубого, атласная – и платке. Женщин – в юбке и кофте, сверху надевался саван – накидка со сборками спереди, белая, из хлопчатобумажной ткани» (с. Нижняя Байгора, 2008).

Некоторые элементы разрушения обряда мы видим в поминании умершего прямо на кладбище в день похорон: «Прям

расстилають и там поминають... и до сих пор так» (с. Россошки Репьевского р-на, 2009). Жители сел рассказывают, что раньше существовал запрет на спиртное. Так, в с. Першино Нижедевицкого р-на (2009) до сих пор принято поминать умерших лишь в небольших дозах (2 рюмки) и только «Кагором». Сейчас же наблюдается разрушение этой стадии обряда: «...Не понимают, напьются вволю» (с. Россошки Репьевского р-на, 2009).

Итак, несмотря на встреченные нами отличия, в целом можно говорить о хорошей сохранности похоронного обряда, о широком распространении духовных стихов и о существовании традиционных формул поминания умерших. В тексты духовных стихов исполнители добавляли свои образы и мотивы, проводя в первую очередь нравственно-проповеднические идеи. Этим и объясняется их широкая распространенность в селах изучаемых районов

Библиографический список

1. Архив лаборатории народной культуры и фольклора им. проф. С.Г. Лазутина.
2. Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Т. 2. – М. : Международные отношения, 1999. – 704 с.; Т. 3. – 2004. – 704 с.; Т. 4. – 2009. – 656 с.
3. Тетради молитв и духовных стихов из с. Нижняя и Верхняя Байгора Верхнехавского р-на Воронежской обл. // Архив кафедры теории литературы и фольклора, 2008.

References

1. The Archives of the Laboratory of People's Culture and Folk-lore in the name of prof. S.G. Lazutin.
2. The Slavonic Antiquities : Ethnolinguistic Dictionary : 5 v. – V. 2. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. – 704 p.; V. 3. – 2004. – 704 p.; V. 4. – 2009. – 656 p.
3. The Notebooks with the Prayers and Spiritual Poems from Nizhnyaya Bajgora and Verkhnyaya Baygora villages of Verkhnekhavskiy district of Voronezh region // The Archives of the Literary Theory and Folk-lore Chair, 2008.

УДК 801.3

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

К. филолог. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Хаустова Э.Д.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and intercultural communication, candidate of philological sciences, associate prof., Khaustova E.D.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Э.Д. Хаустова

ИРОНИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ «СЛОВА И ВЕЩИ»

В статье рассматриваются устаревшие наименования предметов одежды и анализируется популярность их употребления в современной речи с точки зрения связи истории слов и истории вещей.

E.D. Khaustova

THE IRONICAL NAMES OF CLOTHES IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN LIGHT OF THE PROBLEM «WORDS AND THINGS»

The article considers the old-fashioned names of clothes and analyses the popularity of their usage in contemporary speech in view of the connection between the history of words and the history of things.

Исследование лексико-семантической группы «одежда» в русском языке позволило отметить широкое использование в современном русском языке устаревших и диалектных наименований одежды, несмотря на то что сами предметы одежды уже давно вышли из обихода или получили другое название. Правда, данные лексемы вошли в общенародный литературный язык с иронической окраской.

Например, лексема *галифе* заимствована из французского языка и имеет значение «брюки, узкие в голенищах и широкие в бедрах». Данный предмет одежды назван по имени французского генерала Г. Галифе (1830 – 1909). Галифе предназначались для верховой езды. Их носили с высокими узкими сапогами (Нерсесов, 2002, с. 217). *Носить галифе. Форменные (форменное) галифе* (БТС, 2000, с. 192). Данная лексема имеет коннотативное значение «жировые отложения у женщин в области бедер».

Пример, взятый из интернета, демонстрирует ироническое употребление лексемы:

Но вот суеты [перед свадьбой] море, а именно: встань ни свет ни заря, чисто выбрейся, галифе погладь, пинджак одень, веревку повяжи, баретки нагуталинь, венник выбери, подтянись к бракодому.

В современной разговорной речи для иронического наименования брюк неудачного кроя или фасона употребляются лексемы *кальсоны, шаровары, панталоны, рейтузы*.

В начале 70-х гг. XVI в. *кальсонами* (от франц. caleçons) называли женские нижние штаны, сшитые из красного шелка и украшенные вышивкой. Со временем кальсоны стали мужским нижним бельем (Нерсесов, 2002, с. 219).

Лексема *шаровары* (от тюрк. шалвар из перс.) – «длинные широкие штаны свободного покроя, заправляемые в голенища. *Казацкие шаровары. Шаровары с лампасами. Лыжные шаровары. Спортивные шаровары. Толстые, тонкие шаровары.*

Сборчатые шаровары. Шаровары на шнурке, на поясе, на резинке. Татарские шаровары (собранные в сборки у щиколоток)» (БТС, 2000, с. 1491).

Лексема **панталоны** (итал. pantalonì) имеет первичное значение «брюки. *Панталоны со штрипками*» и производно-номинативное значение «женское белье, покрывающее нижнюю часть туловища до пояса. *Женские панталоны. Кружево панталон*» (БТС, 2000, с. 778).

Лексема **рейтузы** (от нем. reithosen – штаны для верховой езды) имеет значение «узкие брюки, плотно обтягивающие ноги (первоначально военная форма кавалериста). *Гусарские рейтузы*». В современном употреблении более известны значения «профессиональная одежда в некоторых видах спорта, у танцоров и т.п.», «длинные детские или женские облегчающие штаны (обычно со штрипками), надеваемые для тепла. *Шерстяные, хлопчатобумажные рейтузы. Ходить зимой в рейтузах*» (БТС, 2000, с. 1114).

Для иронического наименования длинной, свободной, бесформенной одежды используются лексемы **роба**, **хламида**, **балахон**.

Лексема **роба** – изначально итальянское название одного из видов верхней мужской длинной одежды XVI в., надеваемой через голову, с пышными рукавами и стоячим воротником, также используется для наименования длинного вечернего женского платья для торжественных случаев (Нерсесов, 2002, с. 231). В современном русском языке имеет производно-номинативное значение «грубая рабочая одежда. *Рыбацкая брезентовая роба. Шахтерская роба*» (БТС, 2000, с. 1124).

Лексема **балахон** имеет первичное значение «верхняя крестьянская одежда свободного покроя из холста, парусины и т.п., распространенная преимущественно у бедняков». В современном русском языке имеет производно-номинативное значение «длинная одежда свободного покроя. *Пестрый балахон*

клоуна. Цветастые балахоны африканок. Разведчики в белых маскировочных балахонах» (БТС, 2000, с. 56).

Лексема **хламида** (от греч. chlamýs, chlamýdos – плащ) имеет первичное значение «мужская верхняя одежда древних греков и римлян в виде плаща с застежкой на правом плече или на груди. *Греческая хламида*» (БТС, 2000, с. 1443). В современной речи употребляется в значении «несуразная широкая и длинная одежда. *Не пальто, а хламида. Путаться в хламиде. Сшить себе хламиду*» (БТС, 2000, с. 1444).

Лексема **тужурка** восходит к французскому toujours (постоянно, всегда) и имеет значение «двубортная домашняя или форменная куртка. *Бархатная тужурка. Военная, морская тужурка*» (БТС, 2000, с. 1351). В современной разговорной речи используется для пренебрежительного наименования любой верхней одежды. Отмечается также метонимический перенос наименования одежды на человека в такой одежде: *Эй ты, тужурка, чего на ноги наступаешь?* (БТС, 2000, с. 1351).

Задумавшись над причиной популярности устаревших наименований, используемых для современных видов одежды, мы столкнулись с необходимостью изучения самих предметов одежды, давно вышедших из употребления, но сохранившихся в языке. Словарное описание не всегда дает наглядное представление о предмете. И чтобы понять причину наименования вещи, нужно обратиться к истории самой вещи.

Идея изучения истории слова в связи с историей вещи принадлежит лингвистической школе «Слова и вещи», оформившейся в 1909 г., когда стал выходить издаваемый Р. Мерингером одноименный журнал. Ученые данной школы (Р. Мерингер, В. Мейер-Любке, Г. Шухардт, В. фон Вартбург и др.) заявили, что «слово существует лишь в зависимости от вещи» и в качестве основных выдвинули принципы изучения лексикологии в связи с культурой и историей на-

рода (Звегинцев, 1964, ч. I, с. 301), (Языкознание, 1998, с. 597).

Один из основных представителей направления «Слова и вещи» австрийский лингвист Гуго Шухардт считал, что исследование слов не в состоянии противостоять воздействию, исходящему со стороны науки о вещах. Исследование вещей и исследование слов должно идти совместно; они должны проникать друг в друга, переплетаться и приводить к результатам, одинаково необходимым и ценным как для той, так и для другой области. Союз «и» в выражении «вещи и слова» должен превратиться из символа сложения в символ умножения; необходимо создать историю веще-слов (Шухардт, 1964, с. 314).

Затрагивая вопрос о соотношении слова и вещи, Г. Шухардт писал, что вещь существует целиком и полностью для себя; слово существует лишь в зависимости от вещи, в противном случае это пустой звук. Таким образом, вещь по отношению к слову – это нечто первичное и устойчивое, тогда как слово тяготеет к вещи и движется вокруг нее. Не случайную, но закономерную и необходимую роль в отношении между словом и вещью играют представления. Представление неизменно находится между вещью и словом, поскольку оно не заменяет собою слова (Шухардт, 1964, с. 314-315).

Большое значение Г. Шухардт придает переходу от рассмотрения вещей и слов в состоянии покоя к рассмотрению их в развитии. Деятельность творит и оформляет вещи. Слова, называющие вещи, воспроизводятся бесчисленное количество раз и тоже становятся историей, и эта история в основном является историей говорящего. В качестве доказательства своей мысли ученый проводит аналогию: подобно тому, как два слова, объединяясь друг с другом, образуют новое слово, так и две вещи, объединившись, порождают новую вещь; и так как такое объединение приводит к самым разнообразным последствиям, то при исследовании преемственности

вещных форм возникают те же затруднения, как и при исследовании связи словесных рядов. Вещи и слова, несмотря на самостоятельное развитие, тесно переплетены друг с другом. Чтобы понять историю слов, нужно начать с вещей, учитывая при этом, что они вступают в связь со словами только с помощью представлений, а последние возникают у нас лишь в меру присущей словам прозрачности (Шухардт, 1964, с. 316-317).

Анализируя развитие отношений между вещью и словом, исследователь отмечает, что не всегда изменение или неизменение вещи влечет за собой соответствующее поведение обозначения. В действительности обозначение так же часто сохраняется неизменным в случае, если вещь претерпевает изменение, как и изменяется, если вещь остается, по крайней мере, в существенном, неизменной. Последнее находит свое объяснение в том, что одна и та же вещь рассматривается и оценивается разными людьми совершенно различно. Главная причина кроется в чрезвычайно различных индивидуальных интересах каждого (Шухардт, 1964, с. 317).

Вещь может изменяться, а слово, напротив, оставаться неизменным. Это происходит, когда то общее, что ощущается как ее сущность, сохраняется во всех модификациях вещи. Иногда одного назначения вещи, при изменении до неузнаваемости других ее признаков, оказывается достаточно, чтобы вещь удержала свое старое наименование. Каким образом и когда новое обозначение, возникшее первоначально наряду со старым, заменило его, можно установить лишь в отдельных случаях. Основная причина данной замены – это ощущаемая тем или иным индивидуумом потребность в ней. Эта потребность вызывается известным преимуществом нового обозначения по сравнению со старым (Шухардт, 1964, с. 317-318).

Одной из основных задач методики своего исследования австрийский ученый считал объяснение основных отно-

шений между «вещами и словами». По его мнению, «если бы мы не были осведомлены о способах приготовления древними гусиной печенки или какого-нибудь столь же изысканного блюда, то мы не могли бы понять романских слов со значением «печенка»». Кроме того, слова отражают культурное значение вещи. Многочисленные примеры наглядно демонстрируют связь географии вещей и слов. Иногда слово может многое рассказать об истории вещи. Так, то или иное старое слово сохраняется как название какой-нибудь вещи, а изменение этой вещи обозначается путем добавления к нему другого слова, как правило, противоречащего основному. Например, *Silbergulden* – серебряный гульден – буквально обозначает серебряный золотой (Шухардт, 1964, с. 320).

Таким образом, изучение истории вещей (в нашем случае предметов одежды) помогает нам понять сохранение и использование в современном языке, казалось бы, давно устаревших наименований. Такие предметы одежды, как роба, балахон, хламида вышли из употребления или сильно изменились, стали более изящными и комфортными. Однако лексемы, их называющие, остались в языке для наименования бесформенной и плохо скроенной одежды.

Так, методы изучения «слов и вещей» позволяют исследовать посредством истории слов различные связанные с ними стороны материальной и духовной культуры и среды, в которой на определенном историческом этапе жили носители языка (Языкознание, 1998, с. 620).

Библиографический список

1. Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1964. – 466 с.
2. Нерсесов Я. Путешествие в мир: Мода. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2002. – 240 с.
3. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. I. Москва, 1964. С. 304-324.
4. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

References

1. Zvegintsev V.A. The history of linguistics XIX – XX cc. in sketches and extracts. V.I. M., 1964. – 466 p.
2. Nersesov Y. Travel to world: Fashion. – M., 2002. – 240 p.
3. Shughardt G. Selected articles on linguistics // Zvegintsev V.A. The history of linguistics XIX – XX in sketches and extracts. V.I. M., 1964. P. 304-324.
4. Big explanatory dictionary of the Russian language under the editorship of S.A. Kuznetsov. – St. Petersburg, 2000. – 1536 p.
5. Linguistics. Big encyclopedia / Editor-in-chief V.N. Yartseva. M., 1998. – 685 p.

УДК 821 (091)

*Воронежский государственный университет
Старший научный сотрудник кафедры русской
литературы XX века, кандидат филологиче-
ских наук, доцент*

Тернова Т.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)20-89-41

e-mail: ternova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

*Senior staff scientist of the chair of Russian
literature of XX century, Candidate of Philol-
ogy, Assistant Professor*

Ternova T.A.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732)20-89-41

e-mail: ternova@phil.vsu.ru

Т.А. Тернова

БАСНЯ КАК МАРГИНАЛЬНЫЙ ЖАНР В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО АВАНГАРДА

В статье речь идет о том, как литературой авангарда художественно осваивался жанр басни. Материалом исследования стали тексты представителей футуризма (В. Хлебникова, В. Маяковского), имажинизма (В. Шершеневича, Н. Эрдмана), ОБЭРИУ (Д. Хармс).

Т.А. Ternova

FABLE AS A MARGINAL GENRE IN THE LITERATURE OF RUSSIAN AVANT-GARDE

The article deals with how the literature of the avant-garde art mastered the genre fable. The study materials are the texts of representatives of Futurism (V. Khlebnikov, V. Mayakovsky) Imaginism (V. Shershenevich, N. Erdman), OBERIU (D. Harms).

Суть авангардного эстетического поиска заключается в том, что, в результате радикального отрицания близкого по хронологии культурного опыта, автор-авангардист обращается к архаической культурной традиции. Именно там он ищет подлинное слово, выражающее динамический образ мира.

Новый ракурс взаимоотношений между традиционным и новаторским в эстетике авангарда неоднократно осмыслялся, например, в работах А.В. Крусанова [9], В.В. Байдина [3], А.Н. Иньшакова [7] и мн. др. исследователей.

Обозначенная тенденция проявляется, в частности, в трансформации жанровой системы, имевшей место в литературе классического типа. Искусство авангарда характеризуется размыванием жанровых канонов, появлением жанров, которые являются маргинальными по отношению к

традиционной системе жанров. Трансформация, происходившая в литературе на уровне жанра, весьма симптоматична, ибо, как замечает Н. Лейдерман, «жанр представляет собой некий *тип модели мира*» [11; с. 8]. Соответственно, при подвижках, происходящих на уровне мировоззрения, сохранение привычных жанровых форм становится в принципе невозможным. «В начале каждой переходной эпохи», одной из которых является первая треть XX века, разгорается мировоззренчески обоснованная «ненависть к жанрам» [11; с. 11]. Она проявляется, в частности, в появлении антижанров, жанра фрагмента, в формировании новых жанровых моделей и актуализации жанровых форм, сохранившихся в пассивной памяти автора и читателя. Помимо этого, в литературу вводятся жанры, находившиеся прежде за ее пределами. Об этом на примере литературной работы И. Северянина пишет И. Иванюшина: «Для представителей авангарда реклама - это особая эстетическая система со своими за-

конами, совпадающими с отдельными требованиями футуристической идеологии и прагматики. Новый жанр словесного творчества привлек футуристов бодрой зазывной интонацией, близостью к балаганно-карнавальная эстетике, беззастенчивостью и агрессией. Игорь Северянин — весь реклама» [6; с. 235].

Среди сравнительно мало востребованных классической литературой жанров — жанр басни, который, будучи обращенным к максимально широкой и подчас практически лишенной читательского опыта аудитории, воспринимается как находящийся на стыке элитарной и массовой литературы. И.М. Тронский пишет о соотносительности с массовой литературой уже античной басни Феда: «Стиховая форма басен Феда — старинный ямбический размер республиканской драмы, несколько отклоняющийся от греческого типа и уже вышедший из употребления в «высокой» литературе, но привычный для массового посетителя римского театра» [17; с. 317].

Предметом нашего внимания будут басни, созданные представителями разных направлений аванграда 1/3 XX века. Под басней мы будем понимать «жанр *дидактической поэзии*, короткая повествовательная форма, сюжетно законченная и подлежащая аллегорическому истолкованию как иллюстрация к известному житейскому или нравственному правилу» [2; стб. 359].

Едва ли не самыми радикальными ниспровергателями литературных авторитетов были футуристы, пытавшиеся посредством своей «Пощечины общественному вкусу» «сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого с корабля современности» [15; с. 617]. Жанр басни оказывается востребованным у футуристов именно потому, что лежит практически за пределами жанровой системы высокой литературы.

В интерпретации В. Хлебникова, автора басни «Бех», жанр басни смыкается с народной традицией: в основу своего текста автор кладет экзотический материал легенд о ядовитом растении бех (Как следует из комментария к сб. «Творения», составленного В.П. Григорьевым, «бех (обл.) — ядовитое болотное растение, цыкута;

известно и как «вех»)» [20; с. 698]. Название текста приобретает символический смысл: «Вариант *бех* соотносится у Хлебникова путем «внутреннего склонения» с неологизмом *бух* <...>; совпадая со старой формой прош. врем. от глагола «быти», он указывает на историю народа» [20; с. 698].

Символику и внутреннюю логику текста в полной мере проясняет Х. Баран в работе «Стихотворение В. Хлебникова “Бех”» [4], доказывая, что текст отнюдь не бессмысленен, как может показаться на первый взгляд.

Композиционно стихотворение может быть разбито на 4 части. В основе такого деления — хронология повествования и, соответственно, трансформация авторской оценки разных исторических периодов. Переход из одной части текста в другую происходит в результате возникающих ассоциаций, подготовленных используемым Хлебниковым фольклорным материалом.

Басня Хлебникова начинается со вступительного фрагмента, задающего фабульную ситуацию. Примечательно, что только две первые строки являются изображением реальности, вводят читателя в курс дела, объясняя смысл реалии «бех»: Знай, есть трава, нужна для мазей. Она растет по краям грязей [20; с. 84]. Далее мы имеем дело с сознанием лирического героя, его интерпретацией мира, возникающими у него ассоциациями.

В первой части текста речь идет о давнопрошедшем, о времени монголо-татарского нашествия. Борьба Руси показана как личностный акт, Русь написана как антропоморфный субъект. Победа Руси в противоборстве безликой массе татар предпрещена:

То есть рассказ о старых князях:
Когда груз лет был меньше стар,
Здесь билась Русь и сто татар [20; с.

84]. Переход от экспозиции к первой части происходит в результате актуализации двух частей пословицы «из грязи в князи».

Вторая часть повествует о «новом» времени, которое вызывает совсем иную оценку, которую создает фонетический рисунок фрагмента (обилие звуков [y]), а

также символика (свист как обозначение опасности, дуля — знак обмана, толстые и при этом надутые щеки — знак неподлинности, ледедь — амбивалентный знак верности и смерти) и прямо-оценочная лексика (жалобы, невзгоды, причем в безликом неразличимом множестве — «вязанка», «день чумной»). Вспомним, что дата создания текста — 1913 г., и потому его трагический колорит может быть объяснен характерным для рубежа веков переживанием *Fin de siècle* (Конца цикла) и, в частности, приближением Мировой войны:

С вязанкой жалоб и невзгод
Пришел на смену новый год.
Его помощники в свирели
Про дни весенние свистели
И щеки толстые надули,
И стали круглы, точно дули.
Но та земля забыла смех,
Лишь в день чумной здесь лебедь
несся... [20; с. 84-85]

Четвертая часть итоговая, здесь время — вечность, задано представление о циклах существования мира и человека (символ зерна). Ощущение трагедии здесь отчасти снимается:

И кости бешено кричали: «Бех», —
Одеты зеленью из проса,
И кости звонко выли: «Да!
Мы будем помнить бой всегда. 1913
[20; с. 85]

Посмотрим на реализованность в тексте жанровых признаков басни, обозначив их: 1) аллегоричность, 2) «законченность сюжетного развития» [2; стб. 359], 3) «единство действия и сжатость изложения», 4) «отсутствие детальных характеристик и других элементов неповествовательного характера, тормозящих развитие фабулы» [2; стб. 360], 5) особая композиция: «Обычно басня распадается на 2 части: 1. рассказ об известном событии, конкретном и единичном, но легко поддающемся обобщительному истолкованию, и 2. нравоучение, следующее за рассказом или ему предшествующее» [2; стб. 360].

Практически все они реализуются в басне Хлебникова. Последний из обозначенных признаков, специфика басенной композиции, в «Бехе» также реализован с

той поправкой, что первая, повествовательная, часть здесь оказывается еще дополнительно дифференцированной (части 2, 3). Нравоучение также композиционно дифференцировано и составляет обрамление текста. Так, басня начинается с апелляции к читателю («знай»), которым может быть каждый, в финале повествователь и потенциальные читатели объединяются в «мы», обязуясь помнить о закономерностях истории. Глагольная форма, избранная Хлебниковым, не вполне характерна для морали: «будем помнить» вместо «помни». Тем не менее, мораль, хоть и не прямо заявленная, очевидна: необходимо помнить, что история — процесс, а не результат. Не случайно поэтому текст наполнен амбивалентными символами, совмещающими в себе жизнь и смерть: бех, лебедь, просо. Басня Хлебникова выполняет большую функцию, чем та, которая традиционно свойственна басне, но не противоречит ее жанровому канону: аллегоричность басни в его интерпретации становится символической.

Хлебников — не единственный футурист, обращавшийся к басенной традиции. В. Маяковским, к примеру, созданы «Интернациональная басня» (1917) и «Нате! Басня о крокодиле и о подписной плате» (1922). Обращение к басне у Маяковского совершенно иначе мотивировано, нежели у Хлебникова. Для Хлебникова басня — способ соединения времен, вневременной жанр (не случайно и сюжетом его басни становится время), который, благодаря присущей ему символичности позволяет говорить о закономерностях бытия. Басни В. Маяковского смыкаются, скорее, с баснями Демьяна Бедного. Они становятся способом коммуникации с массой, социальным слоем, выведенным на поверхность общественной жизни событием революции. Как и басни Бедного, басни Маяковского имеют актуальный политический смысл. Таким образом, Маяковский, как и Хлебников, включен в историю, но не на уровне вечности. Его интересует настоящее, острое, сегодняшнее. Об этой специфике мироотношения Маяковского пишет В.М. Акаткин: «Редкий поэт так жгуче, так нервно — до крика, до истери-

ки — реагировал на время, как Маяковский. Он представляется какой-то гигантской наковальней, на которую бросают раскаленные глыбы дней» [1; с. 52]. Приведем в пример «Интернациональную басню»:

Петух однажды,
дог
и вор
такой скрепили договор:
дог
соберет из догов свору,
накрасть предоставлялось вору,
а петуху
про гром побед
орать,
и будет всем обед.
Но это все раскрылось скоро.
Прогнали
с трона
в шею
вора.
Навертывается мораль:
туда же
Догу
20 не пора ль? [13]

Басня Маяковского является точной иллюстрацией жанрового канона как на уровне содержания, так и на уровне композиции (2 части) и использованных приемов (аллегория, использование образов животных). Лексика здесь тоже вполне «басенная»: используются просторечия и вульгаризмы: «навертывается», «прогнали в шею» и т.п. Сохранена и присущая жанру басни метатекстуальность (нравоучительный фрагмент соответственно и в тексте обозначен как «мораль»). В тексте практически ничто не указывает на причастность Маяковского к группе футуристов — за исключением специфической строфики.

В «Нате! Басне о «Крокодиле» и о подписной плате» авангардных находок значительно больше. Помимо строфики, это и многочисленные неологизмы («рассервизить», «крокодиленок» и т.п.). Да и название текста явно отсылает к произведению Маяковского футуристического периода «Нате!». В обоих стихотворениях объектом сатиры

становится узкий мирок обывателей, единственным смыслом существования которых является еда («Захотелось нэпам, / так или иначе, / получить на обед филей «Крокодилячий»»). Текст имеет второй, аллегорический смысл, закрытый для обывателей, и представляет собой изящную агитку, рекламную акцию, призывающую умного читателя подписываться на журнал «Крокодил»:

Ну чего впадать в раж?!
Пока вы с аршином к ноздре
бежите,
у «Крокодила»
с хвоста
вырастает тираж.
Мораль простая —
проще и нету:
Подписывайтесь на «Крокодила»
и на «Рабочую газету» [14].

Написано стихотворение в период, когда Маяковский создает целый цикл сатирических произведений («О дряни» и т.п.). Любопытное замечание о специфике сатиры Маяковского делает В. Перцов: «Маяковский беспощаден в своем преследовании плохого. При этом изображение плохого дается так, что мысль о необходимости «уравновесить» его чем-то хорошим не приходит в голову, потому что хорошим является сам автор. В его неистощимой фантазии сатирика он предстает во всем обаянии уверенного в себе и в победе добра над злом, спокойного, остроумного, старшего товарища, который беседует, негодует, но не поучает. Это скрытое «хорошо» внутри изображения плохого или рядом с ним так естественно, что лишь усиливает оскорбление зла» [15; с. 208]. В полной мере это наблюдение относится и к анализируемому стихотворению.

Выходец из футуристической группы «Мезонин поэзии» и основатель еще более радикального по мировоззренческим и эстетическим позициям движения имажинистов Вадим Шершеневич обращается к жанру басни в тексте имажинистского периода «Принцип басни» из стихотворного сборника «Лошадь как лошадь» (1920). Тем не менее, лексема «басня» появляется раньше

— в поэме В. Шершеневича «Крематорий» (1918), где под «басней» подразумевается повествование заведомо ложного содержания:

Ребенок прибежал

Домой

С перепуга басней

Зарыдал [21; с. 262].

В стихотворении В. Шершеневича «Принцип басни» иронически обыгрывается жанровый канон басни. Текст является примером сциентистской поэзии, в которой рациональный компонент, «литературное задание» экспериментального характера предшествует созданию текста. «Принцип...» представляет собой пример антижанра, в котором трагестируются изначальные жанровые установки.

Как и должно быть в басне, текст вполне фабульный. Речь идет об утомленной в жаркий день лошади, которая ждет седока. Фабула аллегорически скрывает настоящий смысл текста, его истинную тему - тему поэта и толпы. Осознание этого подтекста возвращает читателя к началу текста, где заявка на тему, неочевидная на первый взгляд, уже была сделана: «Я стою у подъезда грядущих веков» [21; с. 172]. Тема разрабатывается в юмористическом (циническом) ключе, что характерно для имагинистов: униженная миром, лошадь возвращает ему собственные нечистоты, с радостью принимаемые воробьями. Мир попадает в зависимость к ней:

Седока жду с отчаяньем нищего,

И трубою свой хвост задираю легко,

Чтоб покорно слетались на пищу вы!

[21; с. 172]

Под аллегорической сценой подразумеваются отношения между поэтом и читателем. Читатель отождествляется у имагинистов с массой, и потому «в имагинизме немислим <...> читатель-слепец <...>. Наши стихи не для кротов», — писал Шершеневич [21; с. 390]. «Сладчайшая мечта поэта заставить массу уверовать в его образ, — продолжает Мариенгоф. — Но подобно тому, как ничего не видит человек, выскочивший из совершенной темноты в

полосу яркого света, — масса, ослепленная прекрасным, попросту жмурит от него глаза. Отсюда полная отчужденность народа от искусства и враждебное отношение художников к массе, вызванное вполне объяснимым раздражением» [Цит. по: 8; с. 519].

Коммуникация между автором и читателем может быть только игровой. В данном случае ее отсутствие маркируется на композиционном уровне: в тексте «Принципа басни» нет морали как композиционного элемента. Читательские ожидания не оправдываются.

В тексте Шершеневича сниженным оказывается не только представление о читателе, но и образ поэта, на что обращает внимание Е. Иванова: «...в стихотворении «Принцип басни» поэт сравнивается с лошадью (отсюда название сборника), продукт поэтического творчества — с продуктами пищеварения...» [5; с. 149] Текст приобретает нарочито карнавальный характер, когда высокое и низкое меняются местами.

А вот введение в текст образа животного вполне характерно для басни, ибо «со стороны сюжетной басня часто, хотя и не обязательно, характеризуется изображением в ней логически невозможных предметных отношений, напр. перенесением на животных или растения форм человеческого быта» [2; стб. 360].

Таким образом, в тексте Шершеневича формальная сторона басни оказывается отчасти выдержанной. Содержательная же подменяется иными, не заложенными в басне смыслами и задачами. Задачи текста гораздо глобальней, чем сатирический посыл басни. В нем, по сути, раскрываются главные мировоззренческие установки имагинистов: девальвация образа читателя, превращение литературы в вариант «театра для себя», разведение искусства с реальностью, специфическое представление о комическом.

В зрелый период своего творчества в жанре басни работает начинавший свою литературную деятельность в группе имагинистов Н. Эрдман. В начале 30-х гг.

он, совместно с драматургом и поэтом Владимиром Массом, создает цикл остросатирических басен, ставший причиной ареста и последующей ссылки обоих авторов в 1933 году [12].

Композиционно басни организованы по присущей жанру схеме. Так, басня «Мы обновляем быт» заканчивается следующим фрагментом:

Смысл этой краткой басни ясен:

Когда б не били нас, мы б не писали
басен [12].

Для басен Эрдмана и Масса характерно наличие прецедентного интертекстуального слоя, который используется с целью усиления комического эффекта. По преимуществу, в тексте содержатся отсылки к басням Крылова, как, например, в короткой басне:

Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...

— Но бога нет! — Не будь придира:

Ведь нет и сыра

и басне «Все, все меняется: законы, нравы, стили...»:

По улицам слона водили,

Возможно, что и напоказ [12].

В басне «В одном термометре вдруг захотела ртуть» отсылка менее очевидная: фраза «Она кричит и лезет вон из шкуры» напоминает фразу «Из кожи лезут вон, а возу нет и ходу!» из басни И.А. Крылова «Лебедь, щука и рак».

В басне «Мы обновляем быт» содержится цитата из стихотворения А.А. Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад...»:

Рояль был весь раскрыт

И струны в нем дрожали [12].

Басня «Жертвоприношение», помимо библейского сюжета, содержит цитату из поэмы А. Блока «Двенадцать»:

Однажды приключилась драма:

Бог, в белом венчике из роз,

Потребовал у Авраама,

Чтоб сына в жертву он принес [12].

Еще одним способом создания комического в баснях Эрдмана и Масса становится диалог, характерный для традиционной басенной структуры (см. басни «В одном термометре вдруг захотела ртуть...», «Мы любим подмечать у недру-

гов изъяны...», «Две стрелки на часах шли, не переставая...» [12]).

Объектом сатиры в баснях авторов становятся советские реалии 30-х гг.: декларирование ложных ценностей и мировоззренческий установок, девальвация человеческого:

Но ведь, в конце концов, существенен не пол,

А классовая принадлежность [12].

Мурашки — это те, которые по коже.

А мы? Что если вдруг и мы на них похожи? [12]

Диалектический осел

Глуп так же, как обыкновенный [12].

Басни Н. Эрдмана и В. Масса, как и басенной творчество В. Маяковского, знаменуют собой отказ от принципов литературы авангарда. Они демонстрируют ценностные установки, ориентированы, в отличие от авангардных текстов, на максимально широкого читателя. Басни демонстрируют собой факт эволюции творческих установок их авторов.

Д. Хармс, чье творчество не выходит за рамки авангарда, обращается к жанру басни дважды. В прозаической «Басне», написанной в 1935 году, он использует приемы, которые характерны, скорее, для его собственной литературной манеры, нежели для жанра басни. Среди них — поэтика повтора («Один человек небольшого роста сказал...», «А человек небольшого роста стоит и от страха ничего сказать не может», «Тут человек небольшого роста начал плакать...» [22; с. 630]), внимание к случайному, неожиданному («смотрит — перед ним волшебница»), создание картины абсурда («Сначала на руках ногти сгрыз, а потом на ногах» [22; с. 631]). Ощущение абсурда происходящего усиливает псевдомораль в финале текста: «Читатель, вдумайся в эту басню, и тебе станет не по себе» [22; с. 631].

Приемы, использованные в тексте, мотивированы базовыми мировоззренческими установками Хармса, присущим авангарду в целом представлением о мире как принципиально нецелостном, парадок-

сально устроенном, не подлежащем гармонизации. Это во много отражается на характере времени в том варианте, как его понимают ОБЭРИУты: оно нелинейно, разбито на миги — случаи.

На примере «Басни» можно говорить о специфике разработки авангардистами клишированной литературной темы маленького человека. В данном случае его «малость» настойчиво визуально маркируется: мы имеем дело с реализованной метафорой («человек небольшого роста»). При разработке темы, в пику реалистической традиции, внимание смещено с героя на деструктивный мир, разрушающий целостность человека, при соприкосновении с которым становится «не по себе». Однако это состояние мира не воспринимается как временное и преодолимое, как в текстах модернистского плана. Деструктивность мира для авангардиста — закон его существования. Шоковое эстетическое и логическое воздействие входит в авторский замысел автора-авангардиста, определяет специфический характер коммуникации автора с читателем через текст авангардного плана. Об этом пишет Е. Тырышкина, отмечая, что «восприятие авангардистского произведения — это шок, характерная реакция — отторжение (по крайней мере, авангардисты на это рассчитывают), реципиент подвергается агрессии как этической, так и эстетической <...> авангардистской текст порождает <...> экзистенциальную драму самоопределения адресата» [19; с. 61].

Ф. Кувшинов рассматривает героя «Басни» как реализацию еще одного известного литературного типа — поэта-пророка, пытаясь объяснить его парадоксальное поведение при столкновении с чудесным: «Природа этого страха не вполне ясна и ничем не мотивируется, но важен сам факт его существования: он говорит нам о полной невозможности использования способности творить чудо при однозначном наличии этой способности. Разумеется, в глазах обывателя чудотворец, который не творит, предстает чудаком, но в реальности дело обстоит таким образом, что только так чудотворец и может обладать магической силой» [10; с. 266].

Лексема «басня» появляется в тексте Хармса 1934 года «Я родился в камыше». На первый взгляд, прием, использованный в тексте, кажется традиционным для басни и воспринимается как аллегорическое замещение человеческих типов образами животных. Однако на деле такое замещение в тексте не происходит: животные (рыба, рак, лягушка) здесь представляют сами себя. В данном случае используется не аллегория как троп, а только олицетворение. В этом убеждает введение в текст образа человека: «Ты человек и ответь нам» [22; с. 554], — обращаются к нему животные.

В тексте разрабатывается одна из ключевых проблем авангарда — проблема отношения к телесности. В ее важности убеждает ее частотность: тема телесности была задана и в «Басне» Хармса. Телесность понимается представителями авангарда отнюдь не в эротическом ключе: «Эрос не предстает здесь в манящих одеждах соблазна или красоты греха» [19; с. 65]. Е. Тырышкина объясняет этот феномен произошедшим в авангарде тотальным расширением представления о материи, которой оказывается «и внешняя реальность, и авторская телесность, и художественный материал, в том числе и слово» [18; с. 319]. Причина такого смешения — не в самоценности каждого из обозначенных элементов, а во внимании к «чистой энергии роста, изменений, превращений, разрушений» [18; с. 324]. Самодостаточность творческого акта делает самоценными все составляющие его элементы и признаки, и потому басня Хармса завершается фразой: «Я человек и отвечаю вам: не надо стесняться своего голого тела» [22; с. 554].

Очевидно, что жанровый канон басни при таких установках оказывается радикально пересотворенным. Обращение к жанру становится способом вовлечь читателя в акт коммуникации и в процессе работы с жанром, в процессе чтения показать, что логика коммуникации невозможна, поскольку мир предельно сложно устроен.

Итак, жанровый канон басни (впрочем, как и любой другой жанровый канон) радикально трансформируется в пределах

авангардного текста, наделяется несвойственными ему задачами. Индивидуальная работа авторов, так или иначе связанных с литературными группировками авангардного толка, убеждает, что индивидуальный путь в литературе нередко выстраивается

нелинейно. Своеобразный реверс, произошедший в индивидуальной писательской биографии В. Маяковского и Н. Эрдыманова, может быть прослежен на примере трансформации отношения к жанру басни.

Библиографический список

1. Акаткин В.М. Романтика разрушения / В.М. Акаткин // Река времен: О поэтах и поэзии.— Воронеж : Полиграф, 1998 .— 216 с.
2. А. С., Р. Ш. [Шор Р.] Басня // Литературная энциклопедия: В 11 т. — [М.], 1929—1939. Т. 1. — [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. — Стб. 359-360.
3. Байдин В.В. Архаика в русском авангарде» / В.В. Байдин // Обсерватория культуры. - 2006. - № 6. - С. 110-119.
4. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века / Х. Баран. — М., 1993. — С. 22-36.
5. Иванова Е.А. Творчество В.Шершеневича: теоретический декларации и поэтическая практика: Дисс. ... канд. филол. наук / Е.А.Иванова. — Саратов, 2005. — 202 с.
6. Иванюшина И.Ю. Русский футуризм: Идеология. Поэтика. Прагматика / И.Ю. Иванюшина. — Саратов, 2003. — 311 с.
7. Иньшаков А.Н. Проблема нового в искусстве футуризма, дадаизма и конструктивизма / А.Н. Иньшаков // Русский авангард 1910-1920 годов: проблема коллажа. - М., 2005. - С. 40-57.
8. Комментарии / А.Н. Захаров, Т.К. Савченко и др. // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. — Т. 7. Кн. 1: Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты. — М.: Наука; Голос, 1999. — С. 357-557.
9. Крусанов А.В. Русский авангард.1907-1932: Исторический обзор / А.В. Крусанов. — Т. 1. — СПб., 1996. — 319 с.
10. Кувшинов Ф.В. Социум художественного мира Д.И. Хармса / Ф.В. Кувшинов // Русская литература и философия: постижение человека: Материалы Всероссийской научной конференции (Липецк, 16-17 октября 2001 г.). — Липецк: ЛГПУ, 2002. — С. 265-269.
11. Лейдерман Н.Л. Испытание жанра или испытание жанром? / Н.Л. Лейдерман // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 9. — Екатеринбург, 2006. — С. 3-33.
12. Масс В., Эрдыманов Н. Басни / В. Масс, Н. Эрдыманов // Самиздат века: Неофициальная поэзия [Сборник] / Сост. А. Стреляный и др.— М.; Минск: Полифакт, 1998. — 1052 с., а также [<http://www.rvb.ru/np/publication/01text/01/erdman.htm>]
13. Маяковский В.В. Интернациональная басня / В.В. Маяковский // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961. — Т. 1. — 1955. — С. 47.
14. Маяковский В.В. Натя! Басня о «Крокодиле» и о подписной плате / В.В. Маяковский // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР.

Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961. — Т. 4. — 1957. — С. 41-42.

15. Перцов В.О. Маяковский: жизнь и творчество / В.О. Перцов. — 3-е изд. — М.: Художественная литература, 1976. — Т. 2 (1918-1924). — 494 с.

16. Пощечина общественному вкусу // Поэзия русского футуризма. — СПб: Академ. проект, 1999. — С. 617-618.

17. Тронский И.М. История античной литературы / И.М. Тронский. — М.: Высшая школа, 1983. — 464 с.

18. Тырышкина Е.В. Источник инспирации в русском литературном авангарде / Е.В. Тырышкина // Russian Literature. — 2001. — Vol. L (50). № 3. — С. 319-333.

19. Тырышкина Е.В. Русский авангард начала 20-го века: аспекты прагматики / Е.В. Тырышкина // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики. Материалы международной научной конференции 18-21 сентября 2004 г., г. Гродно. — В 2-х ч. — Ч. 1. — Гродно: ГрГУ, 2005. — С. 60-66.

20. Хлебников В. Творения / В. Хлебников; коммент. В.П. Григорьева, А.Е. Парниса. — М.: Советский писатель, 1986. — 734 с.

21. Шершеневич В. Листы имажиниста / В. Шершеневич. — Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1997. — 526 с.

22. Хармс Д. Цирк Шардам / Д. Хармс: СПб: Кристалл, 2001. — 1120 с.

References

1. Akatkin V.M. Romantic destruction / V.M. Akatkin / River times: About poets and poetry.- Voronezh: Polygraph, 1998. - 216 pp.

2. A., R. Sh [Shor R.] Fable / Literary Encyclopedia: In the 11 tons - [MA], 1929-1939. T. 1. - [MA]: Izd. Kom. Acad., 1930. - Col. 359-360.

3. Baydin V.V. Archaic in the Russian avant-garde / V.V. Baydin / / Observatory culture. - 2006. - № 6. - P. 110-119.

4. Baran H. Poetics of Russian literature beginning of the twentieth century / H. Baran - M., 1993. - P. 22-36.

5. Ivanova E.A. Creativity V. Shershenevich: theoretical declaration and poetic practice: Diss. ... Kand. Philology Science / E.A. Ivanova. - Saratov, 2005. - 202 pp.

6. Ivanyushina I.Y. Russian Futurism: Ideology. Poetics. Pragmatics / I.Y. Ivanyushina. - Saratov, 2003. - 311 pp.

7. Inshakov A.N. The problem is new in the art of Futurism, Dadaism and Constructivism / A.N. Inshakov // Russian Avant-Garde 1910-1920 period: the problem of collage. - M., 2005. - P. 40-57.

8. Comments / A.N. Zakharov, T.K. Savchenko et all Yesenin's Complete Works: At 7 vol. — Vol. 7. B. 1: Autobiography. Inscriptions. Folklore materials. Literary declarations and manifestos. - M.: Science, Voice, 1999. - P. 357-557.

9. Krusanov A.V. Russian avant-garde.1907-1932: Historical overview / A.V. Krusanov. - T. 1. - SPb., 1996. — 319 pp.

10. Kuvshinov F.V. Social life of the art world by D.I. Harms / F.V. Kuvshinov // Russian Literature and Philosophy: comprehension of man: Proceedings of the Scientific Conference (Lipetsk, 16-17 October 2001). - Lipetsk: LGPU, 2002. - P. 265-269/

11. Leiderman N.L. Test of the genre or testing of the genre? / N.L. Leiderman // Russian Literature of XX-XXI centuries: trends and currents. Vol. 9. - Ekaterinburg, 2006. - P. 3-33.
12. Mass V., Erdmann N. Fables / V. Mass, N. Erdmann / Samizdat Century: An informal poetry [Collection] / Sost. A. Streljanyj, etc. - Moscow, Minsk: Polifakt, 1998. - 1052 pp. and [<http://www.rvb.ru/np/publication/01text/01/erdman.htm>]
13. Mayakovsky V.V. International fable / V.V. Mayakovsky // V.V. Mayakovsky Complete Works: In the 13 vol. / USSR. Inst world lit. them. AM Gorky. - Moscow: Gos. Izd artist. lit., 1955-1961. - Vol. 1. - 1955. - P. 47.
14. Mayakovsky V.V. Mayakovsky Take it! Fable of the "Crocodile" and the subscription fee / V.V. Mayakovsky / V.V. Mayakovsky Complete Works: In the 13 vol. / USSR. Inst world lit. them. Gorky. - Moscow: Gos. Izd artist. lit., 1955-1961. - Vol. 4. - 1957. - S. 41-42. Take it! Fable of the "Crocodile" and the subscription fee / VV Mayakovsky / VV Mayakovsky Complete Works: In the 13 tons / USSR. Inst world lit. them. Gorky. - Moscow: Gos. Izd artist. lit., 1955-1961. - T. 4. - 1957. - P. 41-42.
15. Pertsov V.O. Mayakovsky: life and work / V.O. Pertsov. - 3rd ed. - M.: Literature, 1976. - T. 2 (1918-1924). - 494 pp.
16. Slap in the Face of Public Taste / Poetry of Russian Futurism. - St. Petersburg: Acad. project, 1999. - P. 617-618.
17. Tronsky I.M. History of ancient literature / I.M. Tronsky. - M.: Higher School, 1983. - 464 pp.
18. Tyryshkina E.V. Source of inspiration in the Russian literary avant-garde / E.V. Tyryshkina // Russian Literature. — 2001. — Vol. L (50). № 3. — С. 319-333.
19. Tyryshkina E.V. Russian avant-garde early 20-th century: aspects of pragmatics / E.V. Tyryshkina /// Interaction of literatures in the world literary process. Problems of theoretical and historical poetics. Proceedings of the international scientific conference 18-21 September 2004, Grodno. - In 2 hours - Part 1. - Grodno: ГрГУ, 2005. - P. 60-66.
20. Khlebnikov V. Creation / V. Khlebnikov; Comment. V.P. Grigorieva, A.E. Parnis. - Moscow: Soviet Writer, 1986. - 734 pp.
21. Shershenevich B. Imaginists sheets / V. Shershenevich. - Yaroslavl: Upper Volga izd-vo, 1997. - 526 pp.
22. Harms D. Circus Shardam / D. Harms: St. Petersburg: Kristall, 2001. - 1120 pp.

УДК 831.731

*Воронежский государственный университет
К.ф.н., преподаватель кафедры русской литературы XX века*

*Гусаков В.Л.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)20-89-41;
e-mail: kot-bajun@mail.ru*

*Voronezh State University
Ph.D. of Philology,
The Instructor of the Chair of the Russian literature of the XX century
Gusakov V.L.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732)20-89-41;
e-mail: kot-bajun@mail.ru*

В. Л. Гусаков

**ВЗЯВШИСЬ ЗА РУКИ...
РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК РАССКАЗОВ
ВИКТОРИИ ЧУМАК «КЛЕНОВЫЕ ЛИСТЬЯ»
(М.: «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РОССИЙСКИХ ДЕРЕВЕНЬ», 2007, 96 С.)**

Рецензия посвящена первому сборнику рассказов молодой талантливой писательницы из Красноярска Виктории Чумак.

V. L. Gusakov

**AFTER UNDERTAKING AS THE HANDS ...
REVIEW TO THE COLLECTOR
OF VICTORIA CHUMAK'S STORIES «MAPLE LEAVES» (M.: «THE EN-
CYCLOPEDIA OF RUSSIAN VILLAGES», 2007, 96 p.)**

The review is dedicated to the first collection of the stories of the young talented writer from Krasnoyarsk Victoria Chumak.

Современное движение литературного процесса в России характеризуется кризисом постмодернистского сознания, зашедшего в тупик, но продолжающего работать на холостых оборотах. Возврат к коренным реалистическим традициям русской литературы весьма непросто, сопряжен со многими проблемами в восполнении утраченного. «Литературная газета» из номера в номер публикует аналитические статьи, констатирующие духовный кризис в русской прозе, но практическое преодоление его идет крайне медленно. Тем не менее, очевидно, что без обращения русской литературы к духовному вектору реализма, указывающего на вечную гармоничную связь человека и Творца, невоз-

можно обрести подлинный смысл в напряженной, мучительной, безумной гонке настоящего времени. Тоненькая книжечка рассказов В. Чумак – еще один маленький шаг в сторону вечных ценностей.

Автор сборника «Кленовые листья», безусловно, делает в художественной литературе только первые шаги, но за ними отчетливо просматривается искренняя выстрадавшая любовь к жизни и к Слову. Виктория Чумак создавала свои рассказы, по всей видимости, с оглядкой на традицию «лирической прозы», сложившейся в русской литературе 1960-1970-х гг. и связанной с именами Ю. Казакова, Ю. Нагибина, В. Солоухина, А. Яшина. Молодой автор из Красноярска практически в каждом рассказе сосредотачивается не внеш-

них обстоятельствах, а на внутреннем состоянии героя. Окружающий мир отнюдь не выпадает из орбиты внимания В. Чумак – он служит дорогой к человеческой душе. Как справедливо отмечено в кратком предисловии к книге, мир здесь раскрывается «как явление светлое, прекрасное, но вместе с тем трагическое». Преодоление одиночества, *боли* (в физическом и метафизическом смысле) – вот, пожалуй, главная тема рассказов В. Чумак.

Палитра человеческих переживаний в сборнике «Кленовые листья» максимально разнообразна. Единственное, чего нет у автора рассказов – ненависти и презрения к людям. Даже измучивший до нельзя свою жену, изолгавшийся перед ней, потерявший человеческий облик алкоголик («Один день из жизни Василия Потапова»), вызывает скорее сострадание, нежели отвращение: «Уронив отяжелевшую голову на стол, Василий медленно уплывал куда-то. Отдаваясь на волю этому приятному состоянию, он с удовлетворением успел отметить, что назойливые мысли-мухи, наконец, покинули его голову. В ней теперь не было ничего, кроме этой гудящей, равнодушной ко всему пустоты. Василия ничто не тревожило...» Эпиграф из Ф. Ницше в подобном контексте читается иронически.

Страдания человека в связанных внутренней общей мыслью рассказах «Кленовые листья» и «Путь к свету» преодолеваются в стремлении героев оторваться от земного (читай: телесного) притяжения. Физическая болезнь настолько изматывает не только тело, но и душу, что появляется ощущение совершенной глухоты даже со стороны...Бога. Явная неудача композиции и сюжета рассказа «Путь к свету» очевидно в том, что безымянный герой, вероятно, неверно понимает смысл слова «религия» (лат. *Religare* – «связывать» – землю и Небо, человека и Бога) и надеется только на собственные силы. Финал рассказа – намек на самоубийство героя (освобождение от тела), последующий полет к Свету и рождение ребенка (реинкарнация?) – дерзкий вызов христианской любви и Создателю. Мало того – жизнь человека названа «нелепой»

только потому, что была связана с неизлечимой болезнью. Но каждая жизнь – это строгий замысел Бога, в Котором не может быть никакой ошибки, никакого промаха. Земному человеку действительно невозможно постичь замысел Господа о нем. Создателю нашего мира нужно доверять всецело, и тогда смерть станет настоящей встречей с любимым.

Так это происходит с героиней рассказа «Старуха». Развитие его фабулы и сюжета с самого начала можно легко угадать: жизнь одинокой старухи и ее любимой болонки Баси в страшном равнодушном и одновременно завистливом мире неизбежно должна столкнуться с трагедией разлуки. Неизвестное никому из соседей прошлое Лидочки (так звали героиню в молодости) наполнено было не только драматическими переживаниями, но и ожиданием счастья. Забытая всеми людьми (даже бывшими учениками), старуха не забыта у Бога, ибо никогда она не роптала на свою жизнь и принимала всё со смиренным сердцем и теперь услышит слова Господа: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим...» (Мф., 11, 28-29) В таком контексте «предсказуемость» сюжета свидетельствует не столько о недостатке умения у автора, сколько указывает на следование логике всеобъемлющей Жизни, где зло не может торжествовать только во времени, но не в Вечности.

Рассказы В. Чумак, конечно, не свободны и от мелких стилистических погрешностей, от некоторых неуклюжих словесных оборотов («всевозможно-красные листья», «мутная карамель вагонного стекла» и др.). Но главным достоинством литературного дебюта молодого автора следует признать истовое служение человеку, идущее от русской реалистической традиции. В книге отчетливо слышен набат, обращенный к душам наших современников: человек не должен быть забыт, не должен быть оставлен за разговорами о человеке, как некогда в классической пьесе А. П. Чехова был забыт всеми любимым Фирс. Подобное мы, к сожалению, неод-

нократно наблюдали не только в русской литературе, но и в самой истории нашего многострадального Отечества. Искренне надеемся, что и сам автор исповедует твердую веру в восполнение человеческих страданий и христианскую надежду на обретение ближнего, как и герои его рассказов: «Взявшись за руки, они с Сашей направились к зовущему их свету по широкой и ровной дороге, внезапно открывшейся им. Конца ей не было видно, но Лиду это не пугало: она знала, если Саша рядом, значит, всё будет хорошо...»

Виктория Чумак СТАРУХА

Все звали ее просто старуха. «А старуха-то опять свою псину выволокла, площадку загадила», – замечала соседка из одиннадцатой квартиры соседке из десятой. Обе они, еще не пенсионного возраста, не работали и, сидя дома, переделав все хозяйственные дела, скрашивали свою однообразную жизнь тем, что зорко следили за всем происходящим в подъезде. Они знали – кто и когда приходил к Юльке из пятнадцатой, и что вчера в двадцатую привезли новую мебель. За старухой же почему-то был особый контроль. Возможно, их раздражала ее согбенная сухая фигурка, с шарканьем поднимающаяся по узкой лестнице выдавшей вида «хрущевки». А может, ее постоянная невозмутимость: старуха никогда и ни на кого не повышала голоса, говорила тихо и при этом согласно кивала головой.

Она и вправду была стара. Сморщенное лицо – темное, почти коричневое, напоминало кору дерева со своими глубокими большими и малыми морщинами и морщинками. Бесформенный рот обычно находился в движении, как будто пытался обрести потерянные былые очертания. И лишь глаза, большие голубые глаза, совсем незамутненные возрастом, распахнутые, совершенно открытые и по-детски доверчивые, вовсе не подходили к ее лицу. Эти глаза продолжали удивляться миру! Они продолжали жить.

Старуха существовала одна в небольшой квартирке на пятом этаже старого

кирпичного дома. Вероятно, она всегда была одна. Никто и представить не мог, что она когда-то была молода, имела семью, родителей. Ее одиночество казалось столь же естественным, как и ее старость.

Впрочем, в старухиной квартире обитало еще одно создание – маленькая, облезлая болонка, тихая и незаметная, как ее хозяйка, но тем не менее вызывавшая раздражение у соседей по лестничной клетке. Эта болонка – Бася, являлась для Старухи единственным существом, на котором сосредотачивались все ее положительные чувства. Безусловно, и Старуха для Баси – тоже.

Так они и жили вдвоем, будто одно целое, словно мать и дитя. Несколько раз в день выбирались на прогулку в маленький неухоженный дворик.

– Бася, Бася, гулять! – звала Старуха свою любимицу, держа в руках тоненький ошейник с поводком.

Болонка, до этого момента дремавшая на пушистом розовом коврикe в передней, вскакивала, бежала на голос хозяйки, от нетерпения подрагивала коротким хвостиком и тихо поскуливала. Несколько минут уходило на сборы, и вот они оказывались на лестнице.

– Бася, веди себя прилично, – неизменно просила хозяйка, пуская болонку впереди себя и крепко держа поводок. — Я не хочу краснеть за тебя.

И действительно, краснеть ей не приходилось. Бася, осторожно ступая маленькими лапками, спускалась почти бесшумно и уж, конечно, не позволяла себе никаких слабостей. Несмотря на сомнительное происхождение, Бася была собакой с манерами.

Наконец, вот она – долгожданная дверь, отделявшая затхлый подъезд от улицы. Свежий воздух резкой волной ударял в ноздри Баси и, казалось, проникал куда-то вглубь ее головы. От этой всегда почему-то неожиданной свежести Бася волновалась и, чтобы привести свои чувства в порядок, разрешала себе твякнуть один или два раза.

– Поразвели собак! На людей кидаются! – восклицала соседка из седьмой квартиры.

Женщина лет пятидесяти, в красивой мутоновой шубе, она обычно гуляла с полуторогодовалым внуком, «тряслась» над ним и, как следствие, тоже не испытывала симпатии к Басе и к Старухе.

– Вы уж извините нас, – с жалкой улыбкой проговаривала та, – мы добрые, не кусаемся.

– Вот еще, – фыркала дама в шубе, – еще чего не хватало! Уж если выводите собаку, надевайте намордник. А вообще-то вам, бабушка, дома бы сидеть, а не с собаками бегать!

Старуха отводила взгляд и с виноватым видом тащила Басю в сторону, прочь от придирок строгой соседки. Масла в огонь подливал малыш – внук дамы: испугавшись резкого, непривычного ему голоса собственной бабушки, он принимался истошно реветь.

– Ну, вот – ребенка испугали! – вновь возмущалась дама. – Не хватало, чтобы мальчик заболел. Если только вы мне ребенка испортите, да я вас с вашей скотиной!

Старуха с болонкой удалялись в сторону булочной. Бася, чувствуя себя виноватой, шла, опустив голову, и старалась не обращать внимания ни на какие посторонние раздражители. А вокруг было столько интересного!

Вот прошла молодая, красивая модница в коротком пальто, у которого по краю подола были пришиты забавные кисточки. Женщина, постукивая каблучками, шла быстро, стремительно, и в такт ее ритмичных шагов раскачивались кисточки на пальто. Ах, как хотелось Басе залапать на эти прыгающие кисточки, а еще лучше – оторвать одну из них! Но Бася сдержалась, помня о недавней своей оплошности.

– Ну, вот, видишь, как вышло, – говорила между тем Старуха, – малыша напугали... Ох, и хлопот мне с тобой, Басенька! Ну, да ладно... Ты не думай, что люди злые. Просто они забыли, что они добрые. А ты будь смирной.

Старуха останавливалась, заложив за спину руки, стояла некоторое время – отдыхала. Затем спускала Басю с поводка, и та резво направлялась к ближайшему кусту или чахламу городскому деревцу.

Старуха, наблюдая за болонкой, улыбалась. Ее голубые глаза светились неподдельной нежностью. Этот взгляд источал любовь, делая окружающий мир чище и ярче, уже одним своим существованием утверждая извечную силу добра. Старуха думала о чем-то своем, давнем.

«Теперь зимы теплые», – заключала она, – и снега почти нет». Она вспомнила, как в детстве бегала на каток. Коньков у нее не было – по тем временам они были невероятной роскошью – и к валенкам привязывались полозья. Валенки... «Мама за них на «блошином» рынке свою шелковую блузку отдала», – опять вспомнила она. Ах, эта блузка!... Мать так берегла ее – подарок отца, погибшего в 14-ом.

Отца Лидочка не помнила: не видела никогда, родилась, когда он ушел на фронт. И отец ассоциировался у нее с этой изящной блузкой. Оставшись одна, Лидочка тайком доставала это сокровище и, поднеся к лицу, вдыхала его запах: ей казалось – это был запах отца. Очень хотелось примерить блузку, почувствовать себя взрослой, элегантной, как мама на том старом, тоже дореволюционном снимке, где они были вместе с отцом.... Сейчас это фото стоит у нее на комодке. Мать, совсем юная, в длинном платье с оборками, с высокой – по моде начала века – прической, сидит, держа в руках букетик фиалок. Положив ей на плечо руку, рядом стоит отец. Его строгое лицо в пенсне напоминало Лидочке лицо писателя Чехова. В детстве ей даже так и казалось, что ее отцом был Чехов. Позднее она уяснила для себя, что у отца с Чеховым общего только и было – пенсне да профессия врача.

– Мама, мамочка! – плача и целуя мать, повторяла Лидочка, – когда-нибудь я куплю тебе тысячу шелковых голубых блузок и разных нарядов!

В тот день она вернулась из школы и, не веря своим глазам, увидела эти черные, аккуратные, почти новые валеночки. Но радость сменилась печалью, едва ли не горем, когда она узнала цену этой обуви.

– Успокойся, глупышка, – с грустной улыбкой отвечала мать, – мне не нужны

никакие наряды. И потом, это же будут не те блузки...

Она достала вышитый платочек, вытерла дочке слезы и добавила:

– Главное, что у тебя теперь есть в чем ходить в школу... Вон, снег-то – все идет и идет. Зима нынче холодная будет.

Однако себе Лидочка тогда поклялась, что, став взрослой, непременно подарит матери точно такую же блузку. Не успела... Мамы вскоре не стало. Впрочем, однажды, спустя много лет, проходя мимо витрины комиссионки, Лидочка остолбенела: блузка, настоящая шелковая голубая блузка, точно, как мамина, висела за стеклом. Купив ее и принеся домой, она, однако, так и не решилась примерить покупку, словно боялась, что тогда уйдут ее детские иллюзии об отце. До сих пор она иногда достает блузку и подносит к лицу нежную ткань, вдыхая ее запах...

Немного отдохнув, Старуха шла дальше, к булочной. Бася бежала за ней. То обгоняя хозяйку, то слегка отставая от нее, болонка неизменно была рядом. Около магазина Басю привязывали к столбу. Так, на всякий случай, чтобы избавить ее от соблазна последовать вслед за хозяйкой в эти скрипучие двери, из которых доносился вкусный, аппетитный запах. Смирное ожидание неизменно вознаграждалось маленькой сосиской, которую Бася не просто проглатывала что называется на лету: сосиска буквально испарялась, растворялась на глазах, словно ее и не было. А Бася уже через мгновение сидела, как ни в чем не бывало, преданно глядя на хозяйку.

Магазин почему-то назывался Булочной, но, кроме хлеба и разных продуктов, в нем можно было купить почти все от косметики и бытовой химии до школьной канцелярии и мелкой бытовой техники. Вероятно, название – пухлые, как будто выпеченные из теста буквы – осталось еще с прежних, советских времен.

Старуха приходила сюда каждый день, хотя обычно ничего не покупала, кроме сосиски. Она просто двигалась семенящими шагами между полок с товарами, прищурившись, разглядывала их, иногда осторожно брала что-то и, повертев

в руках, возвращала на прежнее место. Поход в «Булочную» был для нее единственным способом побыть среди людей. Многочисленные покупатели, торопливые и никуда не спешащие, то заходили, то выходили, переговаривались друг с другом и с продавцами, но даже и не представляли, что некая странная старуха в старомодном пальто и немного смешной шляпке наблюдает за ними. Для них она не существовала.

– Бабушка, что вам? – замечали ее иногда продавщицы.

Молоденькие, в красивых одинаковых костюмах, они вежливо начинали предлагать Старухе то один, то другой товар, расхваливая его достоинства. Старухе становилось неловко от их вежливости, к которой она никак не могла привыкнуть, и оттого, что она просто не могла ничего купить. Впрочем, раз в месяц, «разбогатев» после пенсии, она уступала их уговорам и покупала кусочек туалетного мыла или еще какую-нибудь мелочь.

Потом Старуха с Басей возвращались домой, в свою пустую и тихую квартиру. На обратном пути Старуха опять думала о чем-то, вспоминала, как обычно предпочитая прошлое настоящему. Она теперь жила этими своими воспоминаниями. Старуха давно поняла, что все в ее жизни уже случилось, уже было когда-то, и теперь ничего не ждала, а только все чаще и чаще погружаясь в прошлое, была лишь сторонним наблюдателем за жизнью других. Окружающее многообразие жизни, уже недоступное ей, пронеслось мимо, как на экране телевизора. Старуха могла лицезреть его, сопереживать или быть равнодушной, но – увы – не могла участвовать в нем.

После смерти матери ее забрал к себе дядя Миша – Михаил Порфирьевич, младший брат мамы. Добрый, чудаковатый дядя Миша, преподаватель истории древнего мира в одном из питерских вузов. Его жена, Светлана Николаевна, приняла Лидочку, как собственную дочь, своих детей у них не было. Для Светланы Николаевны, Светаньки, как называл ее муж, в мире было только два человека, ради которых она жила – Миша и Лидочка. И даже когда в

37-м дядю Мишу увели среди ночи, вырвав из теплого сна и ничего не объяснив, тетя Света каждый день, накрывая на стол к обеду и ужину, ставила три при-бора.

– Деточка, – обращаясь к Лидочке, говорила она своим тихим, немного певучим голосом, – мы же не знаем ничего.... Вдруг в эту минуту он уже идет домой, – и Светлана Николаевна с ожиданием смотрела на дверь, словно та должна была распахнуться вот-вот, и через мгновение на пороге показался бы дядя Миша, большой и шумный, с неизменной сияющей, белозубой улыбкой, с веселыми искорками в зеленых шаловливых глазах, держа в руках связку потрепанных книг, купленных, как всегда у букиниста.

– А, может даже, он уже поднимается по лестнице... Он придет и увидит, что мы его ждали, – с надеждой предполагала Светлана Николаевна.

Но, увы, дверь не распахивалась, и дядя Миша не выросал на пороге. Все мечты тети Светы разбивались об эту белую крашеную поверхность старых сосновых дверей. И тетя замолкала, присаживалась на край стула, принималась рассеянно помешивать ложечкой чай в чашке и потом так же тихо добавляла, глядя в никуда:

– Человеку очень важно знать, что его где-то ждут...

Тетя Света умерла в блокаду, тихо-тихо, как будто и не жила вовсе, ушла незаметно, так и не дождавшись своего Миши и не узнав, что он умер в том же 37-м. До последнего момента, замерзая в промозглой полупустой квартире, тетя Света сберегала библиотеку мужа. Ненасытная «буржуйка» съедала все без разбора, но эти старинные книги в выцветших от времени переплетах так и остались стоять на своих полках.

Лидочка и сейчас раскаивается, что не настояла тогда на своем, не увезла тетю Свету к себе в Москву, где, как мама когда-то, закончила педагогический и преподавала русскую словесность в школе. Ах, если бы вернуться туда! Но не той легкомысленной, наивной девчонкой с совершенно нереальными идеалами и мечтами, разлетевшимися в один миг множеством разноцветных осколков, а теперешней –

пережившей все и всех.... Увы, так устроено, что она может сделать это лишь в своей памяти, мысленно взирая на ушедших близких с другого берега времени-реки. Исчезая в призрачном тумане прошедших лет, они уплывают от нее все дальше и дальше, и в то же время с годами она все ближе и ближе движется к ним.

Вечер. Стоя у чернильно-синего окна, едва прикрытого легким тюлем, Старуха всматривается в теряющиеся в сумерках очертания улицы, словно надеясь увидеть что-то близкое, знакомое ей одной. Уже давно так повелось, что желанный сон приходит к ней почти на рассвете. Воспоминания не оставляют ее и во сне, становясь еще более реальными. Но едва только дремота накатывает теплой волной и все настойчивее затягивает ее в столь любимый мир грез, как прикосновение чего-то прохладного и влажного размыкает сладостные объятия сна, не оставляя от него и следа. Это Бася тыкается холодным, мокрым носом в руку хозяйки. «Ну! Просыпайся же быстрее, и идем гулять!», – пытается сказать она.

– Сейчас, Басенька, сейчас... – Отвечает Старуха и, сев на кровати, нащупывает ногами шлепанцы.

Через некоторое время они вновь идут своим привычным маршрутом, медленно преодолевая полустертые ступени, спускаются по грязной крутой лестнице. Сегодня Бася почему-то особенно нетерпелива, и как только они оказываются на улице, она буквально рвется с поводка.

– Ну, гуляй, гуляй, – уступает ее желанию Старуха, отстегивая поводок, – только не убегай далеко.

Болонка весело скачет по подтаявшему в оттепель газону. Старуха некоторое время стоит, наблюдая за ней, потом мелкими шагами, заложив за спину руки и слегка подавшись вперед, направляется к облезлой, низкой и узкой, а потому очень неудобной скамейке, осторожно опускается на нее.

Вот и еще одна весна скоро... Она никогда не любила это время года. В его оживленности ей чудилась какая-то скрытая тревога. Казалось, вот-вот нечто ужасное вырвется наружу, как вырывается из-

подо льда очнувшаяся после зимнего небытия река. Весной еще острее осознавалось одиночество. Старухе ближе была осень. Сколько помнила себя, всегда завораживалась осенними красками, мечтала под ласковый шепот опавшей листвы. Осень с детства жила в ней, и, может быть, поэтому в ее жизни все счастливые мгновения случались именно осенью.

И Саша любил осень. Их познакомил дядя Миша, пригласив однажды своего студента на обед. Смешно щурясь близорукими глазами, Саша смущенный сидел за столом и терпеливо отвечал на «дежурные» вопросы тети Светы. Лидочке он тогда не понравился – мямля какой-то...

– Напоминает Пьера Безухова, – категорично заявила она дяде.

Тот в ответ лишь усмехнулся. И действительно, в Саше было что-то от толстовского героя, хотя – в отличие от литературного персонажа – он был высоким и худым. Но, как и Пьер, носил очки, не украшавшие его лица, смущаясь, то и дело снимал и вновь надевал их. Как и Пьер, улыбаясь своей открытой и даже немного глуповатой улыбкой, становился похожим на большого и неуклюжего ребенка. Археология была для него не профессией, страстью. Он мечтал найти в Сибири «свою» стоянку верхнего палеолита...

Может, это Саша как-то мистически направлял ее, когда во время эвакуации она оказалась в местах, в которые стремился он?... В Москву и Питер она больше не вернулась. Там ее никто не ждал. Впрочем, главная причина была в другом – она боялась, боялась той боли, которую могли вызвать ожившие воспоминания. Ей становилось больно от одной только мысли, что вот она идет по знакомым с детства улицам, но и улицы уже не те, и она не та, все родное и чужое одновременно...

– Бася, Басенька!

Отгнав воспоминания, Старуха встала со скамьи и направилась к газону, на котором еще минуту назад резвилась болонка. Но собака не подбежала, как обычно, к хозяйке, не отозвалась привычным лаем. Болонки на газоне не было. Старуха, тревожно осматриваясь, обошла двор, заглянула за стоявшие у подъезда

мусорные баки. Собаки не было нигде. Увидев возвращавшуюся из магазина соседку из десятой квартиры, Старуха бросилась к ней.

– Басю, болоночку мою, не видели? – дрожащим от волнения голосом спросила она, с надеждой глядя в глаза соседке.

– Собаку? – равнодушно переспросила та, – да, вроде, в соседний двор побежала.

– Да? Спасибо, – обрадовалась Старуха и поспешила в указанном направлении.

– Поразведут скотобазу, а потом бегают, – тихо проворчала ей вслед соседка/ Дверь подъезда, жалобно скрипнув, открылась – вышла соседка в мутоновой шубе, на этот раз без внука.

– Видели, – обращаясь к ней, заговорила женщина из десятой, – старуха-то псину свою потеряла.

– Ну, наконец-то! – всплеснула руками дама в шубе. – Видно, дошли мои молитвы. Ведь с ребенком во двор нельзя выйти. Вчера нас так облаяла! Маленькая, а злющая.... А как потеряла-то? Точно, или так?...

– Да точно, точно! Правда, я ее, кажется, в соседнем дворе видела. Старуха туда побежала. И далась ей эта псина...

– А, по-моему, она вообще странная. Вы не находите?

– Пожалуй.... В булочную каждый день тащится, а ничего не покупает.... Все высматривает что-то.

– Вот, вот! И улыбается все время. А то еще сама себе под нос что-то бормочет!

– Да, да. А за собакой, как за дитем, бегают. Вот дожили: детей на собак променяли! – заключила соседка из десятой.

Посудачив еще несколько минут, они разошлись каждая по своим делам.

Тем временем Старуха уже обследовала и соседний двор, но собаки не было и там. Старуха останавливала прохожих, описывая свою любимицу, спрашивала о ней. Никто болонки не видел. Наконец, молодой человек, с большой спортивной сумкой на плече, ответил:

– Да вашу собаченцию, бабуля, сейчас машина сбила. ... Вон там, на перекре-

стке, – и он указал рукой в сторону оживленной автострады.

Лицо Старухи внезапно окаменело, серая тень пробежала по застывшим чертам. Живые глаза вдруг потухли, как будто кто-то незримый выключил источник света, находящийся в них. Как-то машинально, как автомат, с трудом переставляя отяжелевшие ноги, она доплелась до злосчастного перекрестка. Не замечая машин, сигнализирующих ей и стремительно пронесшихся мимо, вообще ничего не видя, вышла на дорогу.

Бася, точнее – то, что еще час назад было ею, лежала на грязном, мокром асфальте. Ее маленькая, лохматая голова была неестественно вывернута, лапы вытянуты вперед. Старуха взяла тело болонки на руки и бережно, словно боясь причинить ей боль, понесла домой.

Она похоронила Басю за городом. Положив обмякшее тельце в сумку, села на пригородную электричку и сошла на ближайшей станции. Некоторое время шла по проселочной дороге пока не очутилась в небольшой березовой рощице.

Несмотря на погожий мартовский день, земля была еще по-зимнему мерзлой. Но Старуха нашла в себе силы отдолбить между тремя молодыми березками неглубокую ямку, и опустила в нее тело собаки. Потом постояла над свежим холмиком и той же дорогой медленно отправилась к станции.

На перроне звук проходящего поезда напомнил ей один летний необыкновенно солнечный день, случившийся так давно, что казалось – это было в другой жизни. Стояла невероятная жара, вокруг толпились люди, кто-то плакал, прощаясь, где-то играла гармошка, лилась нарочито развеселая песня; все это многоголосье сливалось в единый шум, который может быть только на вокзале. Шел второй день войны. Все были охвачены каким-то необъяснимым волнением, непонятным возбуждением. Бодро уверяя друг друга в близости победы и скором окончании войны, большинство, между тем, в глубине души осознавало, что реальность может оказаться куда драматичнее, где-то там, в самом дальнем уголке сердца у всех пряталось

тревожное ожидание чего-то. И неопределенность, которой, казалось, был пропитан сам жаркий воздух, шевелящийся прозрачным маревом, эта неопределенность, томившая всех и вся, была причиной того непонятного возбуждения.

– Лидушка, не надо, не плачь, – уговаривал Саша, вытирая ей слезы, – вот увидишь: все будет хорошо. До осени все закончится, и я вернусь. А ты жди и пиши мне непременно. Да? – он поднял за подбородок ее лицо и с нежностью заглянул в заплаканные глаза, пытаюсь вобрать в себя их бездонную синеву и отыскать в ее глубине ответы на все вопросы, мучившие его в эту минуту.

Она лишь кивнула головой, будучи не в силах ничего сказать, и спрятала лицо у него на груди. С Сашей ей всегда было спокойно, все, что волновало ее, томило сомнениями, исчезало, едва он оказывался рядом. Все становилось ясным и понятным. Они часами могли абсолютно молча бродить по осеннему парку, взявшись за руки. Слова были не нужны – достаточно было просто находиться рядом, чувствовать прикосновение друг друга и слушать музыку умирающих листьев.

Сегодня, провожая мужа на фронт, она вдруг ощутила, как с ним уходит вся ее привычная, сложившаяся жизнь. Точнее – она поняла это еще вчера, узнав о начале войны. Но сегодня, лишь сейчас, в этот момент у нее появилось неожиданное осознание того, что она уже никогда не будет счастлива, по крайней мере – не будет счастлива так, как была до этой разлуки. Словно до сегодняшнего дня жила она, Лида, а завтра ее уже не будет, она исчезнет едва поезд, увозящий Сашу в неопределенность, скроется из вида. Вместо нее появится другой человек, внешне похожий на нее, но, по сути – не она.

Этот их последний день она будет вспоминать всю свою долгую жизнь, вновь и вновь переживая прощальные мгновения и хоть так, мысленно, возвращая Сашу. Письма ему ей писать не пришлось, он пропал без вести в первый же месяц войны, после первого своего боя. Перечитывая тысячи раз лаконичные строки извещения, она не верила им. Так и прожила с

затаенной надеждой. По вечерам, возвращаясь из школы в тихую квартиру, прислушивалась к шагам на лестнице, радостно замирая, как только шаги приближались к ее двери. Но обычно через секунду, другую шаги удалялись вновь, и она опять оставалась ждать.

Иногда раздавался пронзительный, резкий и нетерпеливый звонок, она с волнением спешила к двери и, открыв ее, встречала своих учеников. Шумной веселой ватагой они влетали в ее одинокий мир, наполняя его цветами, громкой музыкой и смехом. Потом их визиты становились все более редкими и, наконец, прекратились совсем. А она уже без надежды – скорее, просто так, по привычке – продолжала тщетно прислушиваться к шагам за дверь.

Электричка неотвратимо приближалась к городу. Старуха, уставившись неподвижными глазами в окно, безучастно наблюдала, как за мутной карамелью вагонного стекла загородный пейзаж нехотя уступал место пригородному. Лес начал редеть и, наконец, превратился в отдельные группы деревьев, безрадостных и поникших, видимо, скучающих по своим лесным собратьям. Живописные, еще заснеженные поляны и холмы сменились какими-то странными, уродливыми в своей нелепости металлоконструкциями и непонятными, блестящими на солнце трубопроводами, идущими ниоткуда в никуда. Между этими сооружениями были разбросаны небольшие, покосившиеся домишки, до окон вросшие в землю. Они не хотели покидать свои обжитые, насиженные места и поэтому упрямо, изо всех сил вцепились в них, как деревья, пустили корни.

Неожиданно крупными хлопьями повалил снег. В его круговерти во мгновение ока исчезло все, что еще минуту назад мелькало за окном. Постепенно снежная кисея проникла и во внутрь поезда, завлакивая собой все вокруг. И не было уже ни полупустого вагона электрички, ни единичных скучающих пассажиров – все они тоже исчезли куда-то, подхваченные неведомой силой, а был только этот густой снег, похожий на белый и вязкий, как молочный кисель, туман.

Внезапно сквозь завораживающую девственно-чистую канитель стало проступать знакомое лицо. Оно росло и приближалось с каждой минутой, становились все более отчетливыми, узнаваемыми его черты.

«Саша?» – удивленно позвала Лида. Вернее – хотела позвать, но не смогла. Однако ее голос все равно прозвучал. Прозвучал где-то в глубине ее самой. И тот, к кому она обращалась, вопреки ее ожиданиям, услышал ее.

– Идем со мной, – отозвался он и улыбнулся, широко и ласково, как умел только он.

– Я так долго тебя ждала... Почему ты не пришел раньше? – с упреком выдохнула она.

– Мне было нельзя... Ты была не готова, – ответил он.

– Не готова? – не поняла она.

– Не готова уйти со мной, – объяснил он.

– А сейчас? – опять спросила она.

– Сейчас самое время. Ведь ты этого хочешь?

– Да, да! Я хочу... Но как? Я же не могу, наверное, – то ли подумала, то ли сказала она с сомнением.

– Можешь, – лицо Саши стало еще более явственным.

– Можешь, – настойчиво повторил он, – только закрой глаза и возьми меня за руку.

Послушавшись, она закрыла глаза и снова увидела его. Но теперь увидела не только лицо, а всего Сашу, целиком. Со всем не изменившимся, как много лет назад, он стоял перед ней и с улыбкой протягивал руку. Яркий свет окружал его, казалось, сам Саша излучает это сияние, будто оно исходит от его больших, карих глаз, уже не скрытых, как прежде, очками, или от белой одежды, красиво обтягивающей его высокую, стройную фигуру. И улыбка Саши, и этот свет манили, притягивали к себе.

Шагнув навстречу мужу, Лида взяла его за руку, с радостью ощутив знакомое тепло его ладони, и сразу поняла, что свет льется откуда-то издалека, заполняя собой все окружающее пространство. Взявшись

за руки, они с Сашей направились к зовущему их свету по широкой и ровной дороге, внезапно открывшейся им. Конца дороге не было видно, но Лиду это не пугало: она знала, если Саша рядом, значит, все будет хорошо. Она с удивлением обнаружила, что с каждым новым шагом у нее прибавляется сил, словно этот поразитель-

ный свет проникает в самую сердцевину ее существа и наполняет ее немощное и больное тело энергией. Они шли молча, как тогда – много лет назад в старом, полузаброшенном осеннем парке с золотящейся листвой, сквозь которую проскальзывали драгоценные нити солнечных лучей. Слова им были не нужны...

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 801.3=82(045/046)

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Сычева Л.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer

Sychyova L.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Л.В. Сычёва

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Т. ТОЛСТОЙ

В статье рассматриваются и анализируются принципы отбора и функционального использования иноязычных вкраплений в художественной прозе Т. Толстой.

L.V. Sychyova

FOREIGN ELEMENTS IN TOLSTOIA'S WORKS

The article considers expressions belonging to another languages, the principles of their selection and the functional usage in works by T. Tolstaya.

Отбор и использование иноязычных вкраплений, представляющих собой слова, словосочетания, фразы, отрывки текста на иностранном языке, включенные в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями, в русских литературных текстах в тот или иной период развития языка определяется не только внутриязыковыми, но и экстралингвистическими факторами, к которым относится и языковая ситуация в стране. В научной литературе языковая ситуация определяется как «живое, динамичное объединение языковых образований на основе их функционирования в общей внеязыковой среде» [1]. Специфика нынешнего состояния языковой ситуации в России в том, что подавляющее большинство изменений в языке связано с изменениями в обществе [2].

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века возникли такие экономические, политические и культурные условия, которые определили предрасположенность нашего общества к восстановлению широких языковых контактов, улучшению знаний в области иностранных языков, увеличению числа иноязычных заимствований, особенно из английского языка.

Изменения затронули и русскую литературу, которая избавилась от тематических и идеологических табу. Отсюда наблюдается многообразие стилей в современной литературной палитре: реализм (В. Крупин), постмодернизм (Евг. Попов), авангардизм (В. Ерофеев), модернизм (Т. Толстая) [3].

Художественный текст стал более свободным и раскованным и в языковом плане. В речевом оформлении текстов ярко проявляется билингвизм современных авторов, вовлекающих в повествования

различные фразы, пословицы на иностранных языках, цитирующих иностранных авторов. Различают билингвизм активный, который предполагает владение вторым языком в его устной и письменной форме, и билингвизм пассивный, предполагающий неполное, частичное владение вторым языком. Для исследуемого нами периода характерен активный билингвизм писателей и их героев.

Материалом нашего исследования являются сборники рассказов Т. Толстой «Изюм», «День», «Ночь», «Двое», роман «Кысь» и др., которые отражают не только культуру народа, но и культуру своего времени.

Т. Толстая является ярким представителем направления модернизма в современной русской литературе, непревзойденным художником слова, полемистом, знатоком человеческих душ. Писательница была воспитана в культурных традициях русских интеллигентных семей середины XX века. Свободное владение иностранными языками считалось в семье делом естественным и само собою разумеющимся. Она получила классическое филологическое образование в Ленинграде, долгое время жила и работала в США, Принстон, где читала университетские курсы по русской литературе. Целью нашего исследования является выявление общих норм употребления, отбора и функционального использования иноязычных вкраплений в художественной прозе Татьяны Толстой.

Представляется закономерным преобладание в произведениях Т. Толстой вкраплений из английского языка, так как это является отражением настоящей языковой ситуации, однако часто встречаются вкрапления из немецкого, французского и даже монгольского и коми языков. Таким образом, отмечается расширение географии языков-источников.

Полные иноязычные вкрапления, представляющие собой вставленный без всякого изменения в принимающий текст отрезок текста на иностранном языке, характерны для текстов со своеобразным национально-культурным содержанием. В них изображаются различные сюжетные ситуации, требующие от участников язы-

кового контакта знания иностранных языков, описываются предметы (реалии) нерусской культуры. Это, например, названия американских и французских газет, журналов, вывесок магазинов и ресторанов.

Частичные иноязычные вкрапления, представляющие собой слово, выражение или предложение в той или иной мере ассимилированные в языке, часто имеют непосредственную или ассоциативную связь с национально-культурным содержанием текста.

Они могут характеризовать речь персонажей-эмигрантов. Так, герои сборников рассказов Т. Толстой русские, живущие в Америке, постоянно перемежают свою речь английскими фразами, например, Отличные ребята, только по-английски не говорят. Один немного спикает. или Он обежал все хайвеи Америки.

Причём, частичные вкрапления употребляются как в графике языка-источника, что соответствует классической традиции ввода вкраплений в принимающий текст, так и в русском графическом оформлении. Последнее, как правило, свидетельствует об ироническом отношении автора к героям или предмету повествования. Так, у Т. Толстой находим фразу: «Никогда Энгельс не изображается без своего бойфренда Карла...» Мы считаем, что подобная традиция ввода иноязычных вкраплений в русскую речь стала языковой приметой нового времени.

Татьяна Толстая в текстах часто сама пытается дать своеобразный языковой анализ тех или иных иноязычных выражений. Например, «Человечество по-английски mankind, почему не womankind? То-то. Да ведь и само слово woman производное от слова man, и с этим нужно бороться». («Изюм»).

Контаминированные вкрапления (явления «ломаной» речи), представляющие собой русское слово или предложение, употреблённое по законам другого языка, встречаются в текстах нечасто. Это русские слова, выступающие в нерусском грамматическом или звуковом оформлении, что сигнализируется отклонением от стандартной русской графической и грам-

матической формы (так называемый ино-
странный акцент, например: Фсё доллар
бабалям! – по-русски кричат продавцы-
арабы в рассказе «Паломники»). Произно-
сится взрывное «б» на месте «п», что соот-
ветствует фонетическим особенностям
арабского языка. Или в рассказе «Пугови-
цы» находим фразу, имитирующую речь
народов Кавказа: «...на Кавказе полагают,
что «женьчин должен быть толстый и чёр-
ный; если очень толстый – можно и бе-
лый»». Языковая контаминация происхо-
дит, как правило, на уровне нарушения
фонетических и морфологических норм
русского языка, однако встречаются слу-
чай, когда русская речь даётся в иноязыч-
ном графическом оформлении, так один из
рассказов Т. Толстой носит название
«BONJOUR, MOUJIK! POCHIOL VON!

Меньшую часть в исследованном ма-
териале представляют вкрапления, ассо-
циативно связанные или совсем не связан-
ные с национально-культурным своеобра-
зием содержания сообщения. Это, как пра-
вило, слова и выражения из европейских

языков, вошедшие в Международный фра-
зеологический фонд (МФФ). Их использо-
вание в текстах без перевода сложилось
как традиция литературной речи в XIX ве-
ке. Т. Толстая продолжает эту традицию. В
большинстве случаев автор использует
графику языка-источника. Например: из
латыни: *Tempora mutantur*; из французско-
го: *tout prendre – tout pardonner*.

Являясь стилистическим средством
речевого выражения, такие фразы, даже с
предельно кратким контекстом, обладают
яркой экспрессивно-эмоциональной насы-
щенностью, что обеспечивает их живу-
честь в языке.

Таким образом, функционирование
иноязычных вкраплений в художественной
прозе Т. Толстой ярко и разнообразно по
речевому оформлению. Они characterи-
зуют географические места действия, нацио-
нальность и социальное положение героя,
степень его владения языком, являются
средством создания иронических ситуаций
и воспроизведения реального объёмного
мира во всём его языковом разнообразии.

Библиографический список

1. Языковая ситуация и взаимодействие языков. – Киев: Наукова думка, 1989. – С. 30.
2. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка // Очерки изменений в русском языке конца XX века. – Воронеж, 2003. – С.4.
3. Русская литература XX века: проза 1980 – 1990-х годов. – Воронеж, 1998. – С.3.

References

1. Language situation and language interaction. – Kiev, 1989. – P. 30.
2. Sternin I.A. Social processes and development of modern Russian language // Sketches of changes in Russian language at the end of the 20th century. – Voronezh, 2003. – P. 4.
3. Russian literature of XX the 20th century: prose of 1980 – 1990 years. – Voronezh, 1998. – P. 3.

УДК 801.281 + 801.282 + 801.27 : 802.0

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
Канд. педагогич. наук, доц. кафедры ино-
странных языков Кочнева М.Г.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 763973*

*Voronezh State University of Architecture and
Civil Engineering
The Chair of foreign languages, candidate of peda-
gogical science, prof., Kochneva M.G.,
senior lecturer of the chair of foreign languages,
Pashchenko A.S.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 763973*

М.Г. Кочнева

УПОТРЕБЛЕНИЕ И ПЕРЕВОД СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ И НАРЕЧИЙ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Анализируются особенности употребления и трудности перевода служебных слов и наречий в технической и научной литературе. Подчеркивается, что в данной литературе служебные слова и наречия приобретают особые оттенки и иногда имеют совершенно новые значения. Рассматриваются наиболее трудные для перевода слова. Все случаи употребления демонстрируются примерами. Определенное внимание уделено также значениям знаков @ и #, которые употребляются в технических, а также в рекламных и коммерческих текстах.

M.G. Kochneva

THE USE AND TRANSLATION OF CONNECTIVE WORDS AND ADVERBS in ENG- LISH TECHNICAL LITERATURE

The peculiarities of the use of connective words and adverbs used in technical and scientific literature and the difficulties of their translation into Russian are analyzed. It is worth noting that in the above literature connective words and adverbs assume specific shades and sometimes new meanings. Some words which are particularly difficult for translation are considered and demonstrated by examples. A certain attention is paid on the meanings of such signs as @ and # which are often used in technical texts as well as in publicity and commercial ones.

Одной из трудностей, вызывающих искажение смысла предложения, при переводе технических текстов зачастую является неправильное понимание функций и значений служебных слов или замена одного значения другим. Это объясняется прежде всего тем, что при чтении основное внимание сосредоточено на переводе главных частей речи, на их многофункциональности и многозначности и упускаются из вида второстепенные члены предложения, в частности служебные слова и наречия, которые приобретают специальные

оттенки и даже совершенно новые значения, когда они используются в технической литературе.

Общеизвестно, что к служебным словам относятся предлоги и союзы. Они показывают различные отношения между членами предложения или отдельными предложениями. А именно: предлоги показывают отношение существительного или местоимения к другим словам в предложении. Они не имеют самостоятельной функции, и, следовательно, не являются членами предложения. В предложениях предлоги выражают разнообразные отношения – временные, следственные, про-

странственные и т.д. . Союзы употребляются для соединения членов предложения и отдельных предложений. Также как предлоги, они не выполняют самостоятельной функции в предложении и не являются членами предложения. По своему употреблению союзы бывают сочинительные и подчинительные. В предложениях они употребляются для соединения, сопоставления, противопоставления отдельных частей предложения (сочинительные союзы), а также для установления характера связи между зависимыми предложениями, а именно главными и придаточными (подчинительные союзы).

Анализ технической литературы позволяет констатировать, что подчинительные союзы используются в ней более часто, чем сочинительные в силу своей специфики.

В отличие от союзов и предлогов наречие в предложениях имеет свою самостоятельную функцию и в зависимости от того, к какой части речи оно относится, может служить или обстоятельством (если относится к глаголу или прилагательному), например: *quite separate* – полностью отделенный, или определением (если относится к существительному). Например: *the above example* – вышеприведенный пример.

Остановимся более подробно на употреблении и переводе некоторых наиболее часто используемых служебных слов и наречий, которые вызывают трудности при переводе и приводят к неправильному пониманию предложений.

Служебное слово **after** может выполнять функции предлога (с различными значениями), союза и наречия. Но вызывает затруднение при переводе, когда употребляется в функции союза времени со значением «когда», «после того как», «по мере того как» и союза причины со значением «так как». Его ошибочно принимают за предлог «после». Например: 1. *After the wheel passes over a bump, the spring returns to its original position.* **После того как** колесо пройдет через дорожную неровность, рессора возвращается в свое первоначальное положение.

Служебное слово **as** является одним из самых многофункциональных и много-

значных слов, а поэтому и одним из наиболее трудных для перевода. Оно может выступать в функции союза с различными значениями, предлога, наречия и входит в состав многочисленных словосочетаний. Наибольшую трудность при переводе оно вызывает в функции предлога со значением «в качестве чего-то», «в виде» или в функции причины со значением «так как». Например: 1. *The support is made as a latticed steel framework or is made of large diameter steel tubes.* Опора выполнена **в виде** решетчатого стального каркаса или сделана из стальных труб большого диаметра. 2. *Internal combustion engines are prime movers as they transform energy taken from fuel into mechanical work.* Двигатели внутреннего сгорания являются первичными двигателями, **так как** они превращают энергию, полученную от топлива, в механическую работу.

Трудности возникают и при переводе некоторых словосочетаний в состав которых входит слово **as**. Например в таких сочетаниях, как: *as it stands* – при создавшемся положении вещей, *as high as* – до (обычно перед цифрами), *take as granted* – принять без доказательства, *as a matter of fact*, *as it was* – фактически, *as far as ... is concerned* – что касается, *as follows* – следующим образом и ряд других. Такие словосочетания не поддаются пословному переводу и их следует заучивать наизусть. Приведем примеры с употреблением данных словосочетаний. 1. *The result of the experiment as it stands is not as accurate as it might be expected.* Результат эксперимента **при создавшемся положении вещей** не такой точный, как ожидалось бы. 2. *It may be taken as granted that shock absorbers operate on hydraulic action.* Можно **принять без доказательства**, что амортизаторы работают на гидравлическом принципе. 3. *High pressure tyres have pressure as high as 5.5 atmosphere.* Шины высокого давления имеют давление **до** 5.5 атмосфер. 4. *As it was, automobile and tractor industries were developed in our country after 1917.* **Фактически** автомобильная и тракторная промышленность были развиты в нашей стране после 1917 года.

Союзное слово *what* в сочетании с *with* образует составной предлог, который может переводиться наречием «отчасти» или «из-за», «благодаря». Например: *The Third Ring Road should become a paradise for the motorists, what with four lanes either way, and not a single intersection with traffic lights. Третья кольцевая дорога должна стать для автомобилистом «раем» благодаря четырем полосам движения в обе стороны и ни единого перекрестка со светофорами.*

Слово *for* может выполнять функции предлога с различными значениями (для, ради, из-за, в течение, вследствие), но и союза, а также входить в состав инфинитивного оборота и ряда словосочетаний. При переводе особую трудность оно вызывает, когда употребляется в функции предлога и союза, выражающих причину, в значении «из-за», «по», «так как». Например: *Hydraulic brakes are highly efficient for their durability and simplicity in design. Гидравлические тормоза высоко эффективны, так как они долговечны и просты по конструкции.*

Составному предлогу *but for* соответствует в русском языке союз «если», за которым следует частица «бы» и отрицание «не» (*если бы не*). Например: *Vibration rollers would be widely used in earthwork but for their complexity in design. Вибрационные катки использовались бы более широко в земляных работах, если бы не были слишком сложны по конструкции.*

Предлог *with*, являясь многозначным, вызывает трудности при переводе научно-технической литературы в значениях «с помощью», «в зависимости», «при». Например: *With top speed of 23 mph the rubber-tired bulldozer carries blade that can be raised 4 ft with lift, tilt and pitch controlled by double acting hydraulic cylinders. При высокой скорости в 23 мили в час пневмоколесный бульдозер оборудуют отвалом, который может быть поднят на 4 фута, в зависимости от подъема, наклона и вылета, контролируемые гидравлическими цилиндрами двойного действия.*

Трудности и неправильное понимание предложения вызывает сочетание наречия *rather* с союзом *than*, которое сле-

дует переводить не пословно, а как «*а не*». Например: *Durability of the specimens containing air-entraining cements depends upon the void structure of the concrete rather than on the chemical composition of the cement. Долговечность образцов, содержащих цемент с воздухововлекающими добавками, зависит от пористой структуры бетона, а не от химического состава цемента.*

Значительные трудности при переводе и понимании текста вызывают союзные слова, выраженные относительными местоимениями (или относительными наречиями) в сочетании с усилительной частицей *ever*. Например, слово *whatever* обычно переводится как «какой бы ни», «любой». Но когда оно стоит в конце предложения, его следует переводить как «*вообще*», «*совсем*». Например: *These substances reveal no basic properties whatever. Эти вещества вообще не проявляют основных свойств.* Перед существительным *whatever* часто переводится как «*независимо от*». Например: *Whatever the erection, the structure should be durable and strong. Независимо от монтажа, конструкция должна быть долговечной и прочной.* *Whatever* перед глаголом переводится как «*все, что*». *Whatever affects the building materials used, affects the structure itself. Все, что касается используемых строительных материалов, касается и самой конструкции.*

Союзное слово *however* (*однако*) переводится как «*как бы ни*» в предложениях, в которых употреблена конверсия. Например: *However difficult was the problem it should be solved as soon as possible. Как бы ни трудна была проблема, ее следует решить как можно скорее.*

Особое внимание хотелось бы уделить на широко распространенное в английской и американской научной и технической литературе применение условных обозначений и знаков, которые мы также относим к служебным. В технических, рекламных и коммерческих текстах можно встретить знак @, который в различных ситуациях означает *по, при, до*. Например: *1. A popular six-cylinder car has a displacement of 225 cubic inches and is rated at 88 hp @ 3,400 rpm. Whereas a six-cylinder tractor of*

231 cubic inches displacement has a speed of only @ 1,600 rpm. Популярная шести-цилиндровая машина имеет рабочий объем 225 кубических дюймов, мощность 88 л.с. при 3 400 оборотах в минуту, в то время как шести-цилиндровый трактор с рабочим объемом 231 кубический дюйм имеет скорость только до 1 600 оборотов в минуту. 2. The firms offers diesel oil @ 2s.5d. per gal. Фирма предлагает дизельное топливо по 2 шиллинга 5 пенсов за один галлон.

Знак # означает номер, если он стоит перед числом, а если стоит после числа, то означает меру веса – фунт. Например: *Eccentrically loaded circular columns are reinforced with 8 # bars. Внецентрично загруженные колонны круглого сечения армированы стержнями весом 8 фунтов на погонный фут. 2. which is retained on the top of the screen is now a minus # 4 to plus # 16 sand product. Песок, который остается на грохоте, является фракцией, проходящей через сито N 4, но задерживается ситом N 16.*

В статье рассмотрены только некоторые примеры с использованием служебных слов и наречий, которые встретились нам в

проанализированной литературе и которые вызвали у студентов и аспирантов затруднения и неправильное понимание читаемого.

В заключение хотелось бы отметить, что анализ научной литературы по вопросам, связанным с трудностями перевода вышеуказанных явлений, свидетельствует о том, что данная проблема не нашла своего широкого освещения в публикациях последних лет и, являясь исключительно актуальной, требует тщательного рассмотрения с целью выявления всех особенностей, всех исключений и всех трудностей понимания служебных слов и наречий, с которыми приходится сталкиваться при переводе научных и технических текстов. Необходима специальная система упражнений, которая способствовала бы выработке умений распознавания и перевода данных явлений. При этом, работа по обучению их правильному пониманию должна носить систематический характер, так как многие явления требуют их запоминания наизусть, что предполагает постоянную работу над языком и неоднократное обращение к разработанной системе упражнений.

Библиографический список

1. Zvereva E.N., Eber I.G. Make them your help. St.Petersburg, 2002. – 94 p.
2. Носенко И.А., Горбунова Е.В. Пособие по переводу научно-технической литературы с английского языка на русский. М.: Высш.шк., 1974. – 152 с.
3. Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. М., 2000. – 127 с.
4. Construction Industry International. Great Britain, 1986. № 12. – 43 p.
5. New Civil Engineer International. UK, 2001. – 46 p.

References

1. Zvereva E.N., Eber I.G. Make them your help. St.Petersburg. 2002, - 94 p.
2. Nosenko I.A., Gorbunova E.V. Textbook on the translation of scientific-and-technical literature from Russian into English. M.: Higher School, 1974. –152 p.
3. Veichman G.A. New in English Grammar. M., 2000. – 127 p.
4. Construction Industry International. Great Britain, 1986. – 43 p.
5. New Civil Engineer International. UK, 2001. – 46 p.

УДК 372.881.161.1

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
Канд. педагогич. наук, доц. кафедры ино-
странных языков Кочнева М.Г.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 763973*

*Voronezh State University of Architecture and
Civil Engineering
The Chair of foreign languages, candidate of peda-
gogical science, associate prof., Kochneva M.G.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 763973*

И.Е. Намакштанская

**УКРАИНСКИЙ ПОДТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ В. ВЫСОЦКОГО «ДАВНО Я
ПОНЯЛ: ЖИТЬ МЫ НЕ СМОГЛИ БЫ»**

В статье рассматривается использование украинской лексики в конкретном поэтическом тексте в аспекте взаимовлияния двух языков и истории двух стран.

I.E. NAMAKSHTANSKAYA

**UKRAINIAN IMPLICATION IN V. VYSOTSKY'S POEM «LONG AGO I UNDER-
STOOD: WE WOULDN'T BE ABLE TO LIVE»**

The article sites the usage of Ukrainian lexics in the concrete verse in the aspect of language interaction and history.

Разговорная речь по сравнению с кодифицированным литературным языком в большей мере отражает индивидуальность человека, связанную с уровнем его образованности, классовой принадлежностью, социальным статусом в обществе, национальностью, чертами характера и - в конце концов - с психическим состоянием в тот или иной жизненный момент. На языковом уровне фиксаторами названных характеристик являются стилистические, лексические (в том числе и фразеологические), морфологические и синтаксические особенности речи персонажей. Именно этот арсенал, а также диалектизмы и профессионализмы использовал В.С. Высоцкий, создавая индивидуальные речевые характеристики своих героев.

Остановимся на анализе одного из названных показателей индивидуализации речи персонажей песен и стихотворений - на исследовании ситуативных значений украинизмов. Но вначале - небольшой лингвистический экскурс.

Проникновение в русскую речь украинизмов имеет богатую историю, отмеченную своими подъемами и спадами. «Украинские элементы, - пишет Р. Якобсон, - начали просачиваться в русский литературный язык на рубеже XVII столетия в качестве носителей вестернизации и секуляризации» (8, 60). После воссоединения России и Украины в 1654 г. многие культурные центры заняли украинские просветители, привнеся в русскую речь большой пласт украинизмов. Украинскими заимствованиями заполняются поэтические произведения Симеона Полоцкого, Сильверста Медведева, Кантемира и многих других русских поэтов. Согласно исследованиям учёных прошлых столетий и современных лингвистов, большой вклад в дело украинизации русского языка внёс Пётр I своими указами 1720, 1721, 1727, 1728 гг., согласно которым книги в Киеве и Чернигове должны были издаваться только языком, который ничем не отличался бы от московской речи. А это было время, когда формирование украинского литературного

языка совпадало с языковыми процессами в России. Относительно этого И. Огиенко писал, что «украинский литературный язык опирается на старинную основу, из неё окончательно выбрасываются полонизмы и новейшие германизмы, из чего постепенно формировался язык, который хорошо понимали в Москве, – появляется язык, вроде бы общий для юга и севера, "общерусский" язык в идее». Как отмечает современный исследователь языка О.В. Шимко, «именно этот язык использовали киевские учёные (С. Полоцкий, С. Яворский, Е. Славеницкий и другие), именно этот язык исправляли в соответствии с юго-западными источниками». И далее: «Среди исследователей истории украинского языка существует негативное отношение к указу 1720 г. и последующим (1721 г., 1727 г., 1728 г.): они расцениваются как такие, что сдерживали развитие украинского литературного языка. На наш взгляд, указы ограничивали права не столько украинского литературного языка (он формировался на народной основе), сколько русского, который наследовал предыдущую книжную традицию» (6, 31). В своём утверждении автор обращается к словам Н.С. Трубецкого, который писал о том, что «старая великорусская культура при Петре I умерла, а та культура, которая живет и развивается в России, является естественным и непосредственным продолжением не московской, а киевской украинской культуры» (5). Не вдаваясь в дискуссионность данного вопроса, поскольку не это является целью нашей работы, ограничимся только упоминанием данных точек зрения относительно путей проникновения украинизмов в русскую разговорную речь.

Думается, что объединение наций в советское время одним – русским – языком не только не остановило, но даже в какой-то мере способствовало проникновению в русскую разговорную речь элементов национальных языков отдельных народов, в том числе и украинского. Этим обусловлено, на наш взгляд, обилие украинизмов в речи персонажей В.Высоцкого. Причем украинизмы, введенные поэтом в тексты песен и стихотворений, свидетельствуют не только о национальной принадлежности

персонажа, в речи которого они встречаются (к чему несомненно стремился поэт), но и о влиянии украинского языка на повседневную (бытовую) русскую речь.

Наиболее интересным, на наш взгляд, в этом плане является введение В.С. Высоцким украинизмов и украинской символики в стихотворение «Давно я понял: жить мы не смогли бы», датированное 1964 годом. Среди его лексических украинизмов можно отметить такие слова: предлог *про* («*Ты не пиши мне про березы, вербы*»), наречие *враз* («*не то я враз усну*»), предлог *за* («*вовсе не скучаю за сосну*»), глагол *бывай*, ситуативно соответствующий украинскому прощальному пожеланию *бувай [здоровий]* («*Ну в общем ладно – надзиратель злится, И я кончаю, – ну всего, бывай!*»).

Кроме того, в стихотворение введены с символическими значениями образы деревьев: «березы», «вербы», «кедры», «сосна». Причем поэт активно использовал славянские мифопоэтические и библейские значения этих деревьев. Так, береза – носитель чистоты, света, нежности, а верба – символ жизненной силы и в то же время – печали и женского одиночества. Эти два образа встречаются при описании бывшей у авторского героя и нынешней у адресата его письма (Маши) жизни («*Ты не пиши мне про березы, вербы – Прошу Христом, не то я враз усну*»). Сосна – символ покорности в украинской мифологии – осталась в прежней жизни авторского героя. А в его, осужденного и обреченного на пребывание вдали от дома, теперешней жизни «*растут такие [...] кедры*». В украинской мифологии кедр – символ величия, в Библии же используется со значением знатности, силы и долголетия. С комплексом этих значений и ввёл, с нашей точки зрения, данный символ В.С. Высоцкий в своё стихотворение. И это надо понимать так: среди заключённых есть сильные духом люди, способные выстоять, не сдаться и постоять не только за себя. Дополнительной позитивной характеристикой авторского героя (адресанта письма) могут послужить такие черты его характера, как

- объективность и честность: «*И что ушла – все правильно, клянусь*»;

- чувство благодарности: «*А за поклоны к праздникам – спасибо*»;

- незлопамятность (очевидно, к бывшим обидчикам, от которых Маша передает привет): «*И за приветы тоже не сержусь*»;

- непритязательность и сочувствие: «*А зря заботишься, хотя и пишешь – муж, но, Как видно, он тебя не балует грошом*» (кстати, последняя лексема здесь тоже может быть трансформированным украинизмом (*гроші* – деньги);

- неагрессивность: «*Ну в общем ладно – надзиратель злится*»;

- теплота души и нежные чувства к бывшей жене: «*...А знаешь, Маша, знаешь, – приезжай*».

Во всём стиле письма (лексика и синтаксис фраз, логическая последовательность и т. д.), в форме которого написано стихотворение, ощущается высокое человеческое достоинство в характере авторского героя.

Не зная, к сожалению, истории написания стихотворения, позволим себе допустить, что оно было посвящено украинской интеллигенции, которая в 60-е годы активно вступила в борьбу с политической властью СССР за демократические основы общества и в этом стремлении была едидушна с российскими шестидесятниками, о чем позже напишет Иван Дзюба в своей книге «Сквозь завихрения времени», сожалея о том, что украинская и российская интеллигенция в настоящее время «утратила состояние этого большого взаимопонимания и большой взаимоподдержки между определенными кругами интеллигенции всех тех народов, которые назывались народами Советского Союза. Ведь проблемы были у всех одинаковые [2]. Можно было бы много привести примеров, как наши молодые поэты, кинодеятели, режиссеры получали поддержку там, потому что была общая цель – борьба за свободу, борьба за культуру, и общий враг – тоталитаризм. Поэтому и были единения и поддержка» (4, 10). Учитывая и эти слова украинского писателя Ивана Дзюбы, вернемся к нашим предположениям относительно подтекста стихотворения «Давно я понял: жить мы не смогли бы», которое,

если бы было написано в 1965 году или позже, то напрямую проецировалось бы на известный эпизод протеста украинской интеллигенции перед премьерой (4.09.1965) в столичном кинотеатре «Украина» фильма С. Параджанова «Гени забытых предков», когда на сцену вышел Иван Дзюба, открыто заявивший «про начатую волну гонений на украинскую интеллигенцию, среди которой начались аресты [...]. И тогда на призыв украинского поэта Василя Стуса "Кто против тирании – встаньте!" поднялась часть людей, присутствующих на премьер» (7, 14). Опять-таки, если бы стихотворение было написано позже, можно было бы связать данный исторический факт и со следующей строфой:

Ты пишешь мне про кинофильм «Дорога»

*И что народу – тыщами у касс, –
Но ты учти – людей здесь тоже много*

И что кино бывает и у нас.

Очевидно, что в последней строке есть подтекст, поскольку в русской разговорной речи словом «кино» называются и разные внезапные стычки, драки, скандалы, протесты и т.д., то есть те жизненные эпизоды, которые связаны с внезапным агрессивным проявлением людей.

Как видим, в стихотворении «Давно я понял: жить мы не смогли бы» (может быть, за этой строкой должно быть подтекстовое продолжение: «*в этих условиях*», – ведь и лексема «вместе» отсутствует) через украинизмы поэт как бы подсказывает нам украинскую тематику подтекста (естественно, что о публикации стихотворения в год его написания не могло быть и речи). И если наши предположения верны, то можно утверждать, что дата написания стихотворения, обозначенная составителями двухтомного сборника сочинений (1), является неточной.

В заключение необходимо отметить, что большинство украинизмов, функционирующих в поэзии В.С. Высоцкого, свидетельствует не только о тщательной работе поэта над индивидуальной речевой характеристикой персонажей, но более того – и о том, что украинский язык через его носителей продолжал оказывать влия-

ние на русскую разговорную речь. А поэзия XX столетия, как впрочем и проза, используя речевые средства, воссоздавала «территориально-разговорные особенности, по которым читатель узнаёт край, быт, обычаи, время описанных событий; соци-

ально-разговорные черты, отражающие уровень образованности персонажей; степень художественной стилизации, распространённой на разных социальных уровнях разговорной практики» (3, с.319-320).

Библиографический список

1. Высоцкий В.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. Песни. – Екатеринбург: изд-во «Крок-Центр», 1995. – 544 с.
- Т. 2. Стихотворения. Песни театра и кино. Поэма. Проза и драматургия. – 544 с.
2. Дзюба И. Сквозь завихрения времени. – К.: Издат. Дом Бураго. – 875 с.
3. Єрмоленко С.Я. Нариси з української словесності (стилістика та культура мови). – К.: Довіра, 1999. – 431 с.
4. Никонорова Олена. «Реванш» Івана Дзюби // Урядовий кур'єр. – № 245. – 2007. – С. 8.
5. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. Под общ. Ред. Т.В. Гамрелидзе и др. – М.: Прогресс, 1987. – 560 с.
6. Шимко О.В. Вплив церковнослов'янської мови української редакції на московську книжно-писемну традицію // Мовознавство. – №2. – 2007. – С. 26-34.
7. Шпак Віктор. «Хто проти тиранії – встаньте!» (До 70-річчя від дня народження Василя Стуса) // Урядовий кур'єр. – № 8. – 2003. – С. 8.
8. Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

References

9. Vysotsky V.S. Works in two volumes. – Yekaterinburg, 1995.
10. Dziuba I. Through the turbulence of time. – Kiev. – 875 p.
11. Yermolenko S.Y. Sketches on Ukrainian language studies (stylistics and culture of speech). – Kiev, 1999. – 431 p.
12. Nikonorova Olena. Ivan Dziuba's "revenge". // Governmental courier. – Vol. 245. – 2007. – P. 8.
13. Trubetskoy N.S. Selected works on philology. – M., 1987. – 560 p.
14. Shimko O.V. Influence of Church Slavonic language of Ukrainian version on Mocsow bookish and written tradition // Linguistics. – Vol. 2. – 2007. – P. 26-34.
15. Shpak V. «Raise those who are against tyrants!» // Governmental courier. – Vol. 8. – 2003. – P. 8.
16. Jacobson R. Works on poetics: Translations. – M., 1987. – 464 p.

УДК 802/809:378.6.022

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет**Д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ковалева Л.В.**Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48**Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering**The chair of Russian language and cross-cultural communication, d-r of philological sciences, full professor Kovaleva L.V.**Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

Л.В. Ковалева

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЛЕКСЕМОЙ «ЛЕС» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному анализу фразеосочетаний, включающих в свой состав лексему «лес». Автор приходит к выводу, что различие фразеологизмов базируется на разных ассоциативных признаках, что объясняется разным уровнем развития культуры народов.

L.V. Kovaleva

RUSSIAN AND GERMAN IDIOMS WITH LEXEME «FOREST»

The article is devoted to the comparative analysis of Russian and German idioms which include lexeme «forest». The author concludes that the differences in idioms is based on different associative features, which is explained by different cultural levels of the nations.

Межъязыковое общение, освоение иностранного языка невозможны без более глубокого и “тщательного изучения мира (не столько языка, сколько

мира) носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т.п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива” (1).

Сходства и различия языков и культур можно выявить только путем сопоставительного анализа. По словам Ю.С.Степанова, “сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, “белые пятна” на семантической картине языка” (2).

Свои трудности во взаимопонимании представляют фразеологизмы, выражающие национально окрашенное отношение

к миру, системе ценностей, образу жизни, хранящие традиции той или иной этнокультурной общности. В силу своей яркой национальной окрашенности, они всегда привлекали особое внимание ученых-лингвистов. Сопоставление устойчивых словосочетаний разных языков представляет как теоретический, так и практический интерес. В то же время фразеосочетания являются ценным страноведческим материалом, поскольку в них наиболее очевидны этнолингвистические компоненты.

В отечественном языкознании накоплен богатый опыт в данной области исследований. Значительный вклад в разработку сопоставительного языкознания внесли такие известные ученые, как Л.В.Щерба, Е.Д.Поливанов, Г.О.Винокур и др. Очень большое значение сопоставительному методу придавал Л.В.Щерба: “Одной из основных задач является сопоставительное изучение структуры или строя различных языков. Важность этой задачи едва ли можно преувеличить” (3).

Большую роль в развитии сопоставительного изучения языков сыграли работы

А.В.Федорова, который исследовал лексику на материале русского, французского и немецкого языков (Федоров, 1971), В.Г.Гака, осветившего теоретические вопросы сопоставления лексики русского и французского языков и давшего подробный анализ структуры значения (Гак, 1977).

Значительный интерес для теории и практики сопоставительного изучения германских языков в области лексики и фразеологии представляют работы лейпцигской школы, где сделана попытка выявления универсальных признаков лексики для ее сопоставления с другими языками (Jager, 1973).

В данной статье делается попытка сопоставить фразеологические сочетания русского и немецкого языков с лексемой «лес».

Рассмотрим данные фразеосочетания в русском языке.

Растения имели важное значение в жизни и деятельности людей, в процессе освоения природы и использования ее человеком. Обилие на территории России лесов, различных видов растительности, используемых в практической и хозяйственной деятельности людей, нашло свое отражение во фразеологической системе языка.

Издавна лес был источником жизни: срубленные деревья использовались в хозяйстве (дрова, столярное и плотницкое ремесло), собранные грибы и ягоды шли в пищу. «Из дерева делали буквально все, от самого жилища до ложек и пуговиц, и каждый предмет мастерили из той породы дерева, которая для этого лучше всего подходила. Кроме того, лес давал дичь, ягоды и грибы» (4). Это и послужило основой для появления ряда фразеосочетаний с лексемой «лес».

ФС «**Кто в лес, кто по дрова**» - о неслаженных, несогласованных действиях. Денотативная ситуация отражает посещение леса людьми, преследующими разные цели (кто в лес гулять, ягоды и грибы собирать, кто дрова заготавливать на зиму для отопления своих домов). Абстрагируясь от этой ситуации, говорящий с помо-

щью данного фразеосочетания обозначает любые несогласованные действия людей.

« С гулом, грохотом...ворвался на станцию курьерский паровоз, замелькали ярко освещенные классные вагоны. Завыли трубы «Интернационал» - кто в лес, кто по дрова от радости. На ходу соскочил начальник отряда, вручил мне пакет» (А.Толстой. Морозная ночь).

«**Что-либо дремучий (темный) лес для кого-либо**» - полная неясность, неизвестность. О чем-либо незнакомом и непонятном. Лексема «дремучий» или «темный», означающая «густой и темный, труднопроходимый», создает образ густого, лишенного солнца и света, труднопроходимого, не имеющего тропинок леса, в котором можно легко заблудиться. Подвергаясь коннотативному переосмыслению, фразеосочетание получает значение: «неизвестность, неясность какого-либо явления или предмета, какой-либо области получаемых знаний».

«Явиться с ответом на суде перед Давыдовым и Шевыревым я чувствовал себя вполне готовым. Но философия была для меня темным лесом» (Буслаев. Мои воспоминания).

«**Смотреть в лес**» - тяготясь местом пребывания, намереваться его покинуть, стремиться вернуться к прежнему месту жительства. Лексема «лес» в денотативной семеме означает «множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами». ФЕ возникла на основе переосмысления ситуации, связанной с приручением диких животных. Несмотря на уход и хорошее кормление, животное всегда стремится на свободу, в лес, туда, где оно родилось. Лексема «смотреть», несущая семему «направлять взгляд, чтобы увидеть что-то или кого-то», в сочетании с лексемой «лес» создает фразеосочетание, которое расширяет свое значение до сферы психологического состояния человека, не желающего жить в месте своего пребывания.

«Оба друга «смотрели в лес», хотя уже не были уверены, что через Германию удастся дойти до фронта при той густой сети облав, которую немцы раскинули по

дорогам” (С.Злобин. Пропавшие без вести).

“**Лес рубят - щепки летят**”: когда делается большое и важное дело, возможны ошибки, издержки, просчеты. Во фразеосочетании отражена денотативная ситуация, связанная с рубкой дров: часть древесины при этом теряется, уходит в щепки. Утрачивая конкретные семы, ФС приобретает значение: возможность издержек, потерь при выполнении любого важного серьезного дела.

“Отец пришел поздно. Тина босиком выбежала в переднюю. - Что? Как? - Чудовищная ерунда! - Но как же это могло?! Ты же сам говорил, у нас зря не возьмут! - Исключения возможны всегда... Лес рубят - щепки летят. Но все скоро выяснится. Это дело дней” (Николаева. Битва в пути).

“**Чем дальше в лес, тем больше дров**” - чем глубже вникаешь в дело, тем больше получаешь полезных результатов. Обилие лесных территорий в России способствовало знанию русскими крестьянами их особенностей: чем дальше в глубь леса уходит дровосек, тем больше возможностей нарубить дрова, так как в густом, дремучем лесу многовековые деревья стояли очень близко друг к другу и их было много. Данная ситуация, переосмысляясь, ложится в основу фразеологического значения: при дальнейшем развитии событий возникает больше последствий.

“ С женой истерика. Дочь заявляет, что она не в состоянии жить с такими буйными родителями, и одевается, чтобы уйти из дому. Чем дальше в лес, тем больше дров. Кончается тем, что важный гость застает на сцене доктора, прикладывающего к голове мужа свинцовые примочки” (Чехов. Водевиль).

“**Семь верст до небес и все лесом**” - многословно и непонятно (о каком-либо явлении или речи). Фразеосочетание построено на противопоставлении лексем “небеса” (все видимое над Землей пространство) с потенциальной семой “доступный зрению, ясный” и “лес” с семой “темный, запутанный”. Противопоставление усиливается сочетанием лексем “семь верст” (верста - старая мера длины, равная 1,06 км). При актуализации потенциальных сем ФС реализует метафорический перенос значения Д1Д1 на любое длинное

запутанное, неясное явление или длинную многословную речь.

“Тут поднялся такой шум, что оратор не смог продолжать свою речь. - Заткните глотку этому пустобреху! - Семь верст до небес и все лесом... - Товарищи! Пусть господин Роганов выскажет свою точку зрения до конца! - крикнул Сапожков. - Никаких точек! Хватит!” (И.Козлов. Жизнь в борьбе).

“**Волков (волка) бояться - в лес не ходить**” - если страшиться предстоящих трудностей, опасностей, то нечего и братья за дело. Лес определял весь уклад жизни русских крестьян. Он помогал им выживать в трудные времена. Однако лес - это чужой, враждебный мир с обитающими там дикими животными, которые в любую минуту могли напасть на людей. Поэтому далеко в глубь леса ходили только смелые и опытные крестьяне. Обозначающее данную бытовую реалию фразеосочетание, переосмысляясь при актуализации семем “волк” (Д1 - хищное животное семейства псовых) и “бояться “испытывать страх, боязнь” с потенциальной семой “остерегаться, опасаться”, получает значение: испытывать страх перед любым трудным и опасным делом.

“Вообще же она и представления не имела о размере неприятностей, доставляемых брату этим человеком. - Волков бояться - в лес не ходить! В прежние годы лесника потому в военную форму и рядили, что он есть караульщик при лесной казне, тот же солдат... а солдату трусить не положено” (Леонов. Русский лес).

В немецком языке есть значительное количество фразеологизмов с названиями растений. Такие ФС могут многое рассказать об особенностях флоры этой страны. Германия - средневропейская страна, и растительный мир ее не богат. Но все же немцы зафиксировали в устойчивых словосочетаниях свойства, качества, особенности деревьев, трав, цветов, растущих в их полосе.

Рассмотрим фразеосочетания с лексемой “**der Wald**” (лес) в немецком языке.

Семема “лес” в Д1 означает “множество деревьев, растущих на большом пространстве”. В ней есть семы “густой, дремучий”, которые актуализировались во фразеологизме “**im Walde aufgewachsen**

sein” (букв. вырасти в лесу) - быть некультурным, дремучим, неотесанным человеком.

С лексемой “лес” известны также и другие фразеосочетания, например:

“**Den Wald vor Bäumen nicht sehen**” (букв. не видеть перед деревьями леса) - когда есть большой выбор частей, трудно увидеть целое.

“So scheint es, lacht Pont in seiner behaglichen rheinländischen Art “ ich glaube, Sie sehen den Wald vor Bäumen nicht. Waren Sie eigentlich immer so, Sie alte Unke? Immer den Kopf voller schwerer, aufsässiger Gedanken?” (A.Zweig. Die Feuerpause).

“**Holz in den Wald tragen**” (букв. носить дрова в лес) - делать бессмысленную работу.

“Den Unternehmern die Bedeutung des Mediums Internet zu erklären hiesse Holz in den Wand tragen oder auch Winnetou des Reiten beibringen” (Duden. Redewendungen).

“**Ich denk, ich stehe im Wald**” (букв. я думаю, что стою в лесу) – быть чем-либо очень удивленным, изумляться чему-либо.

“Schnappt der Kerl sich doch, ohne zu fragen, mein Fahrrad – ich denk, das ich im Wald stehe”.

“**Vom Wald erzählen jemandem**” (букв. Рассказывать кому-либо о лесе) – рассказывать кому-либо небылицы.

Таким образом, сопоставительный анализ русских и немецких фразеосочетаний с лексемой «лес» позволил выявить их сходство и различие. Фразеосочетания отражают мир как единый объект общечеловеческого познания. Этим объясняется выявленное смысловое совпадение некоторых фразеологизмов в анализируемых языках.

С другой стороны, фразеологизмы формируются из признаков, важных для культурно-исторического развития народов, а также из своеобразного национального понимания и категоризации окружающей действительности. Поэтому они имеют и национальный характер, специфический для каждой этнической общности. В ходе анализа вскрываются различия фразеологических единиц, поскольку в своей образной основе они отражают этнический быт, традиции, обычаи, которые являются сугубо специфическими.

Различие может базироваться на различиях ассоциациях при одинаковой образности, что объясняется различным уровнем развития культуры народа. Многие русские фразеологизмы своеобразны и неповторимы. Целый ряд немецких фразеологических единиц не имеют аналогов в других языках, так как основой их служат особенности экономического развития страны, обычаи и нравы немцев, национально-специфические реалии, свойственные немецкому этносу.

Библиографический список

1. Тер-Минасова С.Г. «Слова, слова, слова» // Мир русского слова. – 2000. – №2. – С. 72 - 83.
2. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М., 1965. – С. 120.
3. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию – Л., 1958.– С. 5.
4. Семенова М.В. Быт и верования древних славян. – СПб., 2000. – С. 58.

References

1. Ter-Minasova S.G. «Words, words, words» // The world of Russian word. – 2000. – Vol.2. – P. 72 - 83.
2. Stepanov J.S. French stylistics. – M., 1965. – P.120.
3. Shcherba L.V. Selected works on linguistics. – Leningrad., 1958. – P. 5.
4. Semyonova M.V. Way of life and beliefs of the ancient Slavs. – St.Petersburg, 2000. – P. 58.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 801.3=82(045/046):26 ББК 83.3(2Рус=Рус)6я437

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Подвигина Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant lecturer
Podvigina N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Подвигина

СПОСОБЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «АНГЕЛ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

В статье анализируется понимание термина «концепт»; приводится становление лексемы «ангел» в современном русском языке; рассматриваются способы лексической объективации концепта «ангел» в индивидуально-авторской картине мира И.С. Шмелева, его когнитивные признаки.

N.B. Podvigina

MEANS OF OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT «ANGEL» IN I.S. SHMELYOV'S NOVEL «LETO GOSPODNE» («ANNO DOMINI»)

The article concerns the term 'concept', the development of the lexeme 'angel' in modern Russian language, the means of objectification of the concept 'angel' in I.S. Shmelyov's individual picture of the world and the cognitive signs of the given concept.

Актуальность исследования концептов, вербализованных при помощи православных лексем, и анализ способов их языковой объективации в индивидуально-авторской картине мира русского писателя-эмигранта И.С. Шмелева заключается, во-первых, в отсутствии работ такого плана. Исследование языковых средств объективации концептов является одним из наиболее эффективных средств проникновения в концептосферу носителей языка с целью выявления ее специфических черт, осмысления миропонимания и поведения людей. Когнитивный анализ лингвистических категорий позволяет выявить основные тенденции в развитии менталитета и

психологии представителей той или иной национальной общности. Во-вторых, выбор обусловлен важностью концептов, вербализованных при помощи православных лексем, в русской национальной концептосфере и культурном пространстве. В-третьих, необходимостью является моделирование концептов, то есть структурированное описание их содержания, которое осуществляется посредством когнитивной интерпретации результатов анализа языковых средств их объективации.

Концепты – содержательные единицы памяти, всей картины мира, отраженной в сознании человека и его психике – являются центральным объектом исследования когнитивной лингвистики.

Представители когнитивной лингвистики считают, что каждый язык представляет собой определенную систему концептов, бла-

годаря которой носители языка могут воспринимать, структурировать, классифицировать и интерпретировать поток информации, которая поступает из окружающего мира. Возможность категоризации объектов позволяет объединять их в классы на основании определенных сходств.

Концепт представляет собой ту абстрактную единицу, которой человек оперирует в процессе мышления.

Эти единицы отражают результаты знаний, полученных человеком, накопленного им опыта. Человек мыслит концептами. Анализируя, сравнивая, соединяя разные концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результат мышления.

За основу нашего исследования принимается концепция воронежской теоретико-лингвистической школы, согласно которой концепт понимается как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [5].

Поскольку концепты, вербализованные в художественных произведениях, преломляются сквозь призму авторского мировоззрения и получают специфический индивидуальный ракурс, их анализ в художественных текстах представляет большой интерес для исследователей.

Целью нашего исследования является рассмотрение способов лексической объективации концепта «ангел» в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне».

Этимологические словари следующим образом объясняют появление

в русском языке лексемы «ангел»: «слово заимствовано в форме *ангелъ* в период христианизации Руси в 11 в. древнерусским языком из греческого языка, где существительное *angelos* имеет значение «вестник»» [8].

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» выделяет следующие значения лексемы «ангел»: «Ангел м. существо духовное, одаренное разумом и волею. *Ангел Велика Совета*, Спаситель. *Ангел-хранитель*, приставленный Господом к человеку, для охраны его. *Ангел света*, благой, добрый; *ангел тьмы*, аггел, злой дух. *Чей-либо ангел*, святой, коего имя кто носит; *день ангела*, именины. По злоупотреблению, *ангелом и ангелом во плоти* называют не только человека кроткого, благого жития, но и вообще кого любят, ласкают, кому льстят, в этом знач. слышим: *ангелочек, ангельчик, ангелушка* и пр.» [2].

В современной русской лексикографии у лексемы «ангел» выделяются следующие значения:

«Ангел – 1. В религии: служитель Бога, исполнитель его воли и его посланец к людям (изображаемый обычно крылатым отроком, юношей). Ангел – хранитель – оберегающий данного человека ангел или святой, имя которого человек носит, а также перен.: вообще тот, кто защищает, оберегает кого-либо; 2. перен.: о человеке как о воплощении красоты, доброты; 3. ласковое обращение. День ангела – то же, что именины» [4, 6, 7].

Существует несколько подходов к пониманию слова «ангел». Так, в широком смысле ангел – это небесное бесплотное существо, «созданное Богом, одаренное волей, умом и могуществом, и находящееся на одной из высших ступеней в ряду творений» [3]. Ангелы бессмертны, как человеческие души, но наделены более высокими силами и способностями, чем человек. «Они всегда исполняют волю Божию, они безгрешны. Поскольку ангелы являются служебными духами, много раз они являлись видимым образом: их назначение — возвешение и исполнение воли Божией; по велению Бога они служат людям» [1].

В узком смысле ангел — представитель одного из чинов небесной иерархии. Из всех небесных бесплотных сил ангелы более

всего близки к человеку. Ангелы указывают ему путь, по которому следует пойти, чтобы быть угодным Богу; ангелы же ведут человека по этому пути, оберегают его. «Ангелы постоянно пребывают рядом с людьми, наблюдают за ними. С момента принятия Крещения Бог к каждому приставляет выбранного из числа ангелов хранителя, который любит человека так, как никто на земле любить не может» [3]. Все старания ангела-хранителя направлены на то, чтобы вверенная ему душа обрела спасение.

Согласно святоотеческому учению, возможность грешить была дана ангелам еще при сотворении, однако, благодаря неуклонному упражнению своей воли в добре, они перешли в состояние возможности не грешить, а затем, укрепившись в послушании Богу, силою Божественной благодати, потеряли всякую способность к греху. Лишь один из главнейших ангелов — Денница — воспользовался возможностью греха; он отпал от благодати Божией и увлек за собой треть всех бесплотных сил. С тех пор они укрепились в противоборстве добру и пытаются ввести в соблазн людей, чтобы те отпали от Бога. Прежде небожители, они стали называться «бесами», «демонами», «падшими ангелами», а Денница, их глава, именуется «диаволом», «сатаной» [1].

Будучи совершенными, ангелы всегда пребывают верными Богу. Единственное их стремление, их голод, который, в отличие от человеческого, не связан со страданиями, состоит в постоянной потребности созерцать Божественную красоту, познавать Его вечную мудрость, пребывать в сиянии Его славы. Ангелы не подчинены земным законам пространства и времени, и потому бессмертны; в их небесном жилище — вечное ликование, вечная Пасха. Число их, окружающих Престол Господа, неизмеримо, как их блаженство [1].

В Библии термин «ангел» также употребляется по отношению к обыкновенным людям, выступающим в роли посланников, и по отношению

к пророкам, и по отношению к Самому Христу.

Рассмотрим способы лексической объективации концепта *ангел*.

В анализируемом произведении концепт «ангел» имеет следующие когнитивные признаки:

1) служитель Бога, исполнитель его воли и его посланец к людям.

Для объективации данного когнитивного признака автором используются следующие лексемы:

- «ангел»:

«Защурив глаза, я вижу, как в комнату льется солнце. Широкая золотая полоса, похожая на новенькую доску, косо влезает в комнату, и в ней суетятся золотинки. По таким полосам, от Бога, спускаются с неба *ангелы*, - я знаю по картинкам. Если бы и к нам спустился!» [9].

«На уголке лавчонка, без дверей. Торгует старичок в тулупе, жметя. За мерзлым стеклышком — знакомый *Ангел* с золотым цветочком, мерзнет. Осыпан блеском. Я его держал недавно, трогал пальцем. Бумажный *Ангел*. Ну, карточка...» [9].

«Вдруг, к самому концу, - звонок! Маша шепчет в дверях испуганно:

- Палагея Ивановна...

... матушка спешит встретить... ее все боятся... потому что она судьбу видит, Горкин так говорит. Мне кажется, что кто-то ей шепчет, - *Ангелы?* — она часто склоняет голову набок и будто прислушивается к не слышному никому шепоту — судьбы?...» [9].

- «ангелочек»:

«Я рассматриваю надаренные мне яички. Вот хрустальное — золотое, через него — все волшебное. ...за розовыми и голубыми цветочками бессмертника и мохом, за стеклышком в золотом ободке, видится в глубине картинка: белоснежный Христос с хоругвью воскрес из Гроба. Рассказывала мне няня, что, если смотреть за стеклышко долго-долго, увидишь живого *ангелочка*» [9].

2) тот, кто защищает, оберегает кого-либо.

Для объективации данного когнитивного признака автором используются следующие лексемы:

- «ангел»:

«Утром мне было еще немного радостно, что теперь ходит за мной мой *Ангел*, и

за обедом мне подавали первому. Были и разные подарки...» [9].

« - Бог приведет, завтра пировать будем, - первый ты у меня гость будешь. Ну, батюшка придет, папашенька побывает, а ты все первый, ангельская душка. А вот зачем ты на Гришу намедни заплевался? Лопату ему расколл, он те побранил, а ты – плевать-ся. И у него тоже *Ангел* есть, Григорий Богослов, а ты... за каждым *Ангел* стоит, как можно... на него плюнул – на *Ан-гела* плюнул!

На *Ангела*?! Я это знал, забыл. Я смотрю на образ Архистратига Михаила: весь в серебре, а за ним крылатые воины и копья. Это все *Ангелы*, и за каждым стоят они, и за Гришкой тоже...

- И за Гришкой?..

- А как же, и он образ-подобие, а ты плюешься. А ты вот как: осерчал на кого – сейчас и погляди за него, позадь, и вспомнишь: стоит за ним! И обойдешься. Хошь царь, хошь вот я, плотник ... одинако, при каждом *Ангел*» [9].

3) именины.

Для объективации данного когнитивного признака автором используются следующие лексемы:

- «ангел» и ее просторечная форма «андел»:

«Нищие голосят в воротах:

- С *Ангелом*, кормилец... Михал Панкратыч ... во здравие ... свет ты наш!..» [9].

«Небо мутное, снеговое. Антипушка справляется:

- В Кремль поедешь, Михал Панкратыч?

В Кремль. Отец уж так распорядился – на Чаленьком повезет Гаврила. Всегда под *Ангела* Горкин ездит к Архангелам, где собор» [9].

«Денис ... кричит во всю глотку:

_ Гость дорогой!.. Михал Панкратыч!.. во подгадали ка-ак!.. Аменинник нонче я... с *ан-делом* проздравляюсь...» [9].

- словосочетание «день Ангела»:

«...Домна Панферовна... женщина почтенная, богомольная, Горкин ее совета попросил – может, придумает чего для кренделя. Обошлась она, придумала: сахаром полить – написать на кренделе: «На *день Ангела* – хозяину благому», и еще имя-отчество и фамилию прописать» [9].

«Ради именин Марьюшка испекла кулебяку с ливером, как всегда, - к именинному чаю утром. Родные приедут поздравлять, надо все-таки угостить, *день Ангела*» [9].

«...Горкин ее резонил:

- Да что ж тут, барышня, плохого? Плохого ничего нет. ...Сергей Иваныч вживе еще, а нонче *день Ангела* ихнего, хошь напоследок порадовать» [9].

4) человек как воплощение красоты, доброты:

Для объективации данного когнитивного признака автором используются следующие лексемы:

- «ангел»:

«Уж после Анна Ивановна сказывала: Поля заплакала..., пожалела. Она была молоденькая вдова-солдатка, мужа на войне убили. И вот плакала она...

- А кому он не нравился, папашенька-то! дурным только... *ан-гел* чистый» [9].

- «ангельчик»:

«Я было задичился с Анютой целоваться, и она тоже задичилась, а нас заставили. Ее Домна Панферовна держала, а меня Горкин подталкивал. А потом ничего, ручка за ручку ходили с ней. Такая она нарядная, в кисейке розовой, а на косичках по бантику. Горкин *ангельчиком* ее назвал» [9].

- «ангельский»:

«...увидали, за стеклышком, на крашеном портрете; молоденькая красавица, и *ангельские* у ней кудри по щекам, и глаза *ангельские*...» (Шмелев 2003, с. 302).

« - Бог приведет, завтра пировать будем, - первый ты у меня гость будешь. Ну, батюшка придет, папашенька побывает, а ты все первый, *ангельская* душка» [9].

5) ласковое обращение.

Для объективации данного когнитивного признака автором используются следующие лексемы:

- «ангел» и ее просторечная форма «андел»:

«Торговцы нахваливают товар, стучают друг о дружку мерзлых поросят: живые камушки.

- Звонкие – молодшие!.. не поросятки – *а-нделы!*..

Горкин пеняет тамбовскому – «рыжая борода»: не годится так, *ангелы* – святое слово. Мужик смеется:

- Я и тебя, милый, *а-нделом* назову ... у меня ласковой слова нет. Не черным словом я – *а-ндельским!*..» [9].

Итак, в анализируемом произведении концепт «ангел» имеет традиционные когнитивные признаки, отраженные в толковых словарях: 1) «служитель Бога, исполнитель его воли и его посланец к людям». Данный когни-

тивный признак объективируется при помощи лексемы «ангел» и ее производной «ангелочек»; 2) «тот, кто защищает, оберегает кого-либо». Для вербализации этого когнитивного признака автором используется лексема «ангел»; 3) «именины». Этот когнитивный признак объективирован лексемой «ангел», ее просторечной формой «андел» и словосочетанием «день Ангела»; 4) «человек как воплощение красоты, доброты». Данный когнитивный признак объективируется при помощи лексемы «ангел» и ее производных «ангельчик», «ангельский»; 5) «ласковое обращение». Для объективации данного когнитивного признака автором используется лексема «ангел» и ее просторечная форма «андел».

Библиографический список

1. Закон Божий. Руководство для семьи и школы / Издание Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2005. – 713 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Том 1. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2006. – 636 с.
3. Малый православный толковый словарь / Н.С. Мовлева. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 527 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2003. – 940 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: «АСТ – Восток – Запад», 2007. – 314 с.
6. Современный толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2007. – 959 с.
7. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Альта – Принт», 2007. – 1239 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стереотип. – М.: Астрель: АСТ, 2007.
9. Шмелев И.С. Лето Господне. Человек из ресторана / И.С. Шмелев. – М.: Дрофа, 2003. – 540 с.

References

10. God's Law. Guidance for family and school / Edited by Moscow town church of St. Trinity lavra, 2005. – 713 с.
11. Dal V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language. Vol. 1. – M., 2006. – 636 p.
12. Smaller Orthodox explanatory dictionary /N.S. Movleva. – M., 2005. – 527 p.
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.J. Explanatory dictionary of Russian language. – M., 2003. – 940 p.
14. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. – M., 2007. – 314 p.
15. Modern explanatory dictionary of Russian language / Compiled by S.A. Kousnetsov. – St. Petersburg, 2007. – 959 p.

16. Ushakov D.N. Greater explanatory dictionary of modern Russian language. – М., 2007. – 1239 р.
17. Fasmer M. Ethimological dictionary of Russian language: In 4 vol. – М., 2007.
18. Shmelyov I.S. Leto Gospodne (Anno Domini). A man from the restaurant. – М., 2003. – 540 р.

УДК 801/3=82(045/046):22

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Суханова Т.В.*

Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant lecturer Sukhanova T.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Т.В. Суханова

КОНЦЕПТЫ «ЖЕНЩИНА» И «МУЖЧИНА» В РАССКАЗЕ Т. ТОЛСТОЙ «ПОЭТ И МУЗА»

В статье рассматриваются концепты «женщина» и «мужчина» в индивидуально-авторской картине мира Т. Толстой. Сделана попытка определить некоторые тенденции, характеризующие репрезентацию концептов «женщина» и «мужчина» в творчестве Т. Толстой на материале рассказа «Поэт и муза».

T.V. Soukhanova

CONCEPTS «WOMAN» AND «MAN» IN THE STORY «POET AND HIS MUSE» BY T. TOLSTAYA

The article sites concepts «woman» and «man» in T. Tolstaya's individual picture of the world. The author tries to define some tendencies characterizing representation of these concepts in T. Tolstaya's fiction with an example of the story «Poet and his muse».

Одной из фундаментальных оппозиций человеческой культуры, зародившейся, в глубокой древности, является оппозиция «мужское-женское», во всем культурном так или иначе можно обнаружить

гендерный код, поскольку человечество изначально разделено на мужчин и женщин[1]. Эта оппозиция присутствует и в мифологии любого народа, и в философии, и, несомненно, в художественной литературе. В творчестве любого писателя одними из центральных являются образы мужчины и женщины, и каждый

пытается найти свое решение традиционной оппозиционной пары «мужчина – женщина». Не является исключением и Татьяна Толстая, в творчестве которой ярко представлена гендерная проблематика. В своих произведениях она затрагивает проблемы, касающиеся общечеловеческих вопросов бытия, центральных в мироощущении и мужчин, и женщин: выбор пути, взаимоотношения с окружающими людьми, осознание себя в мире и своего предназначения.

В данной статье мы сделаем попытку определить некоторые тенденции, характеризующие репрезентацию концептов «женщина» и «мужчина» в творчестве Т. Толстой на материале рассказа «Поэт и муза».

В культурной традиции муза – выражение высшей, одухотворенной женской ипостаси, которая дарует поэту вдохновение и возвышает его самого своим влиянием. В данном рассказе когнитивные признаки концепта «женщина» противоположны. Нина – прекрасная, обычная женщина, уточнение – номинация *врач*, которая вне контекста может относиться и к мужчине, и к женщине. Читатель получает намек на некоторую андрогинность героини. Далее эта андрогинность подтверждается: женская суть музы, жаждущей любви, заменяется у героини активными и напористыми действиями, направленными на «овладение» возлюбленным: «нужно ей безумную, сумасшедшую любовь, с рыданиями, букетами, с полуночными ожиданиями телефонного звонка, с ночными погонями на такси, с роковыми препятствиями, изменами и прощениями, нужна такая звериная, знаете ли, страсть – черная ветреная ночь с огнями, чтобы пустяком показался классический женский подвиг – стоптать семь пар железных сапог, изломать

семь железных посохов, изгрызть семь железных хлебов – и получить в награду как высший дар не золотую какую-нибудь розу, не белый пьедестал, а обгорелую спичку или автобусный, в шарик скатанный билетик – крошку с пиршественного стола, где поел светлый король, избранник сердца. Ну, естественно, очень многим женщинам нужно примерно то же самое, так что Нина была, как уже сказано, в этом смысле самая обычная женщина, прекрасная женщина, врач». Происходит подмена ролей – женщина добивается, ухаживает, устраивает, то есть действует активно, в то время как мягкий и возвышенный мужчина становится объектом ее деятельности. Это приводит к тому, что в качестве музы поэт Гришуня выбирает “унылую тлю”, “человеческий остов” – Лизавету. Почему? Несмотря на почти полную деградацию, в ней сохранилось исконно женское качество – поклонение мужчине без попыток воздействия на него: «самое неприятное было то, что каждый божий день, когда ни забежишь – днем ли, вечером ли после дежурства, – в дворницкой сидело, пило чай и откровенно любовалось Гришиной мягкой бородой убогое существо не толще вилки – черная юбка до пят, пластмассовый гребень в тусклых волосах, – некто Лизавета. Конечно, никакого романа у Гришуня с этой унылой тлей быть не могло... Гришуня, блаженнейший, смотрел на этот человеческий остов с удовольствием, читал ей стихи, подвывая и приседая на рифмах, и после, сам расчувствовавшись от собственного творчества, сильно, со слезой мигал и отворачивался, поглядывая на потолок, чтобы слезы втекли обратно, а Лизавета трясла головой, изображая потрясение всего организма, сморкалась и имитировала детские прерывистые вздохи,

будто тоже после обильных рыданий». Как видим, здесь возникает разделение персонажей на “своего” – Нина и “других” – Агния, Лизавета и др. Соответственно, возникают положительные и отрицательные характеристики. Негативное отношение автора к андрогинности Нины не высказывается прямо, но выражается в неприкрытой иронии и может быть прочитано в разрушительности ее действий (муза, в традиции, существо, несущее исключительно созидание).

Следует отметить, что мужчина в данном рассказе показан через призму женского взгляда, или отношения женщины к нему, или, наконец, через свое отношение к женщине:

–“Стоит, розовый, сытый, тупой, яйцевидный, Нину не замечает, а она уже в пальто на пороге. Потом высунет треугольный язык и вертит его так и сяк - боится заразы. Также мне Финист Ясный Сокол!” Сниженность и пошлость образа усиливается за счет иронического сопоставления персонажа с возвышенным и мифологизированным образом. Выражаются исключительно внешние, телесные признаки, причем они настолько абстрактны, что вне контекста сложно понять, относятся ли данные характеристики к человеку.

- “рассмотрев чужого стандартного мужа - лоб с залысинами, тренировочные штаны, растянутые на коленках, нет, такой не нужен, - уходила...”. Снова возникают внешние характеристики, выделяется такой признак, как стандартность, обыденность. Номинация *муж* выражает социальную роль, которую примеряет на себя мужчина.

- “Полутруп немедленно похитил Нинино заждавшееся сердце; скорбные тени на его фарфоровом челе, тьма в запавших глазницах, нежная борода,

прозрачная, как весенний лес, сложились в волшебную декорацию, незримые скрипки сыграли свадебный вальс – ловушка захлопнулась”. Снова мы наблюдаем внешнее описание, на этот раз более детальное. Целью его служит показать непохожесть персонажа на других. Возвышенная лексика используется иронически. Здесь, как и во многих произведениях Толстой возникают интертекстуальные отсылки к произведениям классической литературы, в том числе, ее романтического периода. При помощи иронии происходит снижение и развенчание романтических идеалов.

- Гриша, дворник, поэт, гений, святой! Перед нами ряд номинаций, репрезентирующих концепт “мужчина”. Сам персонаж считает себя в первую очередь поэтом, но авторская точка зрения вытекает из очередности перечисления относящихся к нему номинаций. Эта очередность может трактоваться как с точки зрения возрастания значимости дефиниций, так и в ракурсе отнесенности той или иной дефиниции к персонажу.

В данном произведении на фоне обычной, прекрасной, *мужественной* Нины возникает Гриша – ее любовь. Поэт-дворник – существо в высшей степени безвольное, мягкое, лишенное устремленности, подверженное внешнему влиянию. Единственный значительный его поступок – продажа собственного скелета на благо науки, что выглядит далеко не поэтически. Это некая пародия на героев романтизма. Поэт и муза меняются местами: он становится обычным слабым существом, а она видит в нем романтический идеал, не соответствующий действительности и вдохновляется на активную творческую деятельность по его завоеванию. Таким образом, можно сказать, что в рассказе

Т.Толстой «Поэт и муза» мужчина и женщина: женщина берет на себя традиционно мужскую функцию завоевателя, хозяина, победителя, а мужчина оказы-

вается слабым, безвольным, не способным к принятию самостоятельных решений в жизни.

Библиографический список

1. Кирилина А.В. Мужественность и женственность как культурные концепты/ А.В. Кирилина// Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 141-148.

References

1. Kirilina A.V. Masculinity and femininity as cultural concepts // Methodological problems of cognitive linguistics. – Воронеж, 2001. – P. 141-148.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №6, 2010 г.

Научный журнал

Подписано в печать _____ 2010. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 13. Усл.-печ. л. 14. Тираж 100 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

